

ДЖИМ БАТЧЕР

ФУРИИ КАЛЬДЕРОНА

КОДЕКС АЛЕРЫ

Книга 1

Кодекс Алеры

Джим Батчер
Фурии Кальдерона

«Азбука-Аттикус»

2004

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Батчер Д.

Фурии Кальдерона / Д. Батчер — «Азбука-Аттикус»,
2004 — (Кодекс Алеры)

ISBN 978-5-389-24451-1

Это очень странный мир. Его населяют разные расы: мараты, канимы, ледовики, насекомовидные ворды и даже потомки римских легионеров. Здесь каждый житель еще в детстве получает сверхъестественного союзника – фурию воды, или огня, или земли, или воздуха. Благодаря этим созданиям народы могущественной Алеранской империи веками жили без междоусобиц и сообща давали отпор внешним врагам. Но теперь верховная власть ослабла, знать погрязла в сварах и интригах, и страна неуклонно скатывается к гражданской войне. Парадокс в том, что бросить вызов надвигающейся катастрофе может единственный человек, не обладающий никакими магическими талантами, а потому не способный заручиться поддержкой духов стихий, – юный пастух из суровой северной глуши.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-24451-1

© Батчер Д., 2004
© Азбука-Аттикус, 2004

Содержание

Благодарности	6
Пролог	7
Глава 1	8
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	67
Глава 9	71
Глава 10	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Джим Батчер

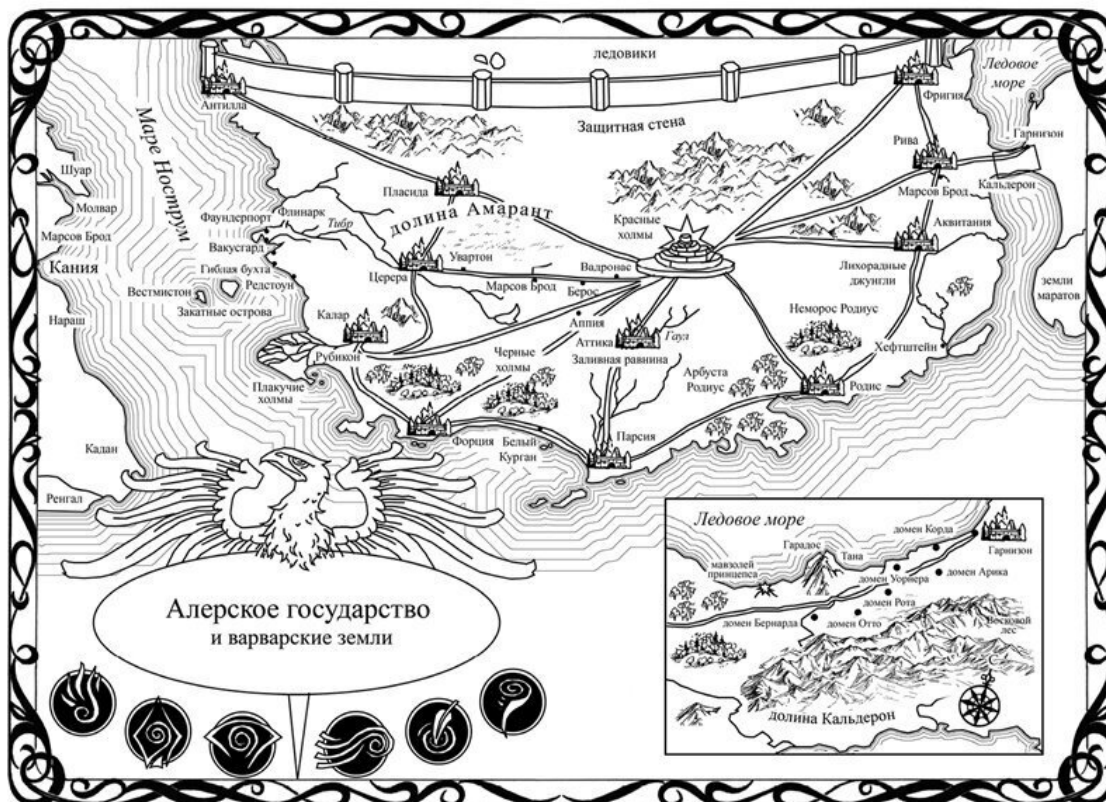
Кодекс Алеры. Книга 1: Фурии Кальдерона

© Н. К. Кудряшов, перевод, 2009

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

Посвящается моему сыну, герою в процессе подготовки.

А также моему отцу, герою состоявшемуся.

Благодарности

Хочу выразить признательность Дженнифер Джексон за отличные советы насчет доработки этой книги. Как всегда, спасибо моим жене и сыну, а также группе бета-ридеров. А еще тысяча благодарностей всем тем безумным мужчинам и женщинам из «Международного фэнтезийного игрового сообщества», вместе с которыми я провел множество выходных, разя напропалую и получая в ответ смертельные раны. Держите сухими ваши пластиковые мечи, вдоволь запасайтесь водой и остерегайтесь змей и хедшотов.

И может ли кто-нибудь объяснить, почему в ваших ролевках я должен таскать свистки?

Пролог

Ход истории определяется не сражениями, не осадами или захватами территорий, но действиями отдельных людей. Самое сильное государство, самая большая армия – это, в сущности, совокупность людей. Их решения, их страсти, их глупость, их мечты – вот что определяет будущее. Если история и учит нас чему-то, так только тому, что слишком часто судьба армий, городов, целых государств зависит от действий одного-единственного человека. В ужасный момент неопределенности решение этого человека, хорошее или плохое, правильное или неправильное, большое или маленькое, может невольно изменить мир.

Но история может быть довольно небрежна. Нам не дано знать заранее, кто этот человек, где он находится и какое решение он примет.

Этого почти достаточно, чтобы заставить меня поверить в Судьбу.

Из записок Гая Примуса, Первого консула Алеры

– Ну пожалуйста, Тави, – упрашивала девушка в предрассветных сумерках у двери кухни. – Всего лишь одна маленькая просьба.

– Ну, не знаю... – замялся мальчик. – Так много дел.

Она наклонилась, и он почувствовал, как к нему прижалось ее стройное тело – мягкое, восхитительно пахнущее цветами. Она прильнула губами к его щеке и шепнула ему на ухо:

– Я буду очень, очень признательна.

– Я... – пробормотал мальчик, – я не знаю, гм...

Она еще раз поцеловала его в щеку:

– Ну пожалуйста!

Сердце его забилося еще быстрее, а ноги сделались ватными.

– Ладно. Так и быть.

Глава 1

Амара сидела на покачивающейся спине старого самца-гарганта, в который раз обдумывая свой план. Утреннее солнце рассеивало туман и согревало ее. За спиной скрипели колеса тяжело груженной повозки. Невольничий ошейник начал уже натирать кожу, и она твердо решила перед следующим заданием поносить его несколько дней, чтобы привыкнуть.

Если, конечно, останется жива после этого.

Зловещий холодок пробежал по ее спине, и Амара нервно передернула плечами. Она сделала глубокий вдох, выдох и зажмурилась на мгновение, выбрасывая из головы все, кроме непосредственных ощущений: теплого солнца на лице, покачивания спины гарганта, скрипа тележных колес.

– Волнуешься? – спросил мужчина, шагавший рядом с гаргантом.

В его руке был зажат жезл, но за все время путешествия он ни разу не поднял его. Ему удалось править этой скотиной, пользуясь одним только поводом, хотя его голова едва доставала до поросшего бурой шерстью бедра старого гарганта. Мужчина был одет как простой торговец: коричневые облегающие штаны, крепкие кожаные сандалии и теплая темно-зеленая куртка поверх домотканой рубахи. Длинная накидка – тоже зеленая, лишённая какого-либо орнамента – была перекинута через плечо, ибо день становился все теплее.

– Нет, – соврала Амара. Она открыла глаза и смотрела прямо перед собой.

– Лгунишка. План не совсем уж глупый – может, и сработает.

Амара опасливо покосилась на своего наставника:

– Но у вас есть предложения?

– По части твоего выпускного экзамена? – спросил Фиделиас. – Клянусь вёронами, нет. Я и в мыслях этого не имел. Это обесценило бы твое выступление.

Амара облизнула пересохшие губы:

– Но как вам кажется, есть что-то, что мне стоит знать?

Фиделиас одарил ее совершенно простодушным взглядом:

– У меня есть пара вопросов.

– Вопросы! – фыркнула Амара. – Мы будем на месте через несколько минут.

– Я могу задать их тебе сразу по прибытии, если хочешь.

– Не будь вы моим патрицерусом, я сочла бы вас совсем невыносимым.

– Приятно слышать такое от тебя, – парировал Фиделиас. – Со времен первого семестра в Академии ты заметно изменилась. Тогда тебя ужасно потрясло, что курсоры не только доставляют почту.

– Вы так любите рассказывать эту историю, хоть и знаете, что я ее терпеть не могу.

– Нет, – ухмыльнулся Фиделиас. – Я так люблю рассказывать ее потому, что знаю, что ты ее терпеть не можешь.

Она ехидно посмотрела на него сверху вниз:

– Потому, наверное, легат-курсор и продолжает посылать вас на задания.

– Это плата за мое обаяние, – согласился Фиделиас. – Ладно, вернемся к делу. Первая моя забота...

– Вопрос, – поправила его Амара.

– Вопрос, – кивнул он. – Это наша легенда.

– Что за вопрос? Армиям нужно железо. Вы промышленяющий рудой контрабандист, а я ваша рабыня. Вы прослышали, что где-то здесь есть рынок, и поехали посмотреть, не удастся ли тут подзаработать.

– Ага, – сказал Фиделиас. – И что я скажу им, если меня спросят, где я взял руду? Она, знаешь ли, на дороге не валяется.

– Вы курсор-каллидус. Вы изобретательны. Я полагаю, вы что-нибудь придумаете.

Фиделиас усмехнулся:

– По крайней мере, ты научилась перекладывать проблемы на чужие плечи. Ладно, мы подъезжаем к этому мятежному легиону с нашей драгоценной рудой. – Он мотнул головой в сторону скрипучей телеги. – Что мешает им просто отобрать ее?

– Вы представляете целую сеть контрабандистов. За вашей поездкой следят, и, если результаты будут неплохими, другие, возможно, тоже захотят поставлять сюда свой товар.

– Что-то я не понимаю, – сказал Фиделиас с невинным выражением лица. – Если верить слухам и этот легион и правда мятежный и если им действительно командует один из консулов, вознамерившийся захватить трон, – не попытаются ли они помешать просочиться наружу любым сведениям о них? Любым – плохим, хорошим, каким угодно?

– Да, – согласилась Амара, покосившись на него сверху вниз. – И это играет нам на руку. Сами подумайте: если вы не вернетесь с этой небольшой прогулки, об этом лагере станет известно всей Алере.

– Это произойдет в любом случае. Невозможно долго держать в тайне целый легион.

– Это наша лучшая легенда. Или вы можете предложить еще что-нибудь?

– Подобраться поближе, вихрем ворваться в лагерь, вывести все и рвать когти.

– Ах да, – кивнула Амара. – Я обдумывала и этот вариант. Отвергла его как слишком глупый и предсказуемый.

– У него есть и преимущества, – не сдавался Фиделиас. – Простота, например. Мы добываем информацию, даем Короне неопровержимые улики, а там уж пускай Первый консул сам начинает кампанию против мятежников.

– Да, так, конечно, проще. Но стоит тем, кто заправляет в этом лагере, узнать, что за ними следят курсоры, они просто-напросто рассредоточат силы и перенесут свои операции куда-нибудь еще. Корона потратит деньги, силы и жизни, чтобы снова прижать их к ногтю, – и даже тогда тот, у кого хватает денег на собственную армию, может просто-напросто уйти из-под удара.

Фиделиас покосился на нее и присвистнул:

– Значит, ты рассчитываешь пробраться туда и уйти оттуда незамеченной, сообщить о результатах Короне – и... и что тогда?

– Вернуться туда с несколькими когортами рыцарей Воздуха и раздавить их во сне, – сказала Амара. – Взять пленных, выбить из них показания на тех, кто за всем этим стоит, и покончить с этим раз и навсегда.

– Амбициозно, – заметил он. – Очень амбициозно. И очень опасно. Если мы попадемся, нас убьют. И вполне логично было бы полагать, что на их стороне есть и рыцари и они день и ночь следят, не заглянет ли к ним курсор-другой.

– Значит, нам не нужно попадаться. Мы бедные люди – алчный контрабандист и его рабыня, – нам всего-то нужно вытянуть из них денег, сколько получится, и убраться оттуда.

– И при этом сохранить эти деньги. – Фиделиас нахмурился. – Как правило, мне нравятся задания, обещающие какую-либо прибыль. Но, Амара... на этот раз слишком многое может пойти не по плану.

– Мы ведь посланники Первого консула, не так ли? Его глаза и уши?

– Только не цитируй мне Кодекс, – раздраженно огрызнулся Фиделиас. – Я работал курсором еще до того, как твои папаша с мамашей призвали своих первых фурий. И не думай, что, если Первый консул питает к тебе симпатию, ты разбираешься в этом лучше меня.

– Вы считаете, это не стоит риска?

– Я считаю, ты многого еще не знаешь, – устало вздохнул Фиделиас, сразу показавшийся ей совсем старым и неуверенным. – Дай я сам разберусь с этим, Амара. Я пойду туда один. Ты останешься здесь, и я подберу тебя на обратном пути. Нет смысла рисковать нами обоими.

– Нет, – сказала она. – Во-первых, эта операция поручена мне. Во-вторых, вам придется полностью сосредоточиться на своей роли. А наблюдать я смогу, особенно сверху. – Она шлепнула по покатоному боку гарганта, и тот фыркнул в ответ, подняв облачко дорожной пыли. – И еще я могу следить за нашими тылами. Если мне покажется, что нас раскусили, мы сможем убраться оттуда.

– Мне казалось, наш маскарад имел смысл только по дороге сюда. А теперь нам лучше подобраться поближе и проникнуть в лагерь после наступления темноты.

– Когда больше никто не войдет, и, значит, мы неминуемо возбудим подозрения, если нас заметят?

Он тяжело вздохнул.

– Ладно, – сказал он. – Ладно. Будь по-твоему. Но ты ведешь опасную игру.

Амара снова ощутила неприятную тяжесть в желудке и провела рукой по животу, пытаясь отогнать страх. Он никуда не делся.

– Нет, – возразила она. – Какие уж тут игрушки.

Хотя тряская походка гарганта и казалась неспешной, каждый шаг его равнялся нескольким шагам человека. Огромные когтистые лапы одолевали милю за милей – и это притом, что здоровенная скотина не забывала по дороге обглаживать придорожные кусты, добавляя жира к и без того толстым запасам его под шкурой. Дай ему волю – и гаргант свернул бы с дороги пастись в свое удовольствие, но Фиделиас опытной рукой направлял его в нужную сторону.

Еще миля – и они, по расчетам Амары, должны были оказаться у дальних пикетов мятежного легиона. Она попыталась напомнить себе о своей роли – усталой с дороги рабыни, – но это, пожалуй, и все, чем она смогла отвлечь на время мысли от нараставшего в плечах и спине напряжения. Что, если слухи о легионе так и останутся пустыми слухами и вся ее разведывательная операция, разработанная с такой тщательностью, окажется пустой тратой времени? Что тогда подумает о ней Первый консул? А остальные курсоры? Ничего себе дебют, если она, едва выйдя из Академии, первым делом осрамится на весь свет!

Волнение ее все росло, словно стальными обручами стягивая спину и плечи; голова буквально распухла от напряжения и палящего солнца. Может, они свернули куда-то не туда? Старая тропа, по которой они шли, казалась слишком проторенной, непохожей на заброшенную лесную тропу, но, впрочем, она могла ошибаться. Пора бы им уже увидеть дым лагерных костров. Да и услышать они могли бы что-нибудь, если они и впрямь так близко, как ей казалось.

Амара совсем уж было собралась окликнуть Фиделиаса, когда мужчина в темных штанах и куртке, в блестящей кирасе и шлеме возник в тени на дороге в каких-то десяти шагах перед ними. Он появился внезапно и тихо – значит, дело не обошлось без заклинания, и весьма искусного. Это был настоящий великан – почти семи футов роста, на боку его висел тяжелый меч. Он поднял руку в перчатке и скучающим, отстраненным тоном произнес:

– Стой!

Фиделиас прикрикнул на гарганта, и здоровенная скотина, сделав по инерции еще несколько шагов, остановилась. Колеса тяжело груженной телеги тоже замерли, протестуя скрипнув напоследок.

– Утречка доброго, господин, – отозвался несколько нервным и подобострастным тоном Фиделиас, срывая с головы шапку и комкая ее слегка дрожащими руками. – Как поживаете... осень-то какая славная выдалась!

– Не ту дорогу выбрал, – буркнул великан. Голос его был скучающим, почти сонным, но рука как бы невзначай легла на рукоять меча. – Эта земля недружелюбна к путешественникам. Поворачивай обратно.

– Да, господин, конечно, господин, – забормотал Фиделиас. – Я всего-то жалкий торговец, странствующий в надежде найти рынок для своего товара. Но неприятности мне не нужны, никак не нужны, господин, мне всего-то нужно окупить затраты, ведь товар-то первосортный,

пусть и некстати здесь, но самый что ни на есть первосортный... – Фиделиас закатил глаза и потыкал дорожную грязь носком башмака. – Железо. – Он хитро улыбнулся великану. – Ну, как пожелаете, добрый господин. Ухожу, ухожу!

Смуглый великан шагнул вперед:

– Постой, купец.

Фиделиас оглянулся.

– Что, господин? – спросил он. – Неужели вас заинтересовал мой товар?

Здоровяк пожал плечами.

– Сколько руды? – спросил он, остановившись в нескольких шагах от Фиделиаса.

– Почти тонна, добрый господин. Сами видите, мой бедный гаргант едва тянет ее.

Мужчина хмыкнул, разглядывая гарганта, и перевел взгляд вверх, на Амару:

– Кто такая?

– Рабыня моя, добрый господин, – отвечал Фиделиас; в голосе его зазвучали льстивые, заискивающие нотки. – Коли захотите, господин, могу продать и ее. Работящая, искушенная по части шитья и готовки, а уж что касается ночных утех – вы такое долго не забудете. Два льва, выгодная покупка.

– Твоя работящая девка едет верхом, пока ты идешь пешком, купец. Ты поступил бы умнее, разъезжая в одиночку. – Он критически сморщил нос. – И она костлява, как мальчишка. Гони свою скотину за мной.

– Так вы хотите купить мой товар, господин?

Легионер смерил его взглядом:

– Я не буду говорить дважды, купец. Следуй за мной.

Фиделиас уставился на солдата, потом нервно сглотнул.

– Хорошо, хорошо, господин. Мы будем держаться за вами. Пошли, старина. – Дрожащими пальцами он дернул за повод, и огромный гаргант двинулся дальше.

Легионер хмыкнул, повернулся и зашагал по дороге. Отойдя на несколько шагов, он пронзительно свистнул, и в тени по обеим сторонам дороги возникло еще с дюжину вооруженных луками людей – точно так же тихо, как он сам минуту назад.

– Подежурьте здесь до моего возвращения, – бросил им здоровяк. – Задерживайте всех, кто попытается пройти.

– Слушаюсь, господин, – отозвался один из солдат.

Амара присмотрелась к говорившему. Он был одет в точности так же, как первый: бриджи и куртка с преобладанием темно-зеленого и темно-коричневого цветов. Кроме того, он был подпоясан черным кушаком – как и первый легионер. Амара огляделась, но ни у кого из других мужчин не было пояса – только у этих двоих. Это стоило запомнить. Рыцари? Возможно. И один из них наверняка сильный заклинатель фурий, если сумел так искусно скрыть от посторонних глаз столько людей.

«Вороны! – подумала она. – Что, если на поверку в этом мятежном легионе окажется полный штатный состав рыцарей? С таким составом, обладая столькими сильными заклинателями фурий, они запросто могут напасть на любой город Алеры...»

И уж наверняка это означало бы, что у легиона имеются могущественные покровители. Любой заклинатель фурий, достаточно сильный, чтобы стать рыцарем, может запрашивать за свои услуги столько, сколько пожелает. Такое не по карману какому-нибудь недовольному торговцу, пожелавшему убедить своего графа или консула снизить налоги. Только знать может позволить себе нанять нескольких рыцарей, не говоря уже о целом отряде.

Амара поехала. Если один из консулов замыслил что-то против Первого консула, то всех их ждут воистину нелегкие времена.

Она покосилась на Фиделиаса, и он поднял на нее встревоженный взгляд. Ей показалось, что она видит в его глазах отражение собственных мыслей и страхов. Ей ужасно хотелось пого-

ворить с Фиделиасом, спросить, что он думает по этому поводу, но позволить себе выйти из роли она не могла. Поэтому все, что ей оставалось, – это стиснуть зубы, покрепче вцепиться в луку седла гарганта и попытаться успокоиться.

Дорога сделала поворот. Они перевалили через невысокий холм, и за ним, в долине, взгляду наконец открылся лагерь.

«Великие фурии, – подумала она. – Это больше похоже на город...»

Наметанный взгляд выделял детали, а мозг анализировал их. Лагерь был построен по стандартным для легионов схемам: частокол из кольев и ров окружали большой прямоугольник, внутри которого стояли аккуратными рядами белые полотняные палатки – слишком много, чтобы сосчитать, – и навесы для оружия и провианта. Лагерь имел только два входа – большие деревянные ворота, расположенные с противоположных сторон. Вокруг лагеря, как мухи, жужжащие вокруг спящего животного, сгрудились в беспорядке палатки и шалаши – не иначе, у легиона нашлось уже много сторонников.

И везде люди. Много людей.

На плацу, разбитом с наружной стороны ограды, занимались муштрой целые когорты под командованием горластых центурионов или всадников с черными кушаками. В другом месте упражнялись в стрельбе по далеким мишеням лучники, в третьем – заклинатели фурий обучали новобранцев основам боевой магии. По лагерю сновали женщины – стирали одежду в протекающем через лагерь ручье, штопали солдатские куртки или просто нежались на утреннем солнышке. Амара разглядела даже двух женщин, подпоясанных черными кушаками, которые ехали верхом на лошадях к тренировочному плацу. Слонявшиеся по лагерю собаки встретили гарганта визгливым лаем. На берегу ручья, чуть в стороне от лагеря, было устроено нечто, похожее на маленький базар, где торговали с самодельных деревянных прилавков и прямо с расстеленных на земле одеял.

– Вы попали как раз между завтраком и обедом, – сообщил солдат. – Однако, если хотите, какой-нибудь еды я вам достану.

– Может, мы лучше отобедаем с вами, господин, – сказал Фиделиас.

– Что ж, может, и так. – Солдат остановился и внимательно, изучающе посмотрел на Амару. – Скажи ей, пусть слезает. Я пришлю конюха или двух присмотреть за твоей скотиной.

– Нет, – помотал головой Фиделиас. – Свой товар я возьму с собой.

– В лагере полно лошадей, – хмыкнул солдат, – и они взбесятся, если учуют эту тварь.

Она останется здесь.

– Тогда и я останусь здесь, – упрямо буркнул Фиделиас.

– Нет.

– Ну тогда рабыня, – не сдавался Фиделиас. – Она может остаться здесь с гаргантом и добром, может заставить его молчать. А то он, чего доброго, испугается чужих рук.

Солдат буравил его подозрительным взглядом:

– Что ты задумал, старина?

– Задумал? Я всего лишь защищаю свои интересы, господин, как и любой скромный торговец.

– Вы находитесь в нашем лагере. Ваши интересы больше не являются проблемой, не так ли? – Легионер не придавал последним словам какого-то особого значения, но рука его легла на рукоять меча.

Фиделиас отшатнулся.

– Ты не посмеешь, – прохрипел он севшим от потрясения и ярости голосом.

Легионер только улыбнулся. Улыбка вышла зловещая.

Фиделиас облизнул губы. Потом посмотрел на Амару. Ей показалось, что он пытается сказать ей что-то взглядом, но он только произнес:

– Девочка, слезай.

Цепляясь за сбрую, Амара соскользнула с седла на землю. Фиделиас дернул за повод, и гаргант лениво опустился на живот – медленно, но все равно земля дрогнула. Он с хрустом отщипнул пучок травы и принялся жевать, прикрыв веки.

– Иди за мной, – сказал легионер. – Ты, рабыня, тоже. Отстанете от меня больше чем на три шага – убью обоих. Ясно?

– Ясно, – буркнул Фиделиас.

– Ясно, господин, – эхом повторила Амара, не поднимая глаз.

Следом за ним они вброд перешли ручей. Ледяная вода доходила Амаре до колен. Она ежилась от холода, но от Фиделиаса с легионером не отставала. Ее наставник поравнялся с ней.

– Видела, сколько палаток? – спросил он едва слышно.

Она чуть заметно кивнула:

– Еще бы.

– И все в образцовом порядке. Это не какая-то шайка недовольных доминусов. Профессиональные военные.

Амара снова кивнула.

– За ними явно серьезные деньги, – шепнула она. – Достаточно ли этого для Первого консула, чтобы он вынес это на Совет?

– Обвинение без обвиняемого? – Фиделиас поморщился и помотал головой. – Нет. Нам нужно добыть хоть что-то, указывающее на того, кто за этим стоит. Не обязательно железные улики, но все же что-то, внушающее доверие.

– Вы узнали нашего провожатого?

Фиделиас покосился на нее:

– А ты?

Амара покачала головой:

– Не знаю точно. Что-то в нем показалось мне знакомым.

Ее спутник кивнул:

– Его прозвали Мечом.

Амара выпучила глаза:

– Олдрик Меч? Вы уверены?

– Я встречал его в столице. Видел его дуэль с Арарисом Валерианом.

Амара осторожно покосилась на шагавшего перед ними человека и еще больше понизила голос.

– Его считают величайшим мечником из ныне живущих.

– Да, – согласился Фиделиас. – Верно, считают. – Он отвесил ей легкий подзатыльник и повысил голос так, чтобы его слышал Олдрик. – И закрой свой поганый рот. Я покормлю тебя, когда сочту нужным и ни на секунду раньше. Ни слова больше.

В лагерь они вошли молча. Олдрик провел их в ворота и дальше, по главной дороге, делившей лагерь пополам. Пройдя некоторое расстояние, он свернул налево, к большой палатке, служившей во всех лагерях алеранских легионов, как знала Амара, командирским шатром. У входа стояли два легионера в блестящих кирасах, с копьями в руках и мечами на поясе. Олдрик кивнул одному из них и вошел внутрь. Минуту спустя он вышел и повернулся к Фиделиасу.

– Ты. Купец. Заходи. Командир желает с тобой потолковать.

Фиделиас шагнул вперед, и Амара двинулась было за ним, но Олдрик уперся ей рукой в грудь:

– Ты один. Не рабыня.

Фиделиас выпрямился, в его голосе звучало возмущение.

– Ты полагаешь, я оставлю ее здесь одну, добрый господин? – Он бросил на Амару взгляд, который она на этот раз поняла без труда: предостережение, – но он только добавил: – Оставлю хорошенькую девку в лагере, полном солдат?

– Мог бы подумать и раньше, прежде чем являться сюда. Да не убьют ее, не бойся. Ступай в палатку.

Фиделиас оглянулся на Амару и облизнул пересохшие губы. Потом шагнул внутрь. Мгновение Олдрик смотрел на нее – холодно, отрешенно. Потом тоже вошел в палатку. Правда, почти сразу же вернулся, волоча за руку девушку. Маленькую, даже можно сказать истощенную; одежда висела на ней, как на пугале. Ошейник рабыни, самого маленького размера, болтался свободно на ее шее. Каштановые волосы были совсем сухими и только что не ломались как солома, подол платья был забрызган грязью, хотя ноги почему-то оставались довольно-таки чистыми. Олдрик бесцеремонно вышвырнул ее из палатки.

– У нас дела, – бросил он ей вслед, отвязал откинутый полог палатки от колышка и вернулся внутрь.

Девушка плюхнулась на землю вместе с плетеной корзиной и заскользила по грязи, так и не выпуская корзины из рук. Амара опустилась рядом с ней на колени.

– Ты как, в порядке?

– Отлично, – огрызнулась девушка. Она с усилием встала и лягнула ногой угол палатки, выбив из нее облачко пыли. – Вот урод, – буркнула она. – Я пытаюсь навести хоть какой-то порядок в этом его свинарнике, а он вышвыривает меня, как куль с мукой... – Оскорбленно надув губы, она повернулась к Амаре. – Меня зовут Одиана.

– Амара, – откликнулась та, чуть улыбнувшись. Она огляделась по сторонам, облизнула губы и призадумалась. Ей совершенно необходимо было пройтись по лагерю. Попытаться найти что-нибудь, что она смогла бы захватить с собой в качестве улики. – А скажи, Одиана, можно ли здесь найти место, чтобы напиться? Мы добирались сюда так долго... в горле совсем пересохло.

Девушка перебросила прядь вьющихся волос через плечо, покосилась на командирскую палатку и сморщила нос.

– Что тебе больше по вкусу? Есть дешевое пиво... Почти чистая вода. Ну или можно просто воды выпить. Это и проще будет.

– Хватит и воды, – сказала Амара.

– Разумное решение, – согласилась Одиана. Она поудобнее взяла корзину и махнула свободной рукой. – Нам туда.

Она повернулась и решительным шагом двинулась прочь от палатки в направлении противоположных ворот. Амара догнала ее, на ходу оглядываясь по сторонам. По дороге, грохоча подошвами башмаков, промаршировал отряд солдат, и девушкам пришлось спрятаться за палатку, пропуская их.

– Солдаты! – сморщила нос Одиана. – Вороны их побери, меня от них всех уже тошнит.

– Ты давно здесь? – спросила Амара.

– С Нового года, – отозвалась ее спутница. – Ходят, правда, слухи, что мы скоро двинем отсюда.

Сердце Амары забилося чаще.

– Двинете? Куда?

Одиана покосилась на нее и снисходительно улыбнулась:

– Ты ведь не жила среди солдат, верно? Какая разница – куда? Это... – Она неопределенно махнула рукой на лагерь. – Не меняется. Это везде одинаково, где бы ни стояло, у океана ли, или у подножия Защитной стены... Люди все те же. Небо все то же, да и земля не настолько меняется, чтобы это было так уж заметно. Вот оно как.

– Ну все же... Ты попадаешь в новые места. Видишь что-то новое.

– Только новые пятна на их одежде, – буркнула Одиана. Отряд прошел, и девушки снова выбрались на дорогу. – Но я слышала, что дальше на север и, может, еще немного на восток.

– В Аквитанию?

Одиана пожала плечами:

– А это разве там? – Они спустились к ручью, и она порылась в своей корзине. – Вот, – сказала она. – Держи. – Она сунула Амаре в руки пару грязных мисок. – Раз уж мы здесь, можем заодно и помыть. Вброды, ну и грязнули же они. Солдатня, словом. Хорошо хоть у легионеров в палатках более-менее чисто.

Она выудила из корзины кость и бросила ее пробежавшей мимо собаке. За костью последовало яблоко, которое Одиана перед тем, как выбросить в ручей, надкусила. Потом она достала из корзины клочок бумаги – его она выбросила, можно сказать, не глядя.

Амара повернулась и придавила его ногой, чтобы не сдуло ветром. Потом нагнулась и подняла его.

– Что? – удивилась Одиана. – Что ты делаешь?

Амара потерела бумажку в пальцах.

– Ну... э... Вряд ли стоит так просто бросать ее на землю, если уж ты решила навести чистоту.

– Если его нет в лагере, никому не будет до этого дела, – сказала Одиана.

Склонив голову набок, она смотрела, как Амара разворачивает бумагу и пробегает строчки глазами. Через некоторое время она удивленно спросила:

– Ты умеешь читать?

– Немного, – рассеянно отвечала Амара. Чем больше она читала, тем сильнее дрожали ее пальцы.

Командующему второго легиона

Вам предписывается свернуть лагерь и двигаться к назначенному месту сбора. Вам надлежит прибыть не позже конца десятого месяца, дабы зима не застала вас врасплох. Во время марша не прекращайте обычной воинской подготовки и практических занятий...

Там было написано еще много чего, но Амара не стала читать, сразу скользнув глазами к последней строке.

Аттикус Квентин, консул Аттики.

У Амары захватило дух. Значит, ее худшие опасения подтвердились. Заговор. Мятеж. Война.

– Ну и что там? – спросила Одиана и сунула в руки Амаре еще одну миску. – На, сполосни в воде.

– Тут написано... – Амара взяла миски, подошла к краю воды и наклонилась, – написано... Гм, я толком не разобрала.

Она скомкала письмо и сунула в башмак. В голове продолжали роиться возможные последствия того, о чем ей стало известно.

– Знаешь, – беззаботно промурлыкала Одиана, – сдастся мне, ты врешь. Не каждый день встречаются образованные рабыни, которые задают вопросы о перемещениях войск. И которые достаточно разбираются в политике, чтобы оценить последствия одной коротенькой записки. Такое скорее можно ожидать от... ну, не знаю даже... – Она продолжила почти шепотом: – Например, от курсора.

Амара застыла, потом повернулась к Одиане – и тут же полетела в воду, оглушенная ударом ноги в подбородок. Боль молнией пронзила ее; эта девчонка-заморыш оказалась куда сильнее, чем она ожидала.

Она сразу же вскочила, помотала головой, стряхивая воду, и попыталась набрать в грудь воздуха, чтобы призвать своих фурий – но вместо воздуха в рот и нос ее хлынула вода, и она начала задыхаться. Сердце ее панически забилося в груди, она потянулась руками к лицу и обнаружила, что оно почти по самые брови покрыто тонкой пленкой воды, которая не стекала вниз и не поддавалась, когда она попыталась смахнуть ее руками. Она так и не смогла вздохнуть. Мир вокруг нее начало заволакивать темной дымкой, и она пошатнулась.

Письмо. Ей нужно вынести письмо отсюда и доставить Первому консулу. Улики, в которых он так нуждается...

Она выбралась-таки на берег прежде, чем заполнившая ее легкие вода окончательно лишила ее сил. Она рухнула на землю, открыла глаза и уставилась на стоявшие прямо перед ней босые чистые ноги Одианы.

Амара повернула голову и встретилась взглядом с Одианой, на лице которой играла мягкая улыбка.

– Не тревожься, милая, – произнесла девушка.

Она начала меняться на глазах. Ввалившиеся щеки округлились. Тонкие, похожие на тростинки конечности окрепли. Бедра и груди увеличились в объеме, придав телу соблазнительные очертания и заполнив свободно болтавшуюся на ней одежду. Волосы сделались длиннее, пышнее и темнее, и она, рассмеявшись, тряхнула головой и опустила на колени рядом с Амарой.

Одиана протянула руку и погладила Амару по мокрым волосам.

– Не тревожься, – повторила она. – Мы не собираемся тебя убивать. Ты нам нужна. – Она медленно вытянула из корзины черный пояс и повязала его вокруг талии. – Однако вы, курсоры, скользкое племя. Усни, Амара. Так будет куда проще. А тогда я смогу убрать эту воду и позволить тебе снова дышать.

Амара забилась в попытках вздохнуть, но это ей так и не удалось. В глазах темнело, потом в этой темноте поплыли яркие круги. Она попыталась схватить Одиану за ноги, но пальцы ее онемели и ослабли.

Последнее, что она увидела, – это как прекрасная заклинательница воды нагнулась и нежно поцеловала ее в лоб.

– Спи, – прошептала она. – Спи.

А потом Амара окончательно провалилась в черноту.

Глава 2

Амара очнулась. Оказалось, что она закопана в землю до самых подмышек. Рыхлая земля толстым слоем покрывала ее руки и волосы. Лицо показалось ей непривычно тяжелым, и пару мгновений спустя до нее дошло, что вся голова ее старательно вымазана грязью.

Не обращая внимания на пульсирующую боль в затылке, она попыталась собраться с мыслями, сложить воедино отрывочные воспоминания и ощущения, пока не вспомнила вдруг с пугающей ясностью, где она и что с ней произошло.

Сердце забилось в груди как обезумевшее, а конечности похолодели от страха.

Она открыла глаза, и в них тут же попала земля, так что ей пришлось заморгать. Слезы помогли смыть грязь. Через несколько мгновений она смогла видеть.

Она находилась в палатке. В командирском шатре, догадалась она. Свет пробивался в него сквозь неплотно прикрытый входной полог, но его было немного, так что внутри палатки царил полумрак.

– Что, очнулась? – прохрипел голос за ее спиной.

Она повернула голову, пытаясь взглянуть назад. Только краем глаза она смогла разглядеть Фиделиаса – разумеется, это был он. Он висел внутри железной клетки, подвешенный кожаными ремнями за плечи и руки так, чтобы ноги его не касались пола. Лицо его украсил огромный синяк, на разбитой губе запеклась кровь.

– Вы в порядке? – прошептала Амара.

– Ничего. Если не считать того, что я попал в плен, избит и ожидаю допроса с пристрастием. Это тебе стоит тревожиться.

Амара сглотнула слюну:

– Это еще почему?

– Мне кажется, это можно расценить как провал выпускного экзамена.

Амара почувствовала, как губы ее, несмотря на обстоятельства, кривятся в ухмылке.

– Нам надо бежать.

Фиделиас тоже сделал попытку улыбнуться. От усилия разбитая губа снова начала кровоточить.

– Мысль неплохая... только боюсь, шанса воплотить ее тебе не дадут. Эти люди свое дело знают.

Амара попробовала пошевелиться, но из земли вырваться не смогла. Все, что ей удалось, – это высвободить руки, но все равно они остались сплошь покрытыми грязью.

– Циррус, – прошептала она, пытаясь мысленно связаться со своей фурией. – Перистый Циррус, выдерни меня.

Ничего не произошло.

Она попыталась еще раз. И еще. Ее фурия не отозвалась.

– Грязь, – выдохнула она и закрыла глаза. – Земля противостоит воздуху. Циррус меня не слышит.

– Верно, – подтвердил Фиделиас. – Меня Этан или Вамма тоже не слышат.

Он потянулся пальцами ступней к полу, но так до него и не достал. От досады он пнул ногой железные прутья клетки.

– Значит, нам нужно придумать, как выбраться.

Фиделиас закрыл глаза и медленно вздохнул:

– Мы проиграли, Амара. Мат.

Слова эти били по ней тяжелыми молотами. Холодные. Тяжелые. Простые. Она сглотнула, почувствовала, как глаза ее наполняются слезами, и сразу же разлилась на себя, сморгнув их. Нет. Она курсор. Если ей и суждено умереть, она не доставит врагам Короны удоволь-

ствия любоваться ее слезами. На мгновение ей вспомнился ее дом, маленькая квартирочка в столице, ее семья, которая жила не так и далеко – в Парсии, на побережье. Ей снова пришлось сдерживать слезы.

Она перебирала свои воспоминания, одно за другим, и задвигала их в самый темный, дальний уголок своего разума. Ее мечты. Ее надежды на будущее. Друзья, которых она завела в Академии. Потом она заперла все это покрепче и открыла глаза – сухие, без единой слезинки.

– Что им нужно? – спросила она у Фиделиаса.

Ее наставник покачал головой:

– Не знаю точно. С их стороны это не самый умный ход. Даже при всех этих предосторожностях стоит хоть чему-то пойти не так, и курсор может улизнуть и не даваться им до тех пор, пока жив.

Клапан палатки откинулся, и вошла Одиана. Подол ее юбки поднял с пола облачко пыли, ярко вспыхнувшей в солнечном свете.

– Ну что ж, – сказала она. – Вот мы это сейчас и исправим.

Следом за ней вошел Олдрик, заслонив на мгновение свет; за ним – пара легионеров. Олдрик махнул рукой в сторону клетки, и те подошли к ней, продели в кольца у ее основания свои копья и оторвали ее от земли.

Фиделиас пристально, исподлобья посмотрел на Олдрика, облизнул пересохшие губы и оглянулся на Амара.

– Не упорствуй в своей гордыне, девочка, – сказал он, когда солдаты понесли его к выходу. – Ты не проиграла до тех пор, пока жива.

И его вынесли.

– Куда вы его тащите? – спросила Амара, переводя взгляд с Олдрика на Одиану и обратно и прикладывая все усилия к тому, чтобы голос ее не дрожал.

Олдрик вытащил меч из ножен.

– Старик нам больше не нужен, – бросил он и вышел из палатки.

Мгновение спустя снаружи послышался звук, словно нож воткнули в спелый арбуз. Амара услышала, как Фиделиас негромко охнул на выдохе, словно пытался удержать крик, но не смог. Потом что-то стукнуло о прутья клетки.

– Заройте это, – приказал Олдрик и, так и держа меч в руке, вернулся в палатку.

На клинке алела кровь.

Амара не могла отвести взгляда от меча, от крови своего наставника. Все это как-то не укладывалось у нее в сознании. Она просто не могла поверить в факт смерти Фиделиаса. Все должно было быть совсем по-другому. Их план должен был защитить их обоих. Он должен был помочь им проникнуть в лагерь, а потом благополучно из него выбраться. Всего этого не должно было случиться. В Академии так никогда не бывало.

На этот раз ей не удалось удержать слез, задвинуть лицо Фиделиаса в тот темный чулан ее сознания, где уже находилось все, что было ей дорого. Наоборот, все это вырвалось обратно, на волю, а вместе с этим хлынули и слезы. Амара больше не чувствовала себя ни умной, ни опасной для врагов, ни хорошо подготовленной. Она была окоченевшей. И грязной. И усталой. И совсем, совсем одинокой.

Одиана неодобрительно хмыкнула что-то и поспешила к Амаре. Она опустилась рядом с ней на колени, держа в руке сухой платок, которым она вытерла с ее лица слезы. Пальцы ее были мягкими, нежными.

– Так ты грязь смываешь, милочка, – мягко произнесла она.

И все с той же улыбкой, глядя ей в лицо, втерла в ее глаза пригоршню свежей земли.

Амара вскрикнула и, вскинув руку, попыталась отбиться, но справиться с водяной ведьмой не смогла. Она вытерла горящие глаза перепачканными грязью руками, но толку от этого было мало. Страх и горечь обернулись приступом ярости, и она начала кричать. Она обрушила

на своих мучителей все оскорбления, какие пришли ей в голову, все проклятия, какие слышала за свою жизнь. Она выла волчицей, она всхлипывала, и смешанные с землей слезы жгли ей глаза. Она колотила руками по земле и билась, пытаясь вырваться.

А в ответ ничего, тишина.

Злость Амары сошла на нет, забрав с собой и остаток сил. Она содрогалась от рыданий, которые силилась сдерживать, скрыть от них. Это ей не удалось. Лицо ее пылало от стыда, и она вся дрожала от холода и страха.

Она снова начала моргать и постепенно вновь обрела способность видеть – только для того, чтобы разглядеть Одиану, стоявшую над ней. Совсем близко, но рукой не достать. Одиана улыбалась, ее темные глаза блестели. Она сделала шаг и изящной босой ножкой запустила новую порцию земли в глаза Амары. Амара успела отвернуться и зажмуриться, потом упрямо посмотрела той в глаза. Одиана злобно зашипела и отвела ногу для нового удара, но ее опередил оклик Олдрика.

– Довольно, милая.

Водяная ведьма бросила на Амару кровожадный взгляд и отошла от нее, встав за спиной сидевшего на стуле Олдрика и положив руки ему на плечи. Воин сидел, держа меч на коленях. Он вытер клинок тряпкой и бросил ее на землю. Тряпка была красной от крови.

– Объясню все как можно проще, – произнес Олдрик. – Я буду задавать тебе вопросы. Ответь на них правдиво – и я сохраню тебе жизнь. Солги мне или откажись отвечать – и с тобой случится то же, что со стариком. – Он перевел взгляд с меча на Амару, лицо его было совершенно бесстрастным. – Тебе ясно?

Амара сглотнула, потом кивнула.

– Хорошо. Ты совсем недавно была во дворце. То, как ты показала себя при пожаре прошлой зимой, на Первого консула произвело такое впечатление, что он попросил тебя навестить его. Тебя проводили в его личные покои, и ты разговаривала с ним там. Это правда?

Она снова кивнула.

– Сколько часовых охраняют его покои?

Амара потрясенно уставилась на него:

– Что?

Олдрик долго и молча смотрел на нее.

– Сколько часовых охраняют его покои?

Амара прерывисто вздохнула:

– Я не могу сказать вам этого. Вы сами знаете, что не могу.

Пальцы Одианы сильнее сжали плечи Олдрика.

– Она врет, любовь моя. Она просто не хочет говорить тебе этого.

Амара облизнула губы и сплюнула грязь на пол. Имелась только одна причина спрашивать про оборону внутренних покоев дворца. Кто-то хотел ударить лично по Первому консулу. Кто-то хотел смерти Гая.

Она сглотнула и опустила голову. Ей необходимо было каким-то образом обмануть их. Потянуть время. Время позволит ей найти путь к побегу – а если нет, то хотя бы убить себя прежде, чем они выбьют из нее информацию.

При мысли об этом ей стало не по себе. Хватит ли у нее духу на такое? Раньше ей всегда казалось, что хватит. Раньше – до того, как она попала в плен. До того, как она услышала, как умер Фиделиас.

«Не упорствуй в гордыне, девочка». Последние слова Фиделиаса всплыли в ее памяти, и она почувствовала себя еще слабее. Уж не намекал ли он ей на то, чтобы она пошла на сотрудничество с ними? Может, он считает, что Первый консул и так обречен?

А она сама? Пойти ли ей с ними? Или отвергнуть предложение? Отбросить ли ей все, чему ее учили, во что она верила, – ради спасения жизни? Она даже обмануть их толком не

могла – во всяком случае, в присутствии Одианы. Водяная ведьма, чтоб ей, запросто распознавала, лжет она или нет.

Все пропало. Она привела Фиделиаса на верную смерть. Она поставила его жизнь на карту и проиграла. И свою жизнь тоже. Может, ей удастся хоть самой спастись, связав свою судьбу с теми, кто взял ее в плен?

Гнев снова охватил ее. Как только посмела она думать о таком? И вообще, как он посмел умирать? Почему не увидел, что сейчас случится, не предупредил ее...

Амара резко подняла голову и несколько раз моргнула, чтобы думать яснее. Весь гнев ее сразу испарился. Нет, правда: почему Фиделиас не предупредил ее? Ловушка была расставлена слишком старательно. Их взяли тепленькими – подозрительно чисто. Из чего следовало...

Из чего следовало: Олдрик с Одианой знали, что они появятся. А из этого, в свою очередь...

Она посмотрела на них, сглотнула еще раз и, насколько могла, задрала подбородок вверх.

– Я вам не скажу, – произнесла она спокойно, – я вам больше ничего не скажу.

– Ты умрешь. – Олдрик поднялся с места.

– Умру, – согласилась Амара. – А ты со своей водяной ведьмой можешь ступать к вброннам. – Она сделала глубокий вдох и повысила голос. – И ты, Фиделиас, тоже!

Мгновение она испытывала неподдельное наслаждение при виде удивления в глазах Олдрика. Одиана даже ахнула от неожиданности. Амара повернулась к двери и прищурилась: лицо ее застыло суровой маской.

В дверях возник Фиделиас. Одежда его так и оставалась измятой, но «синяк» с лица он уже смыл, а к кровоточащей губе прикладывал чистую тряпицу.

– Я вижу, ты все поняла, – буркнул он.

– Ну и как, экзамен зачтется, патрицерус? – поинтересовалась Амара.

– Балл, так уж и быть, накинута. – Фиделиас внимательно посмотрел на нее, и губы его скривились в невеселой ухмылке. – Тебе придется рассказать нам все, что тебе известно о дворце, Амара. Это может быть неприятно и даже омерзительно, но ты расскажешь. Я же сказал: это мат. Не усложняй свое положение.

– Предатель, – бросила ему Амара.

Фиделиас дернулся как от удара. Брови его угрожающе сдвинулись.

Одиана переводила взгляд с него на Олдрика и обратно.

– Может, принести раскаленное железо? – услужливым тоном предложила она.

– Мне кажется, – повернулся к ним Фиделиас, – пока рано. – Он пристально посмотрел на Олдрика. – Дайте мне несколько минут поговорить с ней с глазу на глаз. Может, мне удастся убедить ее внять здравому смыслу.

Олдрик встретился с ним взглядом и пожал плечами.

– Отлично, – сказал он. – А ты что скажешь, дорогая?

Одиана вышла из-за спинки его стула, буравя Фиделиаса взглядом.

– Ты хочешь помочь ей или же помешать нам выяснить то, что мы хотим знать?

Уголок рта Фиделиаса дернулся.

– Да. Нет. Небо зеленое. Мне семнадцать лет. Мое настоящее имя Гундрид. – Глаза у женщины изумленно расширились, и Фиделиас склонил голову набок. – Ты ведь не можешь определить, лгу я или нет, а, «дорогая»? Я не сопливый мальчишка. Я обманывал мастеров посильнее тебя тогда, когда тебя и на свете еще не было. – Взгляд его скользнул с Одианы на Олдрика. – Это ведь в моих интересах – сделать так, чтобы она заговорила. Готов поставить овцу... да что там, гарганта.

Мечник улыбнулся, оскалив белые зубы:

– А слово чести не собираешься дать?

Курсор скривил губу:

– А если бы и дал?

– Я бы убил тебя, сделай ты это, – сказал Олдрик. – Четверть часа. Не больше.

Он встал, взял Одиану за руку и вывел ее из палатки. Выходя, водяная ведьма испепелила Фиделиаса с Амарой свирепым взглядом, но промолчала.

Фиделиас дождался, пока они выйдут, потом повернулся к Амаре и некоторое время молча смотрел на нее.

– Почему? – спросила она его. – Патрицерус, зачем вы делаете это?

Он смотрел на нее все с тем же выражением лица.

– Я служил курсором сорок лет. У меня нет жены. Нет семьи. Нет дома. Я отдал жизнь защите Короны. Передавал ее послания. Выведал секреты ее врагов. – Он покачал головой. – И я вижу, как все рушится. Последние пятнадцать лет двор Гая умирает. Это известно всем. Все, что я делал, только оттягивало неизбежное.

– Он ведь хороший Первый консул. Он справедлив. И добр так, как только можно пожелать.

– Речь не о том, что справедливо, а что нет, девочка. Речь идет о реальности. А она такова, что доброта и справедливость Гая нажили ему много могущественных врагов. Южные консулы недовольны налогами, которыми он обложил их, дабы содержать Защитную стену и сторожевой легион.

– Но они всегда были недовольны, – возразила Амара. – Это не меняет того факта, что налоги необходимы. Стена ведь и их защищает. Если с севера придут ледовики, они погибнут вместе с остальными.

– Они это видят по-другому, – сказал Фиделиас. – И они хотят что-то с этим сделать. Двор Гая ослаб. У него нет наследника. Он не назвал того, кто придет ему на смену. Поэтому они и выступили.

Амара сплюнула на землю:

– Аттика. Кто же еще?

– Тебе не обязательно это знать. – Фиделиас пригнулся к ней. – Ты вот о чем подумай-ка, Амара. Все пришло в движение со времени убийства наследника. Династия Гая умерла вместе с Септимусом. Семья Первого консула никогда не отличалась плодовитостью – а смерть единственного ребенка была воспринята многими как знак. Время Гая прошло.

– Из этого не следует, что это справедливо.

– Выкинь это из головы, детка, – рявкнул Фиделиас, перекосившись от ярости, и сплюнул на землю. – Сколько крови я пролил, служа Короне. Сколько людей убил. Это что, справедливо? Разве их смерть можно оправдать в зависимости от того, служу я тому Первому консулу или этому? Я убивал. Я и похуже вещи делал во имя защиты Короны. Гай скоро падет. Теперь уже ничто не может остановить этого.

– Поэтому вы перевоплотились... Кстати, в кого, Фиделиас? В мерзкого слайва, который добывает ядом раненого быка? В ворона, который выклеывает глаза беспомощному, но еще живому человеку?

Он посмотрел на нее и улыбнулся; в улыбке его не было ни радости, ни досады.

– Легко делить мир на добро и зло, когда ты молод. Я мог бы продолжать служить Короне. Возможно, я оттянул бы неизбежное еще на некоторое время. И сколько бы еще людей погибло? Сколько бы их страдало? И это не изменило бы ничего – только срок. На мое место пришли бы дети вроде тебя – им и пришлось бы принимать те решения, которые я принимаю сейчас.

– Что ж, – выкрикнула Амара звенящим от презрения голосом, – спасибо, что вы меня защищаете!

Взгляд Фиделиаса на мгновение стал очень жестким.

– Не усложняй свое положение, Амара. Скажи нам то, что мы хотим знать.

– Убирайтесь к вóронам.

– Я ломал мужчин и женщин посильнее тебя, – сказал Фиделиас без злости. – Не думай, что, раз ты моя ученица, я не сделаю этого с тобой. – Он опустился на колени, чтобы заглянуть ей в глаза. – Амара. Я тот же самый человек, какого ты знала. Мы многое пережили вместе. Прошу тебя. – Его ладонь накрыла ее измазанную грязью руку. Она не стала выдергивать ее. – Подумай об этом. Ты могла бы присоединиться к нам. Мы могли бы помочь Алере снова сделаться мирной и процветающей.

Она твердо встретила его взгляд.

– Именно этим я и занимаюсь, патрицерус, – очень тихо произнесла она. – Я думала, вы тоже.

Его глаза были холодны как лед. Он встал.

Амара подалась вперед, хватаясь за его ботинок.

– Фиделиас, – умоляюще сказала она. – Ну пожалуйста. Еще не поздно. Мы можем бежать прямо сейчас. Оповестить Корону об этой угрозе и покончить с ней. Вам не нужно отказываться – от Гая, во всяком случае. И... – Она осеклась и всхлипнула. – И от меня.

Последовала мучительная пауза.

– Что ж, – вздохнул наконец Фиделиас. – Значит, каленое железо. Жаль, что ты не одумалась.

Он повернулся, выдернул ногу из ее рук и вышел из палатки.

Мгновение Амара смотрела ему вслед, потом опустила взгляд вниз – на нож, который Фиделиас всегда носил в своем башмаке, полагая, что она не знает об этом. Она снова подняла глаза и, стоило пологу опуститься за Фиделиасом, принялась лихорадочно тыкать лезвием в удерживавшую ее землю. Снаружи доносились голоса, слишком тихие, чтобы разобрать слова, а она копала изо всех сил.

Комки земли летели во все стороны. Она рыхлила утрамбованную землю ножом, потом выкидывала ее руками, стараясь производить при этом как можно меньше шума, хотя дыхание ее невольно становилось все громче.

Наконец она смогла пошевелиться – совсем чуть-чуть, чтобы выбросить вперед немного рыхлой земли. Она вытянула руку, вонзила нож по рукоять в землю и подтянулась к нему изо всех сил. Она билась, извивалась и наконец выдернула ноги из ямы. В ушах звенело от притока крови и возбуждения.

– Олдрик! – крикнула водяная ведьма снаружи. – Девка!

Амара, пошатнувшись, встала на ноги и принялась лихорадочно оглядываться. Она рванулась к столу, на котором лежал меч – небольшой гладий, не длиннее ее локтя. Амара схватила его за рукоять и повернулась – немного неуклюже, ибо тело ее затекло от неподвижности, – как раз в тот миг, когда светлое пятно входа закрыла массивная темная фигура. Она прыгнула к ней, напрягая мышцы для удара, целя мечом Олдрику в самое сердце.

Блеснула сталь. Ее меч столкнулся с его и был отбит в сторону. Она почувствовала, как ее клинок зацепил плоть, но неглубоко. Она знала, что промахнулась.

Амара отпрянула в сторону, когда клинок Олдрика взвился в стремительной контратаке, но недостаточно быстро, его ответный удар порезал ей левую руку чуть выше локтя и вызвал внезапную горячую боль. Она перекатилась по земле и вскочила так, чтобы между ней и Олдриком находился стол.

Воин сделал шаг вперед от двери и остановился перед столом.

– Неплохой выпад, – заметил он. – Ты пустила мне кровь. Со времен Арариса Валериана это никому не удавалось. – Он улыбнулся, по-волчьи ощерив зубы. – Но ты не Арарис Валериан.

Она даже не увидела движения. Послышался свист, негромкий хруст, и стол распался на две половины, а Олдрик продолжал улыбаться, глядя ей в глаза.

Амара метнула в него гладий и, не дожидаясь, пока он отобьет его своим мечом, бросилась в противоположную сторону. Теперь из оружия у нее оставался только маленький ножик; она полоснула им по холстине палатки, проскользнула в отверстие и, всхлипывая от страха, бросилась бежать.

Оглянувшись, она увидела, как Олдрик двумя взмахами меча крест-накрест проделал в задней стенке палатки достаточно большое отверстие и выскочил наружу.

– Часовые! – рявкнул мечник. – Закрыть ворота!

Амара увидела, как створки ворот начинают закрываться, и свернула в сторону, удерживая на бегу левой рукой подол юбки и проклиная себя за то, что у нее не хватило ума переодеться мальчишкой: в штанах бегать удобнее. Она снова оглянулась. Олдрик бежал за ней, но она опережала его, как лань, обгоняющая крупного ящера-слайва, и потому позволила себе свирепо ухмыльнуться ему в лицо.

Грязь, засыхая, отваливалась от нее большими кусками, и она молилась, чтобы ей хватило более-менее чистой кожи для того, чтобы призвать Цирруса. Прямо перед ней к стене был пристроен помост для лучников, на который вела лестница, и она в три прыжка, почти не чуя под собой ног, взлетела наверх.

Часовой, один из легионеров, повернулся на шум и удивленно вытаращил глаза, увидев ее. Не замедляя бега, Амара с криком ударила его ребром ладони по кадыку. Тот, захрипев, опрокинулся на спину, и она пробежала мимо, к самой оgrade.

Десять футов вниз до уровня земли, еще семь или восемь футов рва. Верное увечье, если она приземлится неудачно.

– Стреляйте, – крикнул кто-то, и вокруг нее засвистели стрелы.

Амара метнулась в сторону, схватилась рукой за верх оgrade и рывком перемахнула через нее.

– Циррус! – крикнула она и наконец ощутила, как вокруг нее сгустился ветер.

Ее фурия прижалась к ней, повернула ее тело под таким углом, чтобы она приземлилась не на твердое дно рва, а на облако из ветра и пыли.

Едва коснувшись земли, Амара вскочила и, не оглядываясь, бросилась прочь от стены. Она бежала на северо-восток, прочь от плаца, от ручья и места, где они оставили гарганта и все свои припасы. Деревья здесь вырубали на ограду для лагеря, и почти две сотни шагов ей пришлось бежать по наваленным в беспорядке сучьям. Стрелы падали вокруг густым дождем, и одна, пронзив подол юбки, воткнулась в землю, едва не сбив ее с ног. Она продолжала бежать, ветер ровно дул ей в спину. Циррус старался всюю.

Амара добежала до опушки, остановилась, задыхаясь, и оглянулась на лагерь.

Ворота распахнулись настежь, и из них выплеснулись две дюжины всадников; солнце играло на остриях их копий. Отряд выстроился в колонну и повернул прямо к ней. Впереди скакал Олдрик, рядом с которым все остальные казались недомерками.

Амара повернулась и бросилась дальше. Ветви вокруг нее стонали и вздыхали, листья перешептывались, тени шевелились и угрожающе менялись. Лесные фурии были настроены к ней недружелюбно – что ж, логично, если учесть, что в лагере наверняка находился по меньшей мере один сильный заклинатель древесных духов. Ей не скрыться от них здесь, в этом лесу, где деревья сами будут выдавать ее местонахождение...

– Циррус! – выдохнула Амара. – Вверх!

Ветер сгустился вокруг нее и оторвал от земли – и сразу же ветки, двигаясь быстро, словно человеческие руки, сплелись над ее головой в сплошной полог. Она с криком врезалась в эту живую крышу и рухнула обратно на землю, хорошо еще, что Циррус смягчил ее падение, прошептав в самое ее ухо свои извинения.

Амара быстро посмотрела направо, налево, но со всех сторон деревья смыкали ветви, а лес становился темнее по мере того, как появлялась крыша из ветвей и листвы. До нее донесся

приближающийся стук копыт. Амара вскочила на ноги, порезанная рука отчаянно болела. Она побежала дальше, но всадники нагоняли ее.

Амара не помнила, как долго она бежала. В памяти сохранились только угрожающе тянущиеся к ней тени деревьев и обжигающий огонь в легких, унять который не мог даже Циррус своим дуновением. Страх сменился возбуждением, а оно, в свою очередь, – усталым безразличием.

Амара бежала до тех пор, пока что-то не заставило ее обернуться, – и взглянула прямо в глаза конному легионеру, от которого ее отделяло не больше двух десятков футов. Тот с криком метнул в нее копьё. Она уклонилась от него, увернулась от коня и вдруг выбежала на показавшийся ей неожиданно ярким солнечный свет. Она посмотрела вперед: в каких-то трех-четырёх шагах начинался обрыв, столь крутой и глубокий, что она не могла увидеть, как далеко он уходит вниз и что находится внизу.

Легионер выхватил меч, тронул коня каблуками, и тот, словно продолжение тела всадника, рванулся к ней.

Амара без малейшего колебания повернулась и бросилась с обрыва. Она раскинула руки и крикнула: «Циррус! Вверх!» Ветер со свистом сгустился под ней, и внезапно ее охватил свирепый восторг, она устремилась вверх, в осеннее небо; несущий ее ветер швырнул пыль в лицо незадачливому легионеру, а его конь попятился и встал на дыбы от неожиданности.

Она летела все дальше и дальше от лагеря, но спустя некоторое время остановилась, чтобы оглянуться. Обрыв казался с этой точки игрушечным – как-никак она находилась в нескольких милях от него, да еще в миле над землей.

– Циррус, – прошептала Амара, выставив руки перед собой.

Фурия извернулась, и часть ее сгустилась в кольце рук Амары, колыхаясь, как воздух над раскаленным камнем. Амара лепила этот воздух руками, будто глину, и в конце концов сквозь него увидела обрыв, словно с расстояния в сто ярдов. Преследователи выехали на него из леса, и Олдрик спешил. Легионер, первым догнавший ее, описал ее бегство, и Олдрик, прищурившись, принялся шарить взглядом по небу. Амара похолодела, когда взгляд его остановился прямо на ней. Он склонил голову к стоявшему рядом с ним рыцарю, уже знакомому Амаре заклинателю деревьев, и тот просто дотронулся до ближайшего древесного ствола.

Амара судорожно сглотнула и чуть двинула руками, нацелив воздушную линзу на лагерь легиона.

С полдюжины темных пятен вынырнуло из-за леса; ветер трепал их как развешанные для просушки вязанки трав на кухне у фермерши. Они повернули и устремились в ее сторону. Солнце блеснуло на металле – доспехах, оружии...

– Рыцари Воздуха, – пробормотала Амара.

Она еще раз сглотнула и опустила руки. В обычной обстановке она не сомневалась бы в том, что запросто оторвется от их преследования. Но теперь – раненая, уставшая телом и духом – она не могла утверждать этого наверняка.

Амара повернулась и приказала Циррусу нести ее на северо-восток. Она молилась только об одном: чтобы солнце село прежде, чем враги догонят ее.

Глава 3

Тави выскользнул из комнаты, спустился по лестнице сквозь последние лепившиеся по углам клочки ночи. В большом зале царила гулкая тишина, только слабый свет пробивался в него из кухни. Старая Битте страдала бессонницей, и Тави слышал, как она шаркает ногами по кухне, готовя завтрак.

Он отпер дверь и вышел во двор усадьбы. Одна из собак высунула морду из превращенной в конуру пустой бочки, и Тави задержался, чтобы почесать ее между ушами. Собака стукнула несколько раз хвостом по доскам и убралась обратно – досыпать. Тави запахнул плащ – ночи поздней осенью холодные – и, отворив заднюю калитку, приготовился шагнуть наружу, вон из теплого безопасного дома.

Глухая деревянная створка отворилась, и мальчик увидел дядю Бернарда. Тот стоял, небрежно прислонясь к забору, одетый в кожаную куртку и тяжелый зеленый плащ для работы в лесу, окружавшем поля фермы. Он поднес ко рту яблоко и с хрустом откусил половину. Бернард был крупным мужчиной с нажитыми тяжелым трудом широкими плечами и крепкими мускулами. В коротко стриженных, как у легионера, темных волосах мелькали кое-где седые нити, но в аккуратной бороде их не было ни одной. На его боку рядом с легионерским мечом висел колчан со стрелами; в руке он держал самый легкий из своих луков со спущенной тетивой.

Тави застыл как вкопанный, потом развел руками, признавая свое поражение, и слабо улыбнулся дяде:

– Как ты узнал?

Бернард улыбнулся в ответ, хотя и немного хмуро:

– Линялый видел, что ты пил вдвое больше обычного, после того как вернулся вчера так поздно, и сказал мне. Это старый солдатский прием, чтобы встать пораньше.

– А-а, – вздохнул Тави. – Да, дядя.

– Я пересчитал стадо, – сказал Бернард. – Похоже, нескольких голов недостает.

– Да, дядя, – повторил Тави и нервно облизнул губы. – Я как раз за ними.

– У меня сложилось впечатление, будто ты уже проделывал это вчера, раз уж ты сделал засечку на учетной рейке.

Тави покраснел; хорошо еще, что было темно.

– Доджер увел своих маток и ягнят вчера вечером, когда я пытался пригнать южное стадо. Я не хотел тебя тревожить из-за этого.

Бернард покачал головой:

– Тави, ты же знаешь, какой сегодня важный день. Все окрестные фермеры собираются на дознание, и мне не нужно лишних хлопот.

– Извини, дядя. Тогда чего ты торчишь здесь? Я и сам найду Доджера и приведу его.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты ходил по долине в одиночку, Тави.

– Рано или поздно, дядя, мне все равно придется это делать. Если только ты не собираешься ходить за мной по пятам до конца моих дней.

Бернард вздохнул:

– Твоя тетя убьет меня.

Тави ухмыльнулся:

– Я справлюсь с этим сам. Я буду осторожен и вернусь до полудня.

– Дело не в этом. Тебе нужно было пригнать их вчера ночью, – сказал Бернард. – Что помешало тебе сделать это?

Тави поперхнулся:

– Э... Я обещал сделать кое-что. Ну и не успел до темноты.

– О вóроны, Тави, – вздохнул Бернад. – Мне казалось, ты достаточно повзрослел за это лето, чтобы понимать свою ответственность.

У Тави вдруг засосало под ложечкой.

– Ты не подаришь мне овец, да?

– Мне не жаль выделить тебе справедливую долю, – покачал головой Бернад. – Я был бы рад – я и сейчас хотел бы помочь тебе завести собственное стадо. Но я не желаю выбрасывать деньги на ветер. Если ты не способен доказать мне, что позаботишься о стаде как положено, я не могу дать тебе овец.

– Можно подумать, у меня было много времени доказать это.

– Возможно, и так. Тут все дело в принципе, парень. Ничто не дается даром.

– Но, дядя, – вскинулся Тави, – это же единственная возможность добиться хоть чего-то в жизни.

– Если так, – хмыкнул Бернад, – тебе вряд ли стоило выбирать... – Он нахмурился. – Скажи, Тави, что такого тебе нужно было сделать более важного, чем найти отару?

Тави покраснел сильнее:

– Ну...

Бернард поднял брови.

– Ясно, – сказал он.

– Что ясно?

– Девушка.

Тави опустил на колено и притворился, будто шнурует башмак, чтобы скрыть лицо.

– С чего это ты так решил?

– Тебе пятнадцать лет, Тави. Значит, девушка.

– Вовсе нет, – настаивал Тави.

Бернард помолчал, потом пожал плечами:

– Захочешь поговорить об этом – дай знать, ладно? – Он оттолкнулся плечом от стены и, согнув коленом лук, накинул тетиву на зарубку. – Подарок тебе обсудим позже. Как думаешь, где нам искать след Доджера?

Тави достал из сумки кожаную пращу, потом положил в карман несколько гладких камешков:

– А что, Брутус его не найдет?

Бернард улыбнулся:

– Кажется, кое-кто говорил, что справится сам.

Тави смерил дядю хмурым взглядом, потом задумчиво сморщил нос:

– Надвигаются холода, и они это чувят. Для крова и пищи им нужны вечнозеленые растения... но на южных склонах пасутся гарганты, а они к гаргантам ни за что не подойдут. – Тави кивнул сам себе. – На север. Доджер повел их в сосновые лощины за дамбой.

Бернард одобрительно кивнул:

– Хорошо. Не забывай, что заклинание фурий не заменяет собственных мозгов.

– Но и мозги фурию не заменят, – понуро буркнул Тави и пнул башмаком комок грязи, раскидав землю и сухие листья.

Бернард положил свою ручищу на плечо Тави, крепко сжал, потом повернулся и решительно зашагал на север по старому тракту.

– Все не так плохо, как тебе кажется, Тави. Фурии – это еще не все.

– Ага, у самого небось их две, – сказал Тави, стараясь не отставать. – Тетя Исана говорит, ты мог бы требовать себе полного гражданства, если бы захотел.

Бернард снова пожал плечами:

– Если бы захотел... что ж, возможно. Но я не дозрел до своих фурий, пока не дорос... ну, почти до твоего возраста.

– Но ты просто медленно созрел, – заметил Тави. – Совсем не так, как я. Никто еще не дорастал до моих лет и так и оставался без фурий.

Бернард вздохнул:

– Ты не можешь знать этого, Тави. Не беспокойся, парень. Со временем все придет.

– Это ты мне с десяти лет твердишь. Будь у меня свои фурии, я бы сумел удержать Доджера, и еще... – Он успел вовремя прикусить язык.

Дядя Бернард оглянулся на Тави; лицо его оставалось серьезным, но глаза смеялись.

– Пошли, парень. Нам надо спешить. Мне нужно вернуться прежде, чем соберутся доминусы.

Тави кивнул, и они быстрым шагом двинулись по извилистой дороге. По мере того как они миновали яблоневые сады, пасеки и углублялись в сжатые северные поля, небо становилось все светлее. Потом дорога нырнула в лес, в котором росли такие старые дубы и клены, что выжить в тени их крон могли только самые стойкие кусты и травы. Ко времени, когда предрасветная синь окрасилась на востоке желтым и оранжевым, они дошагали до последней полоски леса, обозначающей границу их домена. Этот лес был не таким старым, поэтому и подлесок здесь рос гуще и местами еще зеленел, несмотря на позднюю осень. Алые и золотые листья висели на скелетах кустов, а обнаженные деревца поскрипывали, раскачиваясь на ветру.

И тут что-то заставило Тави насторожиться. Он замер и еле слышно предостерегающе зашипел. Бернард пригнулся, и Тави инстинктивно последовал его примеру.

Бернард оглянулся на Тави, вопросительно приподняв бровь.

Тави на четвереньках подполз к дяде и зашептал ему на ухо:

– Там, впереди, в ближних к ручью деревьях. Там обычно гнездятся перепела, а сейчас они летают над дорогой.

– Думаешь, их спугнуло что-то? – таким же шепотом спросил Бернард. – Сайпрус, – позвал он и махнул рукой в направлении деревьев, подавая сигнал меньшей из двух его фурий.

Тави поднял глаза и увидел, как с одного из деревьев к ним спускается нечто, отдаленно напоминающее человеческую фигуру, но ростом не больше годовалого младенца. Взгляд светло-зеленых глаз обратился на мгновение на Бернарда, и фигурка опустилась на землю, свернувшись, как зверек. Листья и ветки мгновенно сплелись, прикрыв то, что находилось под ними. Сайпрус склонил голову набок, не сводя глаз с Бернарда, потом издал звук, больше всего напоминавший шелест листвы, и исчез в кустах.

Тави все пытался отдышаться после долгого бега.

– Что там? – прошептал он.

Взгляд Бернарда на мгновение затуманился.

– Ты был прав, – ответил он наконец. – Молодчина, малыш. Кто-то прячется в засаде у моста. И у них там чертовски сильная фурия.

– Разбойники? – прошептал Тави.

Бернард прищурился:

– Это Корд.

Тави нахмурился:

– Я-то думал, остальные доминусы должны собраться сегодня, но позже. И зачем им прятаться в деревьях?

Бернард встал и отряхнул колени:

– А вот мы сейчас и узнаем.

Он решительно зашагал по дороге к мосту, словно намереваясь пройти мимо засады; Тави старался не отставать. Неожиданно Бернард повернулся влево, натянул лук и пустил стрелу с серым оперением в кусты, которые росли в нескольких шагах от негромко журчавшего ручья.

До Тави донесся вопль, и кусты заколыхались, как от сильного ветра. Мгновение спустя из них вывалился паренек примерно одного с Тави возраста, держась руками за мягкое место. Сложение он имел крепкое, был коренастым, и лицо его было бы симпатичным, если бы не капризное выражение. Биттан, младший сын доминуса Корда.

– Чертовы вóроны! – взвыл он. – Ты что, спятил?

– Биттан? – воскликнул Бернард с наигранным удивлением. – Надо же! А я и не знал, что это ты там сидел.

Чуть дальше от моста кусты зашевелились, и на дорогу вышел еще один юноша, старший сын Корда. Он был выше и стройнее младшего брата, волосы на затылке собирал в хвост, а на его лбу уже пролегли морщины от привычного задумчивого выражения. Он с опаской покосился на Бернарда и повернулся к брату:

– Биттан? Ты как, в порядке?

– Я в полном беспорядке! – злобно взвизгнул мальчишка. – Меня подстрелили!

– Ты и впрямь его подстрелил? – негромко спросил Тави дядю.

– Чуть-чуть поцарапал.

Тави ухмыльнулся:

– Похоже, ты ему прямо в мозг попал.

Бернард улыбнулся волчьей улыбкой и промолчал.

Снова зашелестели и затрещали кусты – еще дальше от них. Спустя мгновение из зарослей появился и сам глава семейства, доминус Корд. Он был не слишком высок, но плечи имел не по росту широкие, да и руки его казались неестественно длинными. Одет он был в линялую заплатанную серую куртку, которой явно не помешала бы хорошая стирка, и плотные штаны из гаргантовой кожи. На шее его красовался символ статуса: тяжелая цепь доминуса. Цепь была грязная и засаленная, но Тави решил, что так она даже лучше подходит к его всклокоченным седеющим волосам и пегой бороде.

Корд двигался откровенно угрожающе, а его глаза налились злостью.

– Что, вóроны подери, ты себе позволяешь, Бернард?

Бернард приятельски помахал Корду, но Тави заметил, что лук и стрелу дядя держит наготове.

– Маленькое недоразумение, – произнес он. – Я принял твоего мальчика за разбойника, засевшего у дороги в ожидании мирных путников.

Корд злобно прищурился:

– Уж не обвиняешь ли ты меня в чем-то?

– Ну конечно нет, – улыбнулся Бернард, хотя глаза его оставались пронзительно-настороженными. – Я же сказал: это недоразумение. Хвала великим фуриям, что никто не пострадал. – Он помолчал пару секунд, и улыбка исчезла с его лица. – Мне бы не хотелось, чтобы кто-либо пострадал на моей земле.

Корд злобно зарычал – совсем как зверь – и шагнул вперед. Земля под его ногами дрогнула и заколыхалась, словно под ее поверхностью ползла большая змея.

Бернард продолжал в упор смотреть на Корда; лицо его не дрогнуло и не сменило выражения.

Корд снова зарычал, но уже тише, с видимым усилием подавив свою злость:

– Ох и выведешь ты меня когда-нибудь из себя, Бернард.

– Не говори так, – отозвался дядя Тави. – Мальчика напугаешь.

Взгляд Корда скользнул по Тави, и пареньку вдруг стало не по себе.

– Ну что, созрел он наконец до фурий или ты все-таки признаешь, что это бесполезный уродец?

Это нехитрый укол больно задел Тави, и он открыл было рот, чтобы дать наглецу достойный отпор, но Бернард положил руку ему на плечо.

– О моем племяннике не беспокойся, – посоветовал он и выразительно покосился на Биттана. – В конце концов, у тебя и своих хлопот хватает. Кстати, почему бы нам не пройти ко мне в дом? Уверен, у Исаны найдется чем вас угостить.

– Мы, пожалуй, посидим здесь еще немного, – сказал Корд. – Заодно и перекусим на свежем воздухе.

– Что ж, на здоровье, – улыбнулся Бернард и двинулся дальше по дороге. Тави не отставал от него ни на шаг. Бернард не оглядывался на Корда до тех пор, пока они не пересекли мост. – Да, кстати, – бросил Бернард через плечо, – совсем забыл сказать: Уорнер уже приехал к нам вчера вечером. Сыновей его отпустили на побывку из легиона, вот они и навестили отца.

– Приведи их сюда, – рявкнул Биттан. – Мы их на куски порвем.

Корд с размаху залепил Биттану оплеуху, от которой тот полетел на землю.

– Заткни хлебало!

Биттан, слегка оглушенный, замотал головой. Поднявшись, он не сказал отцу ни слова и не посмотрел на него.

– Пошли потолкуем, – сказал Бернард. – Уверен, мы сможем все уладить.

Корд не ответил. Он махнул сыновьям рукой и двинулся прочь по дороге. Они потянулись за ним, только Биттан бросил на Тави полный ненависти взгляд.

– Урод, – шепнул он, проходя мимо.

Тави стиснул кулаки, но промолчал. Бернард одобрительно кивнул, и они подождали, пока Корд с сыновьями не скроются за поворотом дороги, ведущей к домену Бернарда.

– Они ведь собирались напасть на Уорнера, да, дядя?

– Возможно, – кивнул Бернард. – Потому-то твоя тетя и пригласила Уорнера приехать еще вчера, заранее. Корд способен на все.

– Но почему? Это же Биттана обвиняют, не его.

– Изнасилование бросает тень на весь домен, – ответил Бернард. – Корд – глава семьи, и он несет ответственность за то, что делают другие ее члены. Если дознание покажет, что необходим суд и Биттана признают виновным, граф Грэм может лишит Корда прав на домен.

– Думаешь, он пойдет на убийство, чтобы защитить их? – спросил Тави.

– Я думаю, человек, снедаемый жаждой власти, пойдет почти на все. – Он покачал головой. – Для Корда власть – средство удовлетворения своих желаний, а не защиты и помощи людям, которые от него зависят. Поведение глупее некуда, и рано или поздно оно сведет его в могилу – но до тех пор это делает его опасным.

– Он меня пугает, – признался Тави.

– Он пугает всякого обладающего здравым смыслом.

Бернард отдал лук Тави и развязал поясную сумку. Он достал из нее маленькую стеклянную пуговку и бросил ее через перила в ручей.

– Рилл, – твердо произнес он, – мне нужно поговорить с Исаной. Пожалуйста.

Они прождали на мосту несколько секунд, прежде чем шум воды начал меняться. Из ручья вырос водяной столб, постепенно принимавший очертания человека, пока не превратился в жидкое изваяние тети Тави, Исаны, сочетавшей фигуру юной девушки, умелой заклинательницы воды, с голосом зрелой женщины. Изваяние огляделось по сторонам и повернулось к Бернарду и Тави:

– Доброе утро, Бернард, Тави. – В голосе его звучали металлические нотки, словно он доносился с другого конца длинной трубы.

– Тетя Исана. – Тави вежливо склонил голову.

– Сестренка, – буркнул Бернард. – Мы тут напоролись на Корда с сыновьями. Они ждали в кустах у северного моста.

Исана покачала головой:

– Вряд ли этот болван задумал что-то серьезное.

– Боюсь, ты ошибаешься, – возразил Бернард. – Мне кажется, он понимает, что натворил Биттан и что Грэм больше не будет с ним церемониться.

Губы Исаны сложились в ехидную улыбку.

– Сомневаюсь также, чтобы ему понравилась женщина, которую назначили дознавательницей по этому делу.

Бернард кивнул:

– Возможно, тебе захочется, чтобы в доме с тобой находился кто-нибудь из наших – так, на всякий случай. Они сейчас идут по дороге к тебе.

Водяной образ Исаны нахмурился:

– Ты скоро вернешься?

– Если повезет, до полудня. Если нет – к обеду.

– Постарайся побыстрее. Я по возможности буду держать его в рамках приличий, но не уверена, чтобы кому-либо удалось утихомирить Корда, не пролив при этом крови.

– Я смогу. Ты только осторожнее.

Исана кивнула:

– Ты тоже. Старая Битте говорит, Гарадос с супругой готовят нам грозу – самое позднее нынче ночью.

Тави тревожно оглянулся на северо-запад, где высилась громада Гарадоса, сердито взрывающаяся сверху на обитателей долины Кальдерон. Его верхние склоны уже побелели от снега, а сами вершины прятались в тучах – это злобная фурия горы стоваривалась с Лилвией, фурией холодных ветров, задувавших с Ледового моря на севере. Они собирали тучи, как овец в отару, доводили их до бешенства при дневном свете и обрушивали на жителей долины яростную бурю, после того как садилось солнце...

– Мы вернемся раньше, – заверил ее Бернард.

– Вот и хорошо. Да, Тави...

– Что, тетя Исана?

– Ты не знаешь, случайно, откуда у Беритты свежий венок из бубенцов?

Тави виновато покосился на дядю и покраснел:

– Ну, наверное, нашла где-нибудь...

– Ясно. Она еще не доросла до брачного возраста, она слишком безответственна, чтобы растить ребенка, и уж наверняка слишком молода, чтобы носить бубенцы. Как ты думаешь, найдет она их еще раз?

– Нет, тетя.

– Вот и отлично, – немного резко произнесла Исана. – Мы обсудим этот вопрос, когда ты вернешься.

Тави поежился.

Бернард сдерживал улыбку до тех пор, пока водяное изваяние не растворилось в ручье.

– Значит, не было девушек, да? А мне казалось, это Фред гуляет с Бериттой.

– Он и гуляет, – вздохнул Тави. – Возможно, для него она и носит венок. Но она попросила меня набрать ей бубенцов, и... ну, тогда мне казалось, что это очень важно.

Бернард кивнул:

– Совершать ошибку не стыдно, Тави, если ты извлек из нее надлежащий урок. Мне кажется, ты достаточно умен, чтобы это стало для тебя уроком: нужно делать то, что важнее. И что?

Тави нахмурился:

– Что – «что»?

Бернард продолжал улыбаться:

– Что ты усвоил этим утром?

Тави уперся взглядом в землю:

– Что с женщинами одни неприятности, господин.

Бернард открыл рот и вдруг оглушительно захохотал. Тави осторожно покосился на дядю и позволил себе слабо улыбнуться. Глаза Бернарда сияли весельем.

– Ох, парень! Это всего лишь половина истины.

– А другая половина?

– Другая? То, что тебя все равно к ним тянет. – Он покачал головой, и улыбка его сделалась мечтательной. – В твои годы я тоже отчебучил пару глупостей, чтобы произвести впечатление на девиц.

– А стоило?

Улыбка исчезла с лица Бернарда, но мечтательное выражение осталось. Просто улыбка ушла вглубь, словно он дарил ее тому, что существовало только в его памяти. Бернард никогда не говорил ни о своей покойной жене, ни о детях, тоже давно уже умерших.

– Да. До последнего синяка, до последней ссадины.

Тави вдруг очнулся:

– Как думаешь, Биттан виновен?

– Скорее всего, – ответил Бернард. – Но я могу ошибаться. До тех пор пока мы не выслушали все стороны, нам стоит воздержаться от окончательных суждений. Солгать твоей тете ему не удастся.

– Мне удастся.

Бернард рассмеялся:

– Ты все-таки поумнее Биттана. И потом, у тебя богатый опыт.

Тави улыбнулся в ответ:

– Дядя, я и вправду могу отыскать отару. Нет, честно.

Мгновение Бернард молча смотрел на Тави. Потом кивнул:

– Вот и докажи, парень. Докажи мне.

Глава 4

Недовольно хмурясь, Исана подняла взгляд от кастрюли с водой. Когда-нибудь этот парень вляпается в неприятность, из которой хорошо если сумеет выкрутиться... Неяркое осеннее солнце светило в окна главной кухни усадьбы Бернарда. Ее наполнял запах выпекаемого хлеба и жареного мяса, которое шипело на вертеле над углями. Спина у Исаны уже болела от утренних хлопот, ведь они начались задолго до восхода солнца, и ни малейшего шанса отдохнуть в обозримом будущем у нее не было.

Всякий раз, как выдавалась пара свободных минут, она тратила их на то, чтобы, поглядывая на кипящий котел, с помощью Рилл следить за Кордами и Уорнерами. Уорнер с сыновьями помогали Фредерику-старшему, отвечавшему за всех гаргантов в хозяйстве, который вместе с долговязым сыном, Фредериком-младшим, чистил хлев.

Корд с младшим сыном бездельничали во дворе. Старший сын Корда, Арик, все утро колот дрова, давая выход жгущей его изнутри энергии. Напряжение стучалось все утро, и это ощущалось всеми – даже теми, в телах у которых не было ни унции водяной магии.

Женщины забежали на кухню за своей полуденной трапезой – наскоро разогретой овощной похлебкой, вчерашним хлебом и сыром, – но есть предпочли в прохладном дворе. Усталое осеннее солнце освещало двор усадьбы, защищенный от холодного северного ветра высокими каменными стенами домена. Исана не пошла за женщинами. От напряжения, сгушавшегося во дворе, ей становилось дурно, и она старалась по возможности дольше сохранять силы и самоконтроль на случай, если ей придется вмешаться.

Поэтому Исана, не обращая внимания на голодное бурчание в животе, сосредоточилась на делах, не забывая при этом прислушиваться к ощущениям своей фурии.

– Что, даже не перекусите, госпожа Исана? – Беритта оторвалась от чистки овощей.

Хорошенькое личико ее было чуть подрумянено, а ее и без того соблазнительные глазки подведены тушью. Исана уже предупреждала ее мать насчет того, что Беритта слишком молода для подобной ерунды, и нате вам: в волосах светлеют свежесорванные цветы, напоминающие колокольчики, а корсаж нарочито вызывающе зашнурован под грудью, и ей явно хочется любоваться своим отражением в любой блестящей поверхности куда больше, чем помогать готовить вечернюю трапезу. Исана уже истощила свою изобретательность в попытках занять девку, чтобы та не шаталась по двору. Беритта часто развлекалась, глядя на то, как молодые люди соперничают за ее внимание, а уж в такой рубашке, да еще с бубенцами в волосах она и вовсе заставит их поубивать друг друга. Исане же и без того хватало сложностей.

Она покосилась на девушку, потом пошевелила кочергой угли в очаге, где одна или две мелкие фурии огня явно ленились, исполняя свои обязанности. Она тронула их кочергой, и огонь сразу заплясал веселее.

– Как только найду свободную минуту, – ответила она девушке.

– А вам бы следовало... – отозвалась Беритта немного огорченно.

– Ты чисти, Беритта, чисти. – Исана повернулась к столу.

Вода в миске зарыбила, поверхность ее приподнялась и выгнулась, приняв форму лица – ее собственного лица, каким оно было много лет назад. Исана улыбнулась своей фурии. Рилл всегда помнила, как выглядела Исана в день, когда они нашли друг друга, когда Исана, тогда еще совсем девчонка, младше нынешней Беритты, заглянула в тихое лесное озеро.

– Рилл, – сказала Исана и коснулась поверхности воды. Жидкость в миске взвихрилась вокруг ее пальца и чуть сдавила мягким пожатием. – Рилл, – повторила Исана. – Найди Бернарда. – Она представила брата: его уверенную, бесшумную походку, его негромкий бас, его крепкие руки – и передала этот образ через кончик пальца. – Найди Бернарда, – повторила она.

Фурия дрогнула, поверхность воды разгладилась, а потом Рилл исчезла из миски, скользнув бесшумной невидимой волной, ощутимой только по едва заметному покалыванию кожи.

Исана подняла голову и уже пристальнее посмотрела на Беритту:

– Скажи, что происходит, Беритта?

– Простите, – пробормотала девушка и покраснела, не сводя глаз с ножа, снимавшего темную кожуру со светлой мякоти. – Я не понимаю, о чем это вы, госпожа.

Исана уперла руки в бока.

– Думается мне, понимаешь, и очень даже хорошо, – резко произнесла она. – Выбирай, Беритта: или ты мне сейчас же скажешь, где взяла цветы, или можешь подождать, пока я сама узнаю.

Исана ощутила нотки паники в голосе девушки.

– Честное слово, госпожа, я нашла их лежащими у двери. Я не знаю, кто...

– Еще как знаешь, – сказала Исана. – Бубенцы не появляются сами собой из ниоткуда, и ты знаешь закон на их счет. Если хочешь, чтобы я сама дозналась, откуда они у тебя, клянусь великими фуриями, уж я постараюсь, чтобы ты получила по заслугам.

Беритта замотала головой, и один из цветков сорвался и упал на пол.

– Нет-нет, госпожа! – (Исана буквально ощутила, как противна девушке необходимость лгать.) – Я не рвала их, ни одного! Нет, правда, я...

Исана все-таки не смогла сдержать гнев:

– Ох, Беритта. Ты пока недостаточно взрослая, чтобы врать мне. Мне еще надо настрять на целую ораву гостей и подготовиться к дознанию, поэтому мне некогда тратить время на распущенную девчонку, считающую, будто если у нее круглые сиськи и бедра, то она умнее старших.

Беритта повернулась к Исане, опасно раскрасневшись:

– А вам завидно, госпожа?

Раздражение, охватившее Исану, сразу сменилось гневом. На какое-то мгновение она забыла про кухню, про все события последних дней, угрожавшие ферме, и сосредоточила все свое внимание на полногрудой девушке. Всего на мгновение она утратила контроль над своими эмоциями и позволила старому, полному горечи гневу захлестнуть ее целиком.

Все котлы и чайники на кухне сразу вскипели. Пар свился в облако, устремившееся, обогнув Исану, к девушке, и к ножкам ее стула по полу хлынула кипящая вода.

Исана почувствовала, как обида сразу сменилась у Беритты ужасом; глаза девушки, прикованные к лицу Исаны, испуганно расширились. Раскинув руки, Беритта вскочила со стула; тех жалких фурий ветра, которые она успела накопить, хватило лишь на то, чтобы замедлить пар. Она перепрыгнула через почти успевшее окружить ее кольцо воды и с плачем бросилась к двери.

Исана стиснула кулаки и зажмурилась, заставив себя не думать о девице. Несколько глубоких, размеренных вдохов помогли ей вернуть контроль над своими эмоциями. Злость – неприкрытая, горькая – клокотала в ней, вскрикивая, словно живое существо, пытаясь вырваться на волю. Она ощущала, как скребут ее когти по желудку, по костям... Усилием воли она заглушила ярость, уняла взбесившийся и заполонивший всю кухню пар, от которого сразу запотели все окна. Чайники стихли. Вода перестала растекаться по полу.

Исана постояла немного в луже воды, от которой поднялось облако пара. Снова она разрешила эмоциям, которые ощущала в других, захватить ее собственные мысли и чувства. Неуверенность, обида и злость Беритты, попав к ней в голову, пустили корни в ее собственных чувствах – и она позволила себе сорваться.

Исана подняла тонкую руку и потерла виски. Побочное свойство водяной магии – способность слышать иные звуки. Звуки, которые лезут в уши, как тополиный пух в глаза, стучатся с такой силой, что череп едва не раскалывается под напором чужих эмоций.

Впрочем, она ничего не могла с этим поделать, только владеть собой и терпеть все, что выпадет ей на долю. Нельзя же, раз открыв глаза, отказаться от зрения. Она могла чуть приглушить ощущения, которые сообщала ей Рилл, но полностью погасить их было не в ее силах. Плата за водяную магию, с которой ее обладателю приходится жить, – другого не дано.

«Плата, но не единственная», – подумала она. Исана наклонилась, шепча команды мелким фуриям в разлившейся по полу воде, созывая их до тех пор, пока отдельные струйки и лужицы не начали собираться в центре кухни в одну более-менее сформированную лужу. Исана вглядывалась в нее в ожидании последних мелких капель из дальних углов кухни.

На нее смотрело из воды отражение ее лица – гладкого, изящного, на вид почти не старше, чем у Беритты. Она поежилась, вспомнив лицо, которое показывала ей Рилл при каждом своем появлении. Возможно, то лицо не так уж и отличается от теперешнего...

Она подняла руку и провела пальцами по щеке. У нее до сих пор красивое лицо. Ей почти сорок лет, а на вид не больше двадцати. Проживи она еще лет сорок, все равно будет выглядеть как тридцатилетняя женщина, не старше. На лице ее не было ни морщинки, даже в уголках глаз, хотя в каштановых волосах уже кое-где мелькала седина.

Исана встала и посмотрела на отраженную в воде женщину. Высокая. Худая. Слишком худая для женщины своего возраста – с едва намеченными округлостями груди и бедер. Ее можно спутать с долговязой девчонкой-подростком. Ну конечно, держится она увереннее, решительнее, чем держалась бы любая девица лет восемнадцати, да и седина (какая там седина – несколько волосков) говорила о ее истинном возрасте. И уж конечно, любой и каждый в долине Кальдерона знал ее по имени, ибо она слыла одной из самых могущественных заклинательниц фурий. Но все это не отменяло того простого и очевидного факта, что она казалась одетым в женское платье мальчишкой. Во всяком случае, не такой женщиной, которую хочется взять в жены.

Исана на мгновение зажмурилась от боли. Тридцать семь лет, и она одинока. Никаких ухажеров, разумеется. Никаких венков в волосах, никаких там танцев, даже о невинном флирте нечего думать. Все это обошло ее стороной – даже при всем том юном образе, который дарила ей водяная магия. Той юности, которая всегда отдаляла ее от сверстниц, замужних женщин, матерей.

Она открыла глаза и рассеянно заставила разлившуюся воду принести хоть какую-то пользу и вымыть пол. Лужа послушно прокатилась по кругу, собирая пыль и мелкий хлам, и Исана пошла открыть дверь, чтобы выпустить ее наружу. В душную, полную пара кухню хлынул прохладный воздух со двора, и она снова зажмурилась, жадно вдыхая его.

Придется признаться себе: слова Беритты задели ее так больно не только потому, что она ощутила ее слишком сильные подростковые эмоции, но и потому, что та сказала правду. У Беритты были все те соблазнительные изгибы и округлости, которые привлекли бы к ней любого мужчину в долине, – и, разумеется, с полдюжины их уже плясали под ее дудку, включая Тави, пусть мальчик и пытался отрицать это. Беритта. Крепкая, зрелая, способная рожать здоровых детей.

То, чего, по всеобщему убеждению, Исане не дано.

Она сжала губы. Довольно. Слишком много всего нужно сделать, нельзя позволить застарелой боли всплыть сейчас на поверхность. Над долиной прокатился гром, и Исана прошла через кухню, открыла настежь северное окно и посмотрела на далекую горную вершину. Гарадос возвышался во всем своем величии: снег сиял на его плечах, сползая языками к подножию, – признак надвигающейся зимы. Темные тучи собирались у вершины; на ее глазах в их клубящейся массе полыхнула темно-зеленая молния, и по долине прокатилось еще одно раскатистое предупреждение. Лилвия – супруга Гарадоса, грозная фурия, – собирала тучи для нового нападения на народ долины. Она выждет еще целый день, даст своим стадам туч

напитаться как следует солнечным теплом и уж тогда пошлет их на долину, чтобы те оглушили ее раскатами грома и исхлестали плетьюми ледяного дождя.

Исана вздохнула. Это невыносимо. Вот бы в долине поселился хоть один мало-мальски способный заклинатель ветров: уж он бы развеял тучи еще на подступах к дальним доменам... Впрочем, все мало-мальски способные заклинатели ветров служат рыцарями. Или курсорами.

Она подошла к мойке и коснулась крана, дав знать тамошним фуриям, что ей нужна свежая вода из колодца. Когда чан наполнился чистой ледяной водой, она зачерпнула из него пару ведер и только потом позволила фуриям отдохнуть. Затем обошла кухню и долила воды в выкипевшие почти до дна котлы, вынула хлеб из печи, оставила его остывать в формах, а в печь поставила новую партию. Потом еще раз окинула взглядом кухню – все ли в порядке. Остаток воды на полу собрал последние крохи мусора, и она выпустила его на улицу, дав впитаться в землю у порога.

– Рилл? – окликнула Исана. – Ты что так долго?

Вода в котле забурилась, и три негромких всплеска объявили о возвращении Рилл. Исана подошла к миске, закинула косу за плечо, чтобы та не мешала, и пристально взгляделась в воду в ожидании, пока рябь успокоится.

Фурия показала ей мутное изображение – должно быть, она смотрела из какого-то застоявшегося пруда в Сосновых лощинах. Долговязая фигура – наверное, Бернард – пересекла гладь воды в миске и исчезла. Исана покачала головой. Образы, которые показывала Рилл, не всегда отличались ясностью, но, похоже, Бернард с Тави все еще искали пропавшую отару.

Она пробормотала несколько слов, отпуская Рилл, отодвинула миску – и только тогда поняла, что со двора не доносится ни звука. А мгновение спустя напряжение, царившее в домине, сразу накалилось до такой степени, что откликнулось в ней физической болью.

Исана усилием воли заглушила эмоции и, заставив себя дышать ровно и держаться уверенно, вышла из кухни. Обитатели усадьбы столпились в центре двора и стояли практически молча, лишь изредка встревоженно перешептываясь.

– Корд, – буркнула она.

Исана шагнула вперед, и люди расступились, давая ей пройти.

Двое мужчин стояли лицом к лицу посередине двора, и воздух между ними буквально гудел от напряжения. Корд стоял, скрестив руки на груди, и земля под его ногами колыхалась. Его засаленная борода топорщилась от усмешки, глаза горели из-под густых бровей возбужденным, задиристым огнем.

Перед ним стоял доминус Уорнер – высокий, худой как жердь мужчина с лысой, если не считать редких клочков седых волос, головой и длинными руками и ногами. Узкое, изборожденное морщинами лицо Уорнера побагровело от гнева, и воздух вокруг него дрожал, как над горячим очагом.

– Я всего-то и говорю, – произнес Корд, – если эта твоя маленькая сучка не может не раздвигать ног перед любым мужиком, то это, дружище, твоя проблема. Не моя.

– Заткни хлебальник, – прорычал Уорнер.

– А то – что? – с презрительной ухмылкой поинтересовался Корд. – Что ты сделаешь? Удерешь и спрячешься за бабские юбки? Будешь хныкать и ждать, покуда Грэм придет тебе на помощь?

– Да как ты... – захлебнулся Уорнер. Он шагнул вперед, и воздух во дворе сделался заметно теплее.

Корд усмехнулся, сверкнув зубами:

– Ну валяй, Уорнер. Объяви это дуэлью. Уладим это как мужчина с женщиной. Ежели, конечно, ты не предпочитаешь унижить свою маленькую шлюшку, заставив ее рассказывать перед всеми доминусами долины Кальдерона, как это она совратила моего парня.

Один из сыновей Уорнера, высокий, стройный юноша с короткой стрижкой, как у легионеров, шагнул к отцу и взял его за руку.

– Не надо, пап, – сказал он. – В честном бою его не одолеть.

Двое его братьев встали у Уорнера за спиной; сыновья Корда тоже встали за спиной отца.

Хедди, дочка Уорнера, бросилась к отцу. Роскошная грива ее волос взметнулась и заколыхалась золотыми волнами в окружавшем Уорнера горячем воздухе. Она в смятении огляделась по сторонам; лицо ее покраснелось от волнения.

– Ну папа, – твердила она. – Не надо так. Это не по-нашему.

Корд смерил девушку полным презрения взглядом.

– Биттан, – оглянулся он на младшего сына. – И ты тыкал своим отростком в эту тощую клячу? С таким же успехом ты мог бы проделать это с одной из овец Уорнера.

Исане пришлось сжать кулаки и напрячь всю свою волю, чтобы кипевшие во дворе эмоции не захлестнули ее с головой. Все их чувства – от панического страха и унижения, владевших Хедди, до ярости Уорнера, до садистского наслаждения и жажды насилия Корда – волнами накатывали на нее. Они были слишком сильные, чтобы не обращать на них внимания. Она отогнала их прочь и сделала глубокий вдох. Кордова фурия земли была свирепой тварью, приученной убивать. Он использовал ее для охоты и забоя скота. Любая фурия со временем приобретает черты своего партнера-человека, но, даже не принимая в расчет характер самого Корда, земляные фурии всегда опасны. Убийцы.

Исана скользнула взглядом по двору. Дворня обступила их кругом, но не вмешивалась. Никому не хотелось оказаться вовлеченным в ссору доминусов. Вбрани побери ее братца! Где его носит, когда он так нужен ей здесь?

Исходящий от Уорнера поток гнева сделался резче – еще мгновение, и он поддастся на подколки Корда и согласится на официально принятую в стране форму дуэли. Корд убьет его, но Уорнер был слишком взбешен, чтобы понимать это. Сыновья Уорнера тоже заливали Исану потоками гнева, а уж младший сын Корда просто истекал нескрываемой жадой насилия.

Сердце Исаны разрывалось от всех этих эмоций, к которым добавлялся и ее собственный страх. Она отогнала их, пытаясь направить всю эту кипящую энергию в нужное ей направление. Она шагнула вперед, остановившись между двумя мужчинами, и уперла руки в бока.

– Уважаемые, – произнесла она звенящим от возмущения голосом, – вы мешаете нам готовить обед.

Уорнер шагнул к Корду, не сводя глаз с его лица:

– Уж не ждешь ли ты, что я снесу такое?

Корд тоже придвинулся ближе.

– Дуэль, – сказал он. – Ну же, Уорнер. Объяви ее, и мы уладим все здесь и сейчас.

Исана резко повернулась к Корду и в упор посмотрела ему в глаза:

– Не на моем дворе.

Стоявший за спиной у Корда Биттан надменно хохотнул и шагнул к Исане.

– Ну-ну, – произнес он. – Это еще у нас кто? Очередная шлюшка, переживающая за свою товарку Хедди?

– Биттан, – предостерегающе буркнул Корд.

Исана прищурилась. Надменность самоуверенного похотливого юноши окутывала ее клубами зловонного смрада. Он сделал еще шаг к ней – презрительно ухмыляясь, пожирая ее взглядом от босых ног до длинной косы. Этот идиот, похоже, не знал ее в лицо.

– Рано испорченная, – заметил Биттан. – Но держу пари, с тобой можно неплохо покурвиться.

Он протянул руку, чтобы дотронуться до ее лица.

Исана позволила ему прикоснуться к ней и ощутила его отчаянную жажду утвердиться в собственных глазах. Потом схватила его за запястье и ледяным тоном произнесла:

– Рилл. Разберись с этим слизняком.

Биттан резко скорчился и опрокинулся навзничь. Он еще успел издать сдавленный крик, почти мгновенно захлебнувшийся, когда изо рта у него хлынула вода. Он бился на камнях двора, глаза его вылезли из орбит. Он попытался было закричать еще раз, но из ноздрей и рта его текла лишь вода.

Старший сын Корда бросился к упавшему брату, а сам Корд, злобно ощерившись, шагнул к Исане.

– Сука! – рявкнул он.

Земля под его ногами вздулась, словно готовая броситься вперед.

– Ну, давай, Корд, – все тем же ледяным тоном продолжила Исана. – Но прежде я напомню тебе, что ты сейчас в домене Бернарда. И меня вызвать на дуэль ты не можешь. – Она улыбнулась ему как могла безмятежнее. – Я не доминус.

– Я все равно могу убить тебя, Исана, – сказал Корд.

– Можешь, – согласилась она. – Только тогда я не смогу отозвать Рилл, чтобы она отпустила твоего парня, верно?

– И что? – пожал плечами Корд. – Одним ртом меньше, только и всего.

– Что ж, раз так, – отозвалась она, – надеюсь, ты в силах убить здесь всех до одного. Ибо за хладнокровное убийство тебе придется ответить, Корд. Мне все равно, как далеки мы от правосудия Первого консула, – убей меня, и во всей стране тебе не найти места, чтобы укрыться от него.

Не дожидаясь ответа, она повернулась к Уорнеру:

– Убери эту ухмылку с лица, доминус. Что за пример показываешь ты моим людям и их детям? – Она нахмурилась и шагнула к нему. – Я требую, чтобы ты дал слово не делать больше никаких глупостей, пока гостишь у меня в доме!

– Но, Исана, – возмутился Уорнер. Сыновья его так и не спускали глаз с Корда и его отпрысков. – Эта скотина, которая валяется на земле, изнасиловала мою дочь!

– Папа! – всхлипнула Хедди, дергая его за рукав. – Папа, пожалуйста!

– Твое слово, Уорнер! – рявкнула Исана. – Или я объявлю твою сторону виновной здесь и сейчас!

Взгляд Уорнера переместился наконец на Исану, и она ощутила его потрясение.

– Но, Исана...

– Никаких «но». Ты не имеешь права вести себя так в моем доме, Уорнер, а моего брата здесь нет, чтобы вколотить в твою безмозглую башку хоть немного здравого смысла. Твое слово. Никакого вздора насчет дуэли. Никаких драк или поединков в нашем домене.

С минуту Уорнер молча смотрел на нее. Исана чувствовала смятение этого человека, его гнев, его беспомощное разочарование. Затем он слегка сощурил глаза, и они наполнились добротой и теплом.

– Ну ладно, – чуть слышно пробормотал он. – Даю слово. За нас всех. Мы ничего такого не затеем.

Исана повернулась в сторону Корда и шагнула к юнцу, который все еще задыхался на земле, его рвало водой. Едва не задев, она обошла старшего сына Корда (его, кажется, зовут Арик, вспомнилось ей) и, наклонившись, положила руку на лоб Биттану. Парня охватил животный ужас. Она не ощущала больше ни заносчивости, ни агрессии – только страх, такой сильный, что по коже Исаны забегали мурашки.

Корд оскалился на нее сверху вниз:

– Я так думаю, ты и моего слова хочешь?

– Не помешало бы, – отгрызнулась Исана и понизила голос. – Ты подонок, Корд, и нам обоим это прекрасно известно. – Громко же она произнесла: – Рилл. Отпусти его.

Она выпрямилась и сделала шаг назад. Биттан закашлялся, отплеываясь водой; наконец-то ему удалось сделать вдох. Она оставила его валяться на земле и повернулась, чтобы уйти.

Один из камней, которыми был вымощен двор, выгнулся и мягко, но решительно обхватил ее лодыжку. Сердце ее дрогнуло от страха; спина продолжала холодеть от ярости Корда. Она закинула косу за плечо и, прищурившись, встретила его взгляд.

– Еще не все кончено, Исана, – очень тихим голосом пообещал Корд. – Я этого не забуду.

Исана смотрела в его глаза, полные холодной, расчетливой ненависти, и черпала из них энергию, чтобы ответить холодом на холод.

– На твоём месте я бы надеялась, что все кончено, Корд, – ответила она так же тихо. – Или тебе придется понять: то, что случилось с Биттаном, – ещё счастье. – Она опустила глаза на скованную камнем ногу и снова подняла их, глядя ему в лицо. – Вы можете подождать в амбаре. Я пришлю чего-нибудь перекусить. Когда придет время обеда, мы вас позовем.

С минуту Корд не двигался с места. Потом плюнул на землю и кивнул сыновьям. Арик подхватил глотавшего воздух Биттана, рывком поставил его на ноги, и они втроем побрели к широкой двери амбара. Только когда они скрылись внутри, земля под босой ногой Исаны дрогнула и отпустила ее.

Она зажмурилась, и страх, который она сдерживала все это время, снова накатил на нее, грозя вырваться наружу. Она задрожала, но, решительно трянув головой, взяла себя в руки. Не сейчас, не у всех на виду. Она открыла глаза и обвела взглядом столпившихся вокруг людей.

– Ну? – спросила она. – До вечерней трапезы еще надо сделать уйму всего. Мне в одиночку не справиться. Марш работать.

Люди зашевелились, заговорили друг с другом. Некоторые бросали на нее взгляды, полные уважения, восхищения или страха. Их страх она ощущала как прикосновения многочисленных ледяных нитей. Ее люди – те, с кем она жила и трудилась всю свою жизнь, – боялись ее.

Глаза ее наполнились слезами – но уж с этим-то справиться было проще простого; это едва ли не первый фокус из тех, который осваивают заклинатели воды. Усилием воли она прогнала слезы обратно, и никто их не заметил. Противостояние и связанные с ним напряжение и жажда насилия потрясли ее так, как не случалось с ней уже много лет.

Исана сделала еще один глубокий вдох и пошла обратно на кухню. Хорошо хоть ноги полностью повиновались ей, ибо слабость, овладевшая ею, казалась почти невыносимой. Голова буквально раскалывалась от боли: водяная магия и так отнимает уйму сил, а тут еще такое напряжение...

При ее приближении из дверей кузни вышел, чуть подволакивая ногу, Линялый. Роста он был сравнительно небольшого, левую часть его лица украшал чудовищный ожог: клеймо труса, выжженное много лет назад. Волосы, еще совсем черные как вороново крыло, он отрастил как можно длиннее, чтобы они скрывали и клеймо, и рваный шрам на голове – возможно, след давнего ранения в битве. Идиотски ухмыляясь, раб подал ей оловянную кружку с водой и полотенце, казавшееся особенно чистым по сравнению с его лохмотьями и прожженным во многих местах кожаным фартуком.

– Спасибо, Линялый, – кивнула Исана. Она взяла у него и то и другое и сделала глоток воды. – Я хочу, чтобы ты приглядел за Кордом. Мне нужно, чтобы ты дал мне знать, если он или кто-то из его сыновей попытается выйти из амбара. Хорошо?

Линялый поспешно кивнул. Из полуоткрытого рта его сбежала струйка слюны.

– Приглядеть за Кордом, – повторил он. – Амбар. – Он нахмурился и некоторое время молчал, глядя прямо перед собой, потом ткнул в нее корявым указательным пальцем. – Сама смотреть.

Она мотнула головой:

– Я слишком устала, Линялый. Ты просто скажи мне, если кто-то из них выйдет. Ладно?

– Выйдет, – повторил Линялый и вытер слюну рукавом. – Сказать.

– Верно, – кивнула она с улыбкой. – Спасибо, Линялый.

Линялый довольно хмыкнул и улыбнулся:

– Пожалуйста.

– Линялый, тебе самому в амбар лучше не заходить. Корд с сыновьями, мне кажется, тебе не обрадуются.

– Да уж, – буркнул раб. – Следить, сказать.

Он повернулся и, шаркая ногами, побрел в направлении амбара.

Исана препоручила старой Битте заботы о кухне, вернулась к себе в комнату и уселась на кровати, сложив руки на коленях. В желудке стояла неприятная тяжесть, и ей пришлось несколько раз глубоко вдохнуть и выдохнуть, чтобы успокоиться. С непосредственной угрозой ей удалось справиться, а на Линялого – при всей его бесхитростности и неважных разговорных способностях – вполне можно положиться. Он предупредит, если что.

Она переживала из-за Тави сильнее, чем когда-либо. Конечно, с Бернардом он в относительной безопасности, и все же тревога не оставляла ее. Сосновые лощины считались самым опасным местом в долине, но ее усталые чувства улавливали угрозу намного более серьезную. Какие-то тяжелые предчувствия витали в воздухе долины, какие-то стихии накапливали силу, – стихии, по сравнению с которыми назревавшая над Гарадосом гроза казалась безобидной мелочью.

Исана прилегла на кровать.

– Пожалуйста, – устало прошептала она. – Великие фурии, пожалуйста, сделайте так, чтобы с ними ничего не случилось...

Глава 5

Тави понадобилось не больше часа, чтобы обнаружить след Доджера, но дальше было непросто. Он шел по следу все утро и первые дневные часы, задержавшись только раз, чтобы напиться ледяной воды из ручья и перекусить сыром и солониной, которые предусмотрительно захватил с собой его дядя. К этому времени Тави твердо решил, что Доджер сполна заслужил свою кличку – Блудень – и что тот просто забавляется, заставляя их петлять во всех направлениях по бурелому.

Хотя мрачная громада Гарадоса сделалась больше и темнее, окутавшись грозowymi тучами, Тави старался не обращать на нее внимания, сосредоточившись на деле. Время было далеко за полдень, когда он наконец догнал вздорного барана и его отару.

Он услышал овец прежде, чем увидел их: одна из маток жалобно бляла. Он оглянулся через плечо на дядю, шедшего в нескольких десятках шагов позади него, и махнул ему рукой, давая знать, что нашел их. При этом он не смог сдержать довольной улыбки, да и дядя улыбнулся в ответ.

Доджер завел отару в почти непролазную чащобу колючих кустов в рост Тави и глубиной в добрую сотню футов. Тави высмотрел рога Доджера и начал осторожно пробираться к нему, по обыкновению громко разговаривая с вожаком. Доджер фыркнул и принялся рыть землю копытом, угрожающе выставив рога вперед. Тави нахмурился и сбавил скорость. Доджер весил никак не меньше четверти тонны, а овцы местной горной породы, которую жители приграничья ценили за рост и силу, позволявшие им защитить себя, в случае угрозы становились агрессивными. Не один неосторожный пастух поплатился за это жизнью.

Резкий сладковатый запах заставил Тави застыть на месте. Пахло забитой овцой: кровью и пометом.

Что-то было не так. Совсем не так.

Теперь Тави приближался еще медленнее, осторожно оглядываясь по сторонам. Первую убитую овцу – точнее, ягненка – он увидел, не доходя нескольких ярдов до кустов. Он опустился на колени и внимательно осмотрел останки в надежде понять, кто убил животное.

Это был не слайв. Слайвы могут убить ягненка или даже взрослую овцу, напав на нее стаей. Однако ядовитые ящерицы сразу же разрывают труп на части, не оставляя ничего, кроме костей. Ягненок был мертв, но рана на теле была только одна – широкий, чистый разрез, почти отделивший голову от тела. Такую рану мог бы нанести саблезуб, но эти горные хищники, убив жертву, либо пожирают ее на месте, либо уносят к себе в логово. Волки – даже гигантские волки варварских лесов к востоку от долины Кальдерона – так чисто не убивают. Ну и потом, любой хищник вряд ли оставил бы убитого ягненка целым. Звери не убивают для развлечения.

Земля вокруг ягненка была неровной, каменистой. Тави поспешно обшарил ее взглядом в поисках следов, но нашел только отпечатки овечьих копыт и еще несколько непонятных отметин – он не мог даже сказать наверняка, следы ли это. Один неясный отпечаток напоминал след человеческой пятки, но с таким же успехом его мог оставить сдвинутый с места круглый камень.

Тави озадаченно встал и почти сразу же увидел еще два трупа, лежавших между первым ягненком и кустами, в которых укрылся Доджер. Еще один ягненок и ярка, на обоих зияют такие же глубокие чистые раны. Кто-то из сильных фурий вполне мог разить так, но фурии редко нападают на животных без приказа своего властелина-человека. И если эти убийства совершены не зверем, значит это дело рук человека. Правда, ему понадобился бы до ужаса острый нож и, возможно, помощь фурии, удесятерившей силу.

Однако чужаков в приграничной долине почти не бывает, а из местных никто по таким буеракам не шляется. Нависающая над этими местами громада Гарадоса пронизывает своим напряжением землю на мили вокруг, а уж рядом с самой горой даже уснуть почти невозможно.

Тави поднял взгляд и нахмурился: Доджер продолжал стоять у прохода сквозь кусты, угрожающе выставив вперед рога, и Тави вдруг стало не по себе.

– Дядя! – позвал Тави, и голос его чуть дрогнул. – Что-то не так.

Бернард подошел к нему, окинул взглядом Доджера и отару, затем лежавших на земле мертвых овец. Он нахмурился, потом глаза его расширились. Он распрямился и отстегнул от пояса короткий, тяжелый легионерский меч.

– Тави. Быстро ко мне.

– Что?

– Живо! – В голосе Бернарда прозвучали стальные командные нотки, каких Тави ни разу еще у него не слышал. С тревожно забившимся сердцем Тави повернулся и послушно подошел к нему.

– А как же отара?

– Забудь, – ледяным тоном отрезал Бернард. – Мы уходим.

– Но овцы... мы же их потеряем! Не можем же мы бросить их так!

Бернард сунул меч в руку Тави, медленно обшарил взглядом кусты вокруг и наложил стрелу на тетиву лука.

– Держи его острием вниз. Положи другую руку мне между лопаток у основания шеи и держи ее там.

Страх, охвативший Тави, сделался еще сильнее, но он совладал с ним и сделал все, как приказал дядя.

– Что случилось? Почему мы уходим?

– Потому что мы хотим вернуться живыми. – Бернард двинулся прочь из зарослей, лицо его застыло от напряжения.

– Живыми? Дядя, да что...

Бернард застыл, резко повернулся и вскинул лук. Тави повернулся следом за ним и успел увидеть какое-то движение в зарослях перед ними.

– Что э...

Резкий, шипящий звук послышался с противоположной стороны. Тави повернул голову, но дядя его не смог сделать этого так же быстро, ибо ему пришлось поворачиваться всем телом – с поднятым луком и приложенной к щеке стрелой. Тави ничего не оставалось, как смотреть на приближавшегося... кого?

Нападавший напоминал птицу – если только птица может иметь восемь футов роста и бегать на длинных, мощных ногах, мощнее и больше в обхвате, чем у беговой лошади, и украшенных зловещего вида когтями. Голова ее покоилась на длинной, гибкой шее; клюв напоминал ястребиный, только во много раз больше, острый и угрожающе изогнутый. В расцветке оперения преобладали черные и коричневые тона, а глаза были ярко-золотистого цвета.

Птица рванулась вперед, сделала два огромных шага и прыгнула, вытянув когти к своим жертвам и молотя по воздуху неожиданно крошечными крылышками. Бернард оттолкнул Тави бедром, и тот полетел в сторону, а дядя остался между ним и надвигающимся кошмаром.

Бернард выстрелил не целясь. Стрела ударила в птицу по касательной и отскочила от жестких перьев. Жуткая тварь приземлилась на Бернарда и клюнула его.

Тави вскрикнул, когда капли крови его дяди попали ему на лицо.

Зверь-птица орудовала когтями. Один из них рванул дяде Бернарду бедро, вспоров крепкие кожаные штаны, как тонкую ткань. Кровь ударила струей. Другой коготь целил в горло, но Бернарду удалось отбить его луком. Тварь попыталась достать его клювом, и снова он отбил выпад.

Огромный клюв птицы метнулся вбок и перекусил лук, словно тонкую хворостинку. Громко хлопнула оборвавшаяся тетива.

Тави поднял меч и с криком бросился на помощь дяде. Его собственный голос показался ему чужим, таким он был высоким, срывающимся от волнения и страха. Птичья голова повернулась в его сторону, и взгляд золотистых глаз уперся в него.

– Брутус! – крикнул дядя Бернард, стоило птице отвернуться к Тави. – Взять его!

Земля под ногами у птицы вздыбилась и метнулась вверх: Брутус откликнулся на зов Бернарда.

Тонкий почвенный покров раздался, обнажив каменную поверхность. Брутус вылетел из земли, как выбегающая из приюта гончая, – огромный охотничий пес из земли и камня. Глаза фурии горели как ослепительно-зеленые изумруды. Брутус оттолкнулся каменными лапами от земли, прыгнул и сомкнул каменные челюсти на птичьей ноге.

Птица испустила звук, напоминающий пронзительный свист закипающего чайника, и ее клюв метнулся к голове фурии. Удар высек из камня искры, и одно ухо гончей отлетело в сторону, но Брутус не обратил на это ни малейшего внимания.

Тави снова закричал и, держа меч обеими руками, нанес удар. Он попал птице в основание шеи и ощутил, как та дернулась от боли – это напоминало рывки попавшей на крючок рыбы. Он замахнулся и ударил еще раз. Из раны выплеснулась на клинок темная кровь.

Тави продолжал разить мечом, уворачиваясь при этом от когтей твари. Снова и снова ударял тяжелый клинок по птичьей шее; брызги темной крови летели Тави на руки, на одежду, на лицо.

Брутус опрокинул птицу набок и навалился на нее сверху, прижимая к земле. Тави снова взвизгнул и с размаху, как топор, опустил меч на шею птицы. Он услышал хруст, и птица обмякла. Свистящий визг стих, только кровь барабанным боем стучала у мальчика в ушах.

Тави была крупная дрожь. Вся его одежда, меч и рассыпанные по земле перья были в крови. Брутус продолжал удерживать птицу за ногу своими гранитными челюстями. От тела исходила омерзительная вонь. Тави поперхнулся и постарался дышать ртом. Потом опомнился и повернулся к лежавшему на земле дяде.

– Дядя, – пробормотал Тави и опустился рядом с ним на колени. Тот был весь в крови. – Дядя Бернард.

Бернард повернул бледное, перекошенное от боли лицо к Тави. Обеими руками он зажимал рану на бедре – с такой силой, что побелели пальцы.

– Нога, – прохрипел он. – Надо перетянуть ногу жгутом, парень, или мне крышка.

Тави кивнул. Он положил меч на землю и расстегнул пояс.

– А Брутус? – спросил он.

Бернард с усилием мотнул головой:

– Не сейчас. И потом, такие дела ему не поручишь.

Тави пришлось тянуть обеими руками, чтобы подвинуть дядину ногу хотя бы настолько, чтобы он смог подсунуть под нее пояс, – и даже это небольшое перемещение заставило того охнуть от боли. Тави затянул пояс как можно туже и завязал концы. Бернард снова застонал и медленно отнял руки от раны. Кровь продолжала сочиться, но, по крайней мере, не была струей. Сама рана выглядела ужасно. Коготь вспорол мышцы, и Тави показалось, что он видит, как в глубине белеет кость. У него снова свело желудок, и он отвел взгляд в сторону.

– Вóроны! – пробормотал он. – Дядя? Ты как?

– Болит изрядно. Ты говори со мной, говори – так легче.

Тави прикусил губу:

– Ладно. Что это за тварь такая?

– Овцезез. Их разводят в южных краях. По большей части в Лихорадских джунглях. Никогда не слышал, чтобы их видели в наших северных краях. Тем более таких крупных.

– Они что, пожирают овец?

– Нет. Они слишком глупы. Стоит им почуять кровь, и они рвут на части все, что движется.

Тави сглотнул и кивнул:

– Мы все еще в опасности?

– Возможно. Овцерезы охотятся парами. Ступай посмотри на птицу.

– Что?

– Посмотри на эту проклятую птицу, парень! – рявкнул Бернард.

Тави встал и вернулся к овцерезу. Свободная нога его еще дергалась, когти сжимались и разжимались. От него продолжала исходить нестерпимая вонь, и Тави пришлось прикрыть нос и рот рукой.

Бернард охнул и сел. На мгновение голова его бессильно повисла, и ему пришлось опереться о землю руками.

– Ты убил его первым ударом, Тави. Тебе бы стоило отойти и дать этой гадине сдохнуть.

– Но она еще билась, – возразил Тави.

Бернард мотнул головой:

– Ты перерубил ему шею. Его бы не хватило надолго. Но за те несколько минут, что овцerez истекал кровью, он вполне мог бы прихватить и тебя с собой. Посмотри на его шею. У самой головы, сзади.

Тави обошел труп птицы и посмотрел туда, куда сказал дядя, – стараясь при этом держаться подальше от клюва.

Что-то заставляло перья на шее птицы странно топорщиться. Он опустился на колени и, борясь с брезгливостью, раздвинул перья.

Шею птицы туго стягивало, впиваясь в мышцы, плетеное кольцо из грубой холстины и кожи.

– Тут у него что-то вроде ошейника, – сообщил Тави.

– Из чего ошейник? – прохрипел Бернард.

– Не знаю. Вроде как холст и немного кожи, и все заплетено в косичку. Я такого еще не видел.

– Это маратский ошейник. Нам надо убираться отсюда, Тави.

Тави потрясенно посмотрел на дядю.

– Но ведь в долине Кальдерона нет маратов. Легионы прогнали их. Здесь не бывало маратов со времен той большой битвы много лет назад.

Бернард кивнул:

– Еще до твоего рождения. Но те две когорты, которые расквартированы в гарнизоне, не обязательно перехватывают их, если только они не переходят границу большими группами. Где-то здесь находится воин-марат, и он вряд ли обрадуется тому, что мы убили его птицу. И ее самец – тоже.

– Самец?

– Видишь отметины на затылке? Шрамы от спаривания. Мы убили самку.

Тави охнул:

– Тогда, пожалуй, нам лучше уйти.

Бернард кивнул; движения его сделались усталыми, неуверенными.

– Иди сюда, парень.

Тави повиновался, снова опустившись на колени рядом с дядей. Одна из овец заблеяла, и Тави нахмурился: он увидел, что маленькое стадо разбрелось по кустам и Доджер забегал вокруг него, бесцеремонно сгоняя самок рогами.

– Брутус, – хрипло произнес Бернард и весь сморщился от напряжения. – Отпусти птицу. Отнеси нас обоих домой.

Каменный пес отпустил птицу, повернулся к Бернарду и снова погрузился в землю. Тави почувствовал, как дрогнула и зашевелилась земля под ногами. Потом из-под нее выросла каменная плита шириной футов в пять и вместе с ними двинулась в южном направлении – ни дать ни взять плот на неспешной реке. Медленно набирая скорость, земляной плот заскользил в сторону прогалины.

– Растолкай меня, когда мы вернемся, – пробормотал Бернард, лег на спину и закрыл глаза. Тело его мгновенно обмякло.

Тави, нахмурившись, покосился на дядю, потом оглянулся на овец. Доджер снова загнал их в буерак и выставил рога – но не в сторону Тави.

– Дядя Бернард, – произнес Тави, и голос его показался ему самому высоким и испуганным. – Дядя Бернард, мне кажется, что-то приближается.

Дядя не ответил. Тави огляделся по сторонам в поисках дядиногo меча и тут же сообразил, что оставил его рядом с трупом овцереза и теперь их разделяют две дюжины шагов. Он сжал кулаки от досады. Это все он виноват. Если бы он не забыл на время о своих обязанностях из желания произвести впечатление на Беритту, ему не нужно было бы отправляться на поиски Доджера, а его дяде не пришлось бы идти с ним.

Тави поежился. Смерть вдруг показалась не далекой, а совсем близкой, очень даже настоящей.

В долине потемнело, и Тави увидел, как на солнце напoлзают тучи. Где-то вдалеке прогремел гром. Деревья зашелестели, раскачиваясь под порывами ветра. Тави казалось, что каменный плот ползет медленнее черепахи. На самом деле они уже перемещались со скоростью быстро шагающего человека и продолжали набирать ход, но Тави отчаянно хотелось двигаться быстрее. Он боялся, что они опоздают.

Новая мысль мелькнула у него в голове, и он застыл. Если кто-нибудь нападет на них сейчас, его дядя не придет на помощь. Тави придется справляться с этим самому.

Пронзительный свистящий вопль раздался в зарослях справа от них, выше по склону.

Тави дернулся и посмотрел в том направлении, но ничего не увидел. Вопль повторился.

Еще один овцerez.

Другой вопль отозвался ему эхом, на этот раз слева от каменного плота, и прозвучал он неприятно близко. Третий? Шагах в пятидесяти позади них качнулись кусты. Тави показалось, что к ним что-то приближается.

– Они приближаются, – негромко произнес он.

Внутри его все сжалось. Хотя Брутус, разогнавшись, не уступал в скорости бегущему человеку, разгон требовал времени, а его у них не осталось. Шансов спастись от другого овцереза у лежавшего без сознания Бернарда не было, а от Брутуса помощи ждать не приходилось, ибо тот сосредоточился на одной-единственной задаче: доставить их домой.

Из этого следовало, что спастись дядя может только в одном случае: если овцerez погонится за кем-нибудь другим. Точнее, если этот кто-то уведет его за собой в другую сторону.

Тави сделал глубокий вдох – и скатился с каменного плота на землю. Он заполз под придорожный куст и затаился. Если овцerezы реагируют на движение, уж наверняка им будет труднее делать это при ветре, при раскачивающихся деревьях и кустах. Он полежит немного неподвижно, а потом примется шуметь и скакать, чтобы отвлечь внимание охотников от уязвимой добычи.

Снова громыхнул гром, и на щеку Тави упала ледяная капля. Он поднял глаза и увидел, что небо почти полностью затянуто черными тучами. Еще одна капля упала на него, и вдруг его охватил такой страх, что едва не стошнило. Затеянные дикими фуриями грозы смертельно опасны для любого, кого они застигнут в глуши. Лишенный защиты толстых стен усадьбы, лишенный защиты собственных фурий, он почти наверняка окажется в полной власти стихий.

Стараясь дышать ровнее, Тави подобрал несколько камней подходящего для броска размера. Потом повернулся лицом на восток и швырнул камень как можно дальше.

Описав беззвучную дугу, камень ударился о ствол дерева; стук вышел что надо – резкий, отчетливый. Тави вжался в землю у древесных корней и затаил дыхание.

С противоположной стороны тропы послышался свист, и что-то шевельнулось в кустах. Одновременно за спиной Тави послышался топот, и тропу, пробитую в кустах махиной Брутуса, пересек огромный темный силуэт. Еще один овцерез, крупнее и темнее первого. Он бежал удивительно тихо для такой туши, только когти стучали по ковру из опавшей хвои и шелестели, задевая за ветви, перья. Тварь метнулась к месту, где только что упал камень, и скрылась в кустах.

Тави перевел дух. Он швырнул еще один камень, еще дальше, в направлении, противоположном тому, в котором Брутус уносил Бернарда прочь от опасности. Пригнувшись, Тави сам двинулся в направлении прогалины, через каждые несколько шагов задерживаясь, чтобы бросить камень. Ветер продолжал усиливаться, и обжигающе-ледяные капли падали уже почти непрерывно.

Стараясь дышать как можно тише, Тави по-кошачьи прокрался обратно к прогалине. Последние несколько ярдов он прополз на животе под низко нависавшими хвойными ветвями. Овец не было видно.

Зато второй овцерез был уже здесь.

И марат тоже.

Овцерез оказался по меньшей мере на голову выше первого, с более темным оперением. Глаза его, тоже золотистые, имели коричневатый оттенок. Он стоял над трупом птицы, которую убил Тави, поджав одну ногу и шевеля клювом перья убитой подруги.

До сих пор Тави ни разу не доводилось видеть маратов. Этот был очень высокий – выше всех известных Тави людей. Он был почти как человек, только плечи его казались невероятно широкими, а покрывавшие все тело мускулы – плоскими, стремительными. Вся его одежда состояла из набедренной повязки, да и та не столько прикрывала наготу, сколько служила поясом для ношения нескольких сумок и оружия – похожего на сделанный из темного стекла кинжал. Волосы у него были длинные и густые, в неярком предгрозовом свете они казались неестественно светлыми. В волосы было воткнуто несколько птичьих перьев, и это придавало ему свирепый вид.

Марат подошел к телу овцереза, опустился рядом с ним на колени и положил обе ручки на мертвую птицу. Он испустил негромкий жалобный вопль, и ему вторил эхом стоявший рядом самец. Потом оба на минуту замолчали, склонив головы.

Выпрямившись, марат оскалится, блеснув белыми зубами, и повернул голову сначала в одну сторону, потом в другую. Тави увидел, что его глаза имели тот же золотистый оттенок, что и у овцереза, – они были почти прозрачными и пугающе нечеловеческими.

Тави застыл на месте, едва дыша. Выражение лица марата не оставляло ни малейшего сомнения: он был взбешен. Голова его медленно поворачивалась, вглядываясь в окружающие прогалину кусты. Тави разглядел, что зубы его и руки перепачканы алой кровью.

Марат распрямился и поднес руку ко рту. Набрав в грудь побольше воздуха, он свистнул так громко и пронзительно, что Тави зажмурился. Свист повторился еще несколько раз – то выше, то ниже, то длиннее, то короче. Потом он смолк.

Тави нахмурился и приоткрыл рот от напряжения, вслушиваясь в тишину.

Спустя несколько секунд откуда-то издалека, наполовину приглушенный ветром, послышался ответный свист. Тави не знал, что говорилось в этом ответе, но это был, несомненно, ответ, и одно это уже наводило страх. Свист означал только одно: поблизости находился по меньшей мере еще один варвар.

Мараты вернулись в долину Кальдерона.

Возможно, они просто охотились в безлюдных пустошах вокруг Гарадоса. А может, в ужасе подумал Тави, это передовые разведчики орды. Но это... это ведь безумие! Орды в этих краях не видали больше пятнадцати лет – Тави еще не родился на свет, когда орда одержала свою единственную недолгую победу, вырезав легион Короны и убив принцепса Гая. Алеранские легионы разгромили орду всего несколько недель спустя, нанеся ей такой сокрушительный удар, что ни у кого не осталось сомнений: мараты никогда больше не вернуться.

Тави судорожно сглотнул. Однако они все-таки вернулись. И если их много, значит мараты в долине – разведчики. А если они разведчики, они ни за что не позволят тощему подростку, который их увидел, уйти живым и рассказать остальным об их появлении.

Марат снова принялся осматривать кусты. Он нагнулся, выдернул из мертвого овцереза несколько перьев и привязал их к волосам. Потом негромко свистнул второму овцерезу и сделал ему знак рукой. Птица послушно двинулась большими шагами в указанном направлении, ее взгляд тоже шарил по кустам.

Тем временем марат опустился на четвереньки. Он понюхал кровь, засыхавшую на когтях убитого овцереза; потом, к отвращению Тави, пригнулся и лизнул ее языком. Тави видел, как он прищурился, оценивая вкус, словно это было вино. Открыв глаза, марат, не вставая на ноги, принялся рыскать вокруг трупа, словно ищущий след пес. У лежавшего на земле меча он задержался, поднял его и внимательно осмотрел покрытый кровью овцереза клинок. Потом вытер его о траву и сунул за матерчатый пояс.

Ветер продолжал усиливаться, то и дело меняя направление. Тави ощущал, как он холодит ему спину. Он застыл, уверенный в том, что любое, даже самое незначительное движение выдаст его. Марат свистнул еще раз, махнул рукой, и овцerez, повернув, двинулся к убежищу Тави.

«Как цыпленок на червяка, – подумал Тави. – Только червяк – это я».

Однако, не пройдя и нескольких шагов, овцerez испустил вопль и повернул голову на юг. Марат тоже посмотрел в ту сторону, и в его золотистых глазах вспыхнул жадный огонь. Раздувая ноздри, он припал к земле, потом вскочил и зашагал вслед за раненым дядей Бернардом.

– Нет! – крикнул Тави, вскакивая с земли и швыряя один из оставшихся камней в марата. Он не промахнулся: камень угодил тому в щеку, рассадив ее до крови.

Марат уставился на Тави своими золотистыми, как у хищной птицы, глазами и рявкнул что-то на незнакомом Тави языке. Впрочем, сомнений в его намерениях у Тави не возникло, он все понял даже прежде, чем тот вытащил из-за пояса свой стеклянный кинжал. Глаза его полыхали яростью.

Марат свистнул, и овцerez послушно повернулся к нему. Потом он указал рукой на Тави и испустил такой же булькающий свист, как тот, что издавала мертвая птица.

Тави повернулся и побежал.

Всю жизнь ему приходилось бегать от тех, кто крупнее и сильнее его. Большая часть игр в усадьбе также в той или иной степени основывалась на погоне, и Тави научился использовать преимущества, которые давали ему маленький рост и быстрота. Он бежал, выбирая самые густые кусты, проскальзывая сквозь лабиринт колючек, лиан и буераков.

Ветер все крепчал, поднимая в воздух опавшую хвою и пыль. Тави бежал на запад, уводя погоню от Брутуса с Бернардом. Зловещий свист овцереза и его хозяина не отставал, но страх только подгонял мальчика.

Сердце его стучало в груди, как кузнечный молот, – тяжело и часто. Он понимал, что остался один и никто не придет ему на помощь. Ему придется полагаться только на собственные опыт и смекалку; оступись он или хотя бы сбавь скорость, и марат с овцerezом настигнут его моментально. Надвигался вечер, клубившаяся над Гарадосом гроза начала расползаться по долине. Если марат или овцerez поймут его, безоружного, да еще вдали от дома, он может считать себя покойником.

Тави бежал так, словно от этого зависела его жизнь.
Она действительно зависела от этого.

Глава 6

Когда наступили сумерки, Амара все еще оставалась на свободе. Ее тело болело всё, до последней косточки. Первый стремительный полет от преследователей потребовал всех ее сил, но потом стало еще труднее, и она не смогла бы лететь, если бы ветер не дул в нужном ей северо-восточном направлении. Она препоручила скольжение по воздушным потокам Циррусу, сохранив тем самым хоть часть так необходимой ей энергии.

Амара летела на небольшой высоте, над самыми верхушками деревьев, и, хотя те гнулись и раскачивались в вихре, который удерживал ее в полете, она не поднималась выше в надежде, что складки местности укроют ее от рыцарей Воздуха.

Последние лучи ржавого заката высветили полоску воды, извивавшуюся между лесистыми холмами: реку Гоул. Изрядная часть оставшихся у Амары сил ушла на то, чтобы помочь Циррусу мягко опустить ее на землю, и еще больше – на то, чтобы не упасть после того, как напряжение полета оставило ее. Больше всего ей хотелось забиться в какое-нибудь дупло и уснуть.

Вместо этого она порылась в складках своего перепачканного платья, оторвала застёжку, развернула клочок ткани и достала маленький медный кружок.

– Река Гоул, – прошептала она, вкладывая все оставшиеся у нее силы в попытку вызвать речных фурий. – Узнай эту монету и позволь мне поговорить с моим господином.

Она бросила монетку в воду, и та блеснула в кроваво-красных лучах заката сначала профилем Первого консула, а потом изображением солнца.

Амара опустила на колени и протянула руки, чтобы зачерпнуть воды в ладони. Самые долгие ее перелеты длились не больше часа – даже в подходящий для этого день. Ей повезло. Если бы ветер дул в другую сторону – ей не удалось бы благополучно добраться до Гоула.

Она опустила взгляд на свое отражение в воде, и на мгновение ее пробрала дрожь. Ей живо представилось, как вода струится вверх по ее рукам, заливая ноздри и рот, и сердце ее сжалось от тошнотворного страха. Амара попыталась отогнать его и не смогла, как не смогла заставить себя коснуться воды.

Водяная ведьма все еще могла убить ее. Смерть грозила ей прямо здесь и сейчас. Амара выжила и вырвалась на свободу – но даже теперь она пятилась прочь от воды.

На мгновение она закрыла глаза и попыталась изгнать из памяти смех той женщины. Гнавшиеся за ней мужчины пугали ее не так сильно. Попадись она им в руки, они убьют ее стальным клинком. Ну, возможно, помучают немного – но ничего такого, к чему она не была готова.

Она подумала об улыбке на лице Одианы в тот момент, когда ее водяная фурия душила Амару, топила ее прямо на суше. Ей показалось, что глаза женщины горели неподдельным детским восторгом.

Амара поежилась. К этому ее не готовили...

И тем не менее ей не оставалось ничего другого, как одолеть этот страх. Этого требовал от нее долг.

Она рывком опустила руки в холодную речную воду.

Амара ополоснула лицо, потом сделала не очень удачную попытку расчесать волосы пальцами. Хотя она стригла свои красивые золотисто-каштановые волосы короче обычного, едва до плеч, несколько часов полета в воздушных вихрях спутали их, превратив ее в подобие кудлатой дворняжки.

Она еще раз посмотрела на свое отражение. Узкое лицо с резкими чертами... хотя при умелом использовании косметики она могла бы смягчить их. Легкие, пышные волосы спутались сейчас и мало чем отличались от небольшого стога сена. Лицо и руки под слоем грима

загорели почти под цвет волос, из-за чего ее отражение в воде казалось изваянной из чуть потемневшего дерева статуей. Одежда рабыни была измята, изорвана по краям и сплошь забрызгана грязью и темными коричневыми пятнами, сливавшимися на плече, в том месте, где зацепил ее меч, в одно большое бурое пятно.

Вода всколыхнулась, однако приняла очертания не Первого консула, а женщины. Гай Кария, жена Гая Секстуса, Первого консула Алеры, казалась совсем юной, не старше Амары. На ней было потрясающе красивое платье с высокой талией; волосы она заплела во множество косичек, и только несколько продуманно-небрежных локонов выбивались из них, обрамляя лицо. Да, она была прекрасна; более того, вся фигура ее была исполнена спокойствия, уверенности, достоинства – и власти.

Амара мгновенно ощутила себя неуклюжей и как можно изящнее присела в реверансе, приподняв подол изорванного платья.

– Владетельная госпожа...

– Ученица, – пробормотала та в ответ. – Не прошло и трех недель с того дня, как мой муж дал тебе свою монету, – и ты уже мешаешь ему обедать. Полагаю, это может считаться новым рекордом. Фиделиас, как мне говорили, не осмеливался отрывать его от трапезы или от сна, пока не прошел по крайней мере месяц.

Амара почувствовала, что щеки ее пылают.

– Да, Владетельная госпожа. Я приношу свои извинения, но дело не терпит отлагательств.

Супруга Первого консула пристально посмотрела на нее, скользнув взглядом с головы до пят. Амара покраснела еще сильнее и приложила все усилия, чтобы не насупиться.

– Обойдемся без извинений, – произнесла Кария Гай. – Хотя в будущем постарайся лучше рассчитывать время.

– Да, Владетельная госпожа. Прошу вас... Мне необходимо поговорить с Первым консулом.

Кария покачала головой.

– Это невозможно, – произнесла она тоном, не терпящим возражений. – Боюсь, тебе придется поговорить с ним позже. Возможно, завтра.

– Но...

– Он занят, – отрезала супруга Первого консула. – Если ты считаешь, что твое дело важно, ученица, можешь оставить свое сообщение мне, и я передам его при первой же возможности.

– Покорнейше прошу прощения, Владетельная госпожа, но мне было сказано, что монету можно использовать для общения только с принцепсом и ни с кем другим.

– Выбирай слова, ученица. – Кария недовольно выгнула бровь дугой. – Не забывай, с кем говоришь!

– Я получила личные указания Первого консула, сиятельная госпожа. И пытаюсь исполнять их в точности.

– Похвально. Однако Первый консул – это не любимый профессор, которого можно навещать по своей прихоти, ученица. – Она сделала ударение на последнем слове. – У него и без тебя хватает дел государственной важности.

Амара сделала глубокий вдох:

– Прошу вас, Владетельная госпожа. Я не задержу его надолго. Пусть он сам решит, злоупотребляю ли я своими привилегиями. Пожалуйста.

– Нет, – сказала Кария. Водяное изваяние оглянулось через плечо. – Ты и так отняла у меня много времени, ученица Амара. – В ее голосе послышалось некоторое напряжение. – Если это всё...

Амара облизнула пересохшие губы. Как знать, если она сумеет задержать ее хотя бы на минуту, может, Первый консул услышит их разговор.

– Владетельная госпожа, прежде чем вы уйдете, могу я попросить вас передать ему несколько слов?

– Только быстрее.

– Хорошо, передайте ему только, что...

Едва Амара успела произнести эти слова, как водяное изваяние госпожи Карию сморщилось и черты его лица сделались жестче.

Вода рядом ней всколыхнулась, и из нее поднялось еще одно сотканное фурией изваяние – высокий мужчина с некогда широкими плечами, но теперь сутулый из-за возраста. Он держался с небрежной, горделивой уверенностью. В отличие от прозрачного изваяния госпожи Карию это изображение выросло из воды многоцветным, так что на мгновение Амаре показалось, будто Первый консул сам каким-то образом оказался здесь. В темных волосах его уже проглядывала седина, а зеленые глаза, казалось, выцвели от усталости.

– Эй, – произнесла фигура негромким сочным басом. – Что здесь происходит, жена моя? Фигура Гая повернулась к Амаре, и он нахмурился.

– А... – пробормотал он наконец. – Ясно. Приветствую, курсор.

Кария покосилась на мужа, услышав титул, потом ее далекий взгляд вновь обратился на Амару.

– Она хотела поговорить с тобой, но я сообщила ей, что тебе необходимо присутствовать на официальном обеде.

– Правитель, – пробормотала Амара и снова присела в реверансе.

Гай вздохнул и вяло махнул рукой:

– Возвращайся к столу, жена моя. Я сейчас.

Госпожа Кария вздернула подбородок:

– Муж мой, если мы вернемся порознь, это может быть превратно истолковано.

– В таком случае, жена моя, если хочешь, можешь подождать меня где-нибудь еще.

Кария недовольно поджала губы, но все же почтительно поклонилась, и тут же ее изваяние обрушилось обратно в воду, окатив Амару брызгами. Та вскрикнула от неожиданности и инстинктивно подобрала подол.

– О, принцепс, прошу прощения.

Гай издал цокающий звук, и его образ сделал движение рукой. Вода слетела с платья Амары: капли дождем падали на землю и тут же сбегались в маленькую мутную лужицу, которая почти сразу сползла в реку. Зато платье ее, по крайней мере, стало немного чище.

– Не обижайтесь на госпожу Карию, – буркнул Гай. – Последние три года были для нее не самыми легкими.

«Три года с тех пор, как она вышла за вас», – подумала Амара, однако вслух произнесла лишь:

– Да, правитель.

Первый консул вздохнул и сразу посерьезнел. С тех пор как Амара видела его в последний раз, он сбрил бороду, поэтому в уголках рта стали заметны морщины – единственные следы возраста на его молодежавом лице. На вид ему можно было дать немногим больше сорока, но Амара знала, что на деле он вдвое старше. А всего пять лет назад, когда она поступила в Академию, седины в его волосах не было и в помине.

– Твое донесение, – сказал Гай. – Давай-ка послушаем.

– Да, правитель. Следуя вашим инструкциям, мы с Фиделиасом предприняли попытку проникнуть в лагерь предполагаемых мятежников. Это нам удалось. – Во рту у нее как-то сразу пересохло, и ей пришлось сглотнуть. – Но... Но он...

Гай кивнул все с тем же непроницаемым выражением лица:

– Но он тебя предал. Он выказал больший интерес к служению заговорщикам, нежели к верности своему господину.

Амара удивленно моргнула, глядя на него снизу вверх:

– Да, принцепс. Но как вы...

Гай пожал плечами:

– Наверняка не знал. Но подозревал. Поживи с мое, Амара, и ты будешь видеть людей насквозь. Их намерения, их вера высвечиваются в их поступках и в их лжи. – Он покачал головой. – В Фиделиасе ростки этого я заметил давно, еще когда он был ненамного старше тебя. Правда, из всех моментов, чтобы расцвести, они выбрали наихудший.

– Вы подозревали? – переспросила Амара. – И ничего мне не сказали?

– А ты смогла бы сохранить это в тайне от него? Смогла бы играть с тем, кто тебя взрастил и обучил, до самого конца операции?

Амара стиснула зубы, чтобы не брякнуть чего-нибудь со злости. Конечно, Гай говорил правду. Она не смогла бы утаить этого знания от Фиделиаса.

– Но почему тогда вы послали меня? – осторожно спросила она.

Гай одарил ее усталой улыбкой:

– Потому что я не знаю курсора бойчее тебя. Потому что из всех курсантов Академии ты была самой сообразительной, изобретательной, упрямой и независимой в суждениях. Потому что Фиделиас ценил тебя. И потому, что в твоей преданности я не сомневался.

– Приманка, – сказала Амара, и против желанья в словах ее прозвучала горечь. – Вы использовали меня в качестве приманки. Вы знали, что он не устоит перед соблазном позвать меня за собой. Завербовать меня.

– Совершенно верно.

– Вы бы с легкостью пожертвовали мной.

– Если бы ты не вернулась, я знал бы, что ты потерпела неудачу – возможно, из-за Фиделиаса. Или ты попала на его удочку. В любом случае я удостоверился бы в истинных намерениях Фиделиаса.

– Что и было целью операции.

– Ну, не совсем. Данные разведки мне тоже нужны.

– И ради них вы рисковали моей жизнью?

Гай кивнул:

– Да, курсор. Ты ведь клялась не щадить жизни, служа Короне? Так?

Амара с пылающими щеками опустила взгляд; злость, досада и замешательство свились у нее внутри ледяным клубком.

– Да, принцепс.

– Тогда докладывай. Мне уже пора возвращаться.

Амара набрала в грудь воздуха и, так и не поднимая глаз, рассказала о всех событиях этого дня: что успели увидеть они с Фиделиасом, что узнала она о мятежном легионе и – в особенности – сколько рыцарей входит в его состав.

Завершая свой доклад, она все-таки взглянула на него. Лицо Гая, казалось, постарело, морщины на нем стали глубже, словно слова ее отняли у него еще толику жизни, молодости, силы.

– Письмо – то, которое тебе позволили прочесть... – начал Гай.

– Отвлекающий маневр, принцепс. Это наверняка. Попытка бросить ложное подозрение на кого-то еще. Я не верю, чтобы патриций Аттикус был замешан в этом деле.

– Возможно. Но не забывай, письмо было адресовано командиру второго легиона. – Гай покачал головой. – Похоже, из этого следует, что в заговор против меня вовлечен не один консул. Вполне вероятно, это попытка одного из них переложить ответственность на плечи другого.

– Если исходить из того, что их всего двое, правитель.

Морщинки снова сбежались к уголкам глаз Гая.

– Конечно. Если исходить из того, что они не все заодно. – Улыбка осветила его лицо и тут же померкла. – И то, что они пытались выведать у тебя подробности о моей личной охране, означает: они верят в успех прямого покушения с целью захвата власти.

– Уверена, что нет, правитель. Они не могут убить вас.

Гай пожал плечами:

– Не смогут, если я буду знать об их планах. Но способность сотрясать горы мало чем поможет, если тебе в горло уже воткнули нож. – Он поморщился. – Кто-то из молодых консулов, должно быть. Тот, кто постарше, просто использовал бы в качестве убийцы время. Я стар.

– Нет, принцепс. Вы...

– Стар. Старик, женатый на властной и полной политических амбиций женщине. – Он внимательно посмотрел на Амару. – Близится ночь. Ты в состоянии двигаться дальше?

– Полагаю, что да, правитель.

Гай кивнул:

– События начинают разворачиваться по всей Алере. Я чувствую это нутром, девочка. Топот множества ног, беспокойные перемещения диких стад. В ночи у западного побережья поют бегемоты, а дикие фурии севера готовят нам в этом году суровую зиму. Суровую зиму... – Первый консул вздохнул. – И голоса звучат все громче. Напряжение нарастает, собираясь в одном месте. Повсюду фурии земли, и воздуха, и дерева шепчутся о приближении угрозы извне и о том, что мир, которым наслаждалась наша страна последние пятнадцать лет, подходит к концу. Фурии металла точат мечи и раздувают огонь в кузнечных горнах. Реки и дожди вот-вот окрасятся в цвет крови. И огонь в ночи горит синим цветом – не золотым и не алым. Грядут перемены.

– Возможно, это всего лишь совпадения... – выдавила из себя Амара. – Это же не...

Гай снова улыбнулся, но улыбка вышла неживой, призрачной.

– Я стар, но не настолько, Амара. Пока еще. И у меня для тебя есть работа. Слушай внимательно.

Амара кивнула и пристальнее взгляделась в изображение.

– Ты представляешь себе значение долины Кальдерона?

Амара кивнула:

– Она расположена на перемычке, связывающей Алеру и расположенные по ту сторону гор равнины. Проход через горы только один, и он ведет через долину. Если кто-то захочет проникнуть в нашу страну пешком, он должен пройти через долину Кальдерона.

– «Кто-то», то есть мараты, – кивнул Гай. – Что тебе еще известно об этом месте?

– Только то, что говорили нам в Академии. Очень плодородная земля. Прибыльная. И именно там мараты убили вашего сына.

– Да. Вождь маратов. Он убил принцепса и привел в действие цепочку событий, которые еще долго будут сотрясать стены классных комнат и поражать воображение курсантов. Род Гаев возглавлял Алеру почти тысячу лет, но с моей смертью всему этому придет конец. И все, что мне остается, – это проследить за тем, чтобы власть попала в ответственные руки. Хотя, похоже, кто-то пытается сделать этот выбор без моего участия.

– Вам известно, кто это, правитель?

– Только подозрения, – вздохнул Гай. – Но и их я не могу произнести вслух из боязни оговорить невинного и тем самым лишиться поддержки всех консулов, как заговорщиков, так и сохранивших верность Короне. Ты отправишься в долину Кальдерона, Амара. Мараты выступили в поход. Я это знаю. Я это чувствую.

– Что я должна там делать, принцепс?

– Ты будешь наблюдать за любыми перемещениями маратов в округе, – ответил Гай. – И поговоришь с тамошними доминусами, чтобы понять, что там происходит.

Амара склонила голову набок:

– Вы думаете, активность маратов и последние действия заговорщиков как-то связаны друг с другом?

– Мараты легко могут стать оружием в их руках, Амара. И я подозреваю, кое-кто пытается выковать из них кинжал, нацеленный мне в горло. – Взгляд Гая вспыхнул, и река у ног его изображения забурлила, откликаясь на его эмоции. – Я могу сам передать власть кому-нибудь достойному, но, пока я жив и дышу, у меня ее не отнять.

– Да, принцепс.

Гай хмуро улыбнулся:

– В общем, если тебе удастся обнаружить какую-либо связь между этими двумя вещами, Амара, принеси мне доказательства. Если у меня будет хотя бы крошечная улика, чтобы выложить ее перед консулами, я смогу уладить это без ненужного кровопролития.

– Как прикажете, правитель. Я отправлюсь туда так быстро, как смогу.

– Сегодня же вечером, – сказал Гай.

Амара покачала головой:

– Я не уверена, что мне это удастся, правитель. Я совсем выбилась из сил.

Гай понимающе кивнул:

– Я поговорю с южным ветром. Он поможет тебе попасть туда быстрее.

Амара сглотнула:

– Что мне надлежит искать, правитель? У вас имеются какие-либо подозрения? Если бы я знала, на что мне обращать особое внимание, я...

– Нет, – перебил ее Гай. – Мне нужно, чтобы ты смотрела на все без предубеждения. Отправляйся в долину. Основные события развернутся там. Я хочу, чтобы ты представляла в долине мои интересы.

– Скажите, принцепс, мне там снова будет грозить почти верная смерть? – Амара не стала сдерживать горечи в голосе.

– Почти наверняка, курсор, – кивнул Гай. – Или ты хочешь, чтобы я послал вместо тебя кого-то другого?

Амара покачала головой:

– Я хочу, чтобы вы ответили на один вопрос.

Гай удивленно приподнял брови:

– Какой вопрос?

Амара посмотрела на образ Гая в упор:

– Как вы узнали? Как вы узнали, что я останусь верна Короне?

Гай нахмурился, и морщин на его лице стало больше. Несколько секунд он молчал.

– Есть люди, – произнес он наконец, – которые не способны понять, что такое верность. Ну, конечно, они могут объяснить, что это такое, но душой они этого не понимают. Им не дано вообразить мир, где это понятие реально.

– Как Фиделиас.

– Как Фиделиас, – согласился Гай. – Но ты редкий человек, Амара. Ты полная его противоположность.

– Вы хотите сказать, я знаю, что такое верность?

– Более того. Ты живешь с этим. Ты не можешь представить себе мир, где это было бы иначе. Ты не можешь предать то, что тебе дорого, как не можешь заставить свое сердце перестать биться. Я стар, Амара. И люди для меня открыты. – Он помолчал еще пару секунд. – Я никогда не сомневался в твоей преданности. Только в твоей способности выйти из этой операции живой. Похоже, за это я должен перед тобой извиниться, курсор Амара. Считай, что выпускной экзамен ты сдала успешно.

Амару вдруг захлестнуло чувство гордости, абсурдной радости за доверие Гая. Она невольно выпрямилась и задрала подбородок чуть выше:

– Мои глаза и уши в вашем распоряжении, принцепс.

Гай коротко кивнул, и за спиной Амары зашелестел листвой усиливающийся ветер. Деревья шумели, как негромкий прибой о песок.

– Раз так, ступай с фуриями, курсор. На благо Алеры.

– Я найду то, что вам нужно, правитель. На благо Алеры.

Глава 7

Фиделиас ненавидел летать.

Он сидел на носилках лицом вперед, так что ветер бил ему в глаза и сдувал волосы со лба. На сиденье напротив сидел Олдрик Меч, массивный и расслабленный, как сытый лев. На коленях его дремала, свернувшись калачиком, Одиана; темные волосы водяной ведьмы развевались на ветру, то открывая взгляду ее красивое лицо, то снова закрывая его. Ни он, ни она не выказывали никаких признаков дискомфорта от полета – ни физических, ни иных.

– Ненавижу летать, – пробормотал Фиделиас.

Он поднял руку, прикрывая глаза от ветра, и перегнулся через край носилок. Ослепительная луна, висевшая на подкладке из звезд, окрашивала проплывавший под ними пейзаж черным и серебряным. Поросшие лесом холмы оставались почти непроницаемо черными, только пятна прогалин и светящиеся извивы рек разрезали эту тьму.

Четыре рыцаря Воздуха стремительно несли носилки, держа их за ручки. На рыцарях были ремни, которыми к ним крепились носилки, выдерживавшие вес трех человек, в то время как вес рыцарей, в свою очередь, несли могущественные фурии, бывшие в их распоряжении. Еще с полдюжины рыцарей Воздуха летели свободным кольцом вокруг носилок, и лунный свет блестел на их оружии и доспехах.

– Дон, – окликнул Фиделиас старшего рыцаря.

Тот оглянулся через плечо, пробормотал что-то и подлетел ближе к носилкам.

– Господин?

– Долго еще до прибытия в Аквитанию?

– Нет, не пройдет и часа, как мы будем на месте.

Фиделиас моргнул:

– Так скоро? Мне казалось, ты говорил, нам лететь до самого рассвета.

Рыцарь покачал головой; глаза его спокойно вглядывались в небо над головой:

– Судьба благоприятствует нам, господин. Фурии с юга проснулись и дарят нам крепкий ветер, ускоряющий наш полет.

Бывший курсор нахмурился:

– Это ведь необычно для этого времени года, не так ли?

– Это сэкономит нам несколько часов полета, – ответил тот и пожал плечами. – Так все гораздо проще. Нам даже не приходится дополнительно заклинать тех, кто несет носилки. Не тревожьтесь, господин. Я доставлю вас во дворец консула еще до колдовского часа.

Он прибавил скорости и вернулся на свое место во главе маленького летучего каравана.

Фиделиас нахмурился и поудобнее устроился на своем сиденье. Он бросил взгляд за борт носилок, и внутри у него снова все сжалось от бессмысленного животного страха. Он понимал, что в этих носилках под охраной рыцарей Воздуха он подвергается не большей опасности, чем в любом другом месте государства, и все же какая-то часть его рассудка отказывалась принимать как должное расстояние, отделявшее его от земли. Здесь он находился вдали от земли и леса, вдали от фурий, которых он мог призвать себе на помощь, – и это пугало его. Ему приходилось полагаться на силу рыцарей, не рассчитывая на собственную. А все, за исключением его самого, не вызывали у него доверия.

Он сложил руки на груди и пригнул голову, отдавшись невеселым мыслям. Гай с самого начала пользовался им как орудием. Пользовался с толком, бережно – в конце концов, он был слишком ценным инструментом, чтобы потерять его по небрежности или оплошности. Случалось, драгоценный покой всей державы зависел от его умения защитить интересы Короны.

Фиделиас почувствовал, что хмурится все сильнее. Гай был стар – старый вожак волчьей стаи; его смерть всего лишь вопрос времени. Однако, несмотря на эту простую истину, Гай

продолжал бороться с неизбежным. Он мог бы передать власть назначенному преемнику еще десять лет назад, но вместо этого продолжал цепляться за нее, затянув все на годы, заставляя консулов грызться за право выдать свою дочь за Первого консула, дабы она произвела на свет наследника. Не без помощи Фиделиаса Гай с беспощадной точностью стравливал консулов друг с другом, и так длилось до тех пор, пока в Алере не осталось ни одного консула, который хотя бы пару лет не был твердо уверен в том, что именно его кандидатка пойдет под венец с Гаем. Его окончательный выбор не порадовал никого – даже патриция Парсия, отца Карию. Даже самые тупые консулы поняли наконец, что все это время их просто водили за нос.

Игра была сыграна на славу – и впустую. Род Гаев никогда не славился особой плодовитостью, и, даже если бы он оказался в состоянии произвести на свет наследника, в чем Фиделиас сильно сомневался, Владетельная госпожа до сих пор не выказывала ни малейшего желания стать матерью, а придворные сплетники шушукались, что Первый консул редко спит в одной постели со своей супругой.

Гай был стар. Он умирал. Звезда его рода падала с небес, и всякий, кто по преданности или просто по дурусти цеплялся за самоцветы его мантии, не мог не пасть вместе с ним.

Как Амара.

Фиделиас поморщился: мысль о ней колола его, раздражала, жгла изнутри. Жаль, жаль, что Амара избрала эту дурацкую верность долгу, а не единственное разумное решение. Конечно, будь у него больше времени, он смог бы убедить ее взглянуть на вещи более трезво. Теперь же ему придется действовать против нее открыто, если она снова попытается вмешаться.

И ему очень не хотелось делать это.

Фиделиас потрянул головой. Из всех его учеников эта девушка была самой многообещающей; как-то так вышло, что она значила для него больше других. За годы работы курсором он уничтожил около трех десятков мужчин и женщин, и некоторые из них не уступали Амаре по части способностей или идеализма. Он не колебался, исполняя свой долг, и не позволял каким-то личным привязанностям влиять на его поступки. Его любовь принадлежала Алере.

Так оставалось и теперь. Фиделиас служил не Первому консулу, но государству. Гай был обречен. Промедление с передачей власти от Гая кому-либо другому могло повлечь за собой раскол и кровавые распри между консулами, желающими занять место Гая. Все это могло привести даже к гражданской войне – вещи, неслыханной в Алере с самого ее основания, хотя история и сохранила обрывочные слухи о подобном в глубоком прошлом. А это не только привело бы к бессмысленной смерти множества сыновей и дочерей Алеры, но и послужило бы сигналом для врагов страны – свирепых ледовиков, звероподобных маратов, безжалостных канимов и черт его знает кого еще из неисследованных частей мира. Уже одного этого хватало, чтобы изо всех сил стараться предотвратить раскол государства.

А это означало потребность в сильном правителе, причем потребность безотлагательную. Консулы и так уже без особого шума оспаривали приказы Первого консула. Еще немного – и консулы со своими городами раздерут державу в клочья. И если такое случится, ничто уже не помешает врагам без особых хлопот обглаживать оставшееся до тех пор, пока от Алеры не останется и следа.

Фиделиас снова поморщился. Жжение в желудке усилилось. С этим необходимо покончить. Ведь когда военный хирург не имеет другого выбора, он ампутирует изувеченную конечность. Как ни уговаривай себя, приятнее эта работа не станет, – все, на что можно надеяться, так это на то, что ее удастся проделать по возможности быстро и чисто.

Это и ведет их к Аквитейну – самому неразборчивому в средствах, самому деятельному и, возможно, самому сильному из консулов.

У Фиделиаса свело судорогой живот.

Он предал Гая, Кодекс и курсоров. Предал свою ученицу Амару. Он отвернулся от них всех, чтобы поддержать человека, который мог стать самым беззащитным и кровожадным диктатором, каких только знала Алера. Видят фурии, он перепробовал все, что мог, чтобы убедить Гая избрать другой путь.

У Фиделиаса не осталось другого выхода.

Это было необходимо.

Это нужно было совершить.

Живот скрутило еще сильнее, когда на горизонте показались огни Аквитании.

– Просыпайтесь, – буркнул он. – Мы почти прилетели.

Олдрик открыл глаза и уставился на Фиделиаса. Рука его непроизвольно провела по роскошным волосам Одианы, и та блаженно пробормотала что-то во сне и пошевелилась у него на коленях, прежде чем снова замереть. Мечник смотрел на Фиделиаса, не выражая никаких эмоций.

– Задумался, старик? – поинтересовался Олдрик.

– Немного. Как отреагирует Аквитейн?

Здоровяк задумчиво сжал губы:

– Это зависит не только от нас.

– А от чего?

– От того, чем он будет занят, когда мы явимся к нему с плохими вестями.

– Неужели все так плохо?

Олдрик ухмыльнулся:

– Будем надеяться, он просто пьянствует. В такие моменты у него, как правило, хорошее настроение. Обыкновенно он забывает про гнев к тому времени, как пройдет похмелье.

– Начнем с того, что план просто идиотский.

– Конечно. Это его план. Он вообще не силен по части скрытности или уловок. Однако я не встречал еще никого, кто мог бы вести людей за собой так, как делает он. Или кого-либо по крайней мере столь же энергичного. – Олдрик продолжал задумчиво гладить волосы спящей ведьмы. – Ты встревожен?

– Нет, – солгал Фиделиас. – Я все еще представляю слишком большую ценность для него.

– Возможно... пока, – согласился Олдрик и мрачно улыбнулся. – Но ставки на тебя я бы не сделал.

Фиделиас на мгновение стиснул зубы:

– Открытые действия в любом случае преждевременны. Сбежав, девчонка, возможно, оказала самую большую услугу консулу.

– Возможно, – пробормотал Олдрик. – Но почему-то мне кажется, что он воспримет это совсем по-другому.

Фиделиас всмотрелся в лицо мечника, но оно оставалось непроницаемым. В серых глазах застыло презрительное выражение, губы кривились в усмешке, словно его забавляла неспособность Фиделиаса проникнуть в его душу. Бывший курсор нахмурился и принялся разглядывать город, к которому они приближались.

Сначала показались огни. Похоже, заклинателей огня здесь хватало, ибо улицы были ярко освещены. Вечерний туман расцветился всеми оттенками желтого, оранжевого и розового цветов, и холм, на котором вырос город, казался огромным языком яркого пламени. Только на окружавших город стенах, которые они только что миновали, огни были другого цвета – холодно-голубые, отбрасывающие длинные черные тени.

По мере того как носилки снижались, Фиделиас начал различать детали. На улицах стояли безмолвными стражами статуи. Дома соревновались друг с другом в изящности линий и богатстве освещения. Там и здесь переливались всеми цветами радуги фонтаны, часть которых была подсвечена снизу, превращая их в изумрудные или фиолетовые костры. Повсюду –

вокруг домов, вдоль улиц – росли деревья, ухоженные столь же тщательно, как и все в этом городе. Деревья тоже подсвечивались, так что осенняя листва отливала бесчисленным множеством золотистых оттенков.

До носилок долетели удары колокола: пробили поздний час. Фиделиас слышал цоканье копыт по каменным мостовым и пьяное пение, доносившееся из какого-то ночного заведения. Из сада, над которым беззвучно проскользнули носилки, донеслась музыка: струнные с флейтой исполняли мягкую завораживающую мелодию. Вечерний ветер нес ароматы древесного дыма, пряностей, поздних осенних цветов и дождя.

«Назвать Аквитанию красивой – все равно что назвать океан мокрым, – подумал Фиделиас. – Вроде бы верно, да только не дает о нем ни малейшего представления».

Когда они оказались на расстоянии полета стрелы от резиденции консула, расположенной в венчавшей холм крепости, их окликнул громкий лающий голос. Мужчина в алом с собольей опушкой плаще аквитанской гвардии скользнул к ним сверху. Еще с дюжину зависли где-то над ними – Фиделиас не видел их в ночном небе, но ощущал движение воздуха, вызванное поддерживающими их на лету фуриями.

Командир сопровождавших Фиделиаса рыцарей Воздуха обменялся с патрульным условным паролем; обмен носил рутинный характер. А потом вновь прибывшие скользнули дальше, на крепостной двор перед входом во дворец. Со стен за ними наблюдали глаза часовых и ухмылявшихся изваяний – горбатых, долговязых мужчин. Стоило Фиделиасу сойти с носилок и ступить на землю, как он ощутил слабую, но постоянную вибрацию земли, явно исходящую от скрытой в статуях энергии, и невольно покосился на них.

– Горгульи? – потрясенно поперхнулся он. – Это всё горгульи?

Олдрик бросил взгляд на изваяния, потом на Фиделиаса и кивнул.

– Давно ли они здесь?

– Сколько помню, они стояли здесь всегда, – буркнул Олдрик.

– Неужели Аквитания настолько сильна?..

Фиделиас задумчиво прикусил губу. Он не одобрял тех, кто держал фурий в такой смиренной оболочке, и еще меньше тех, кто делал это на протяжении многих поколений. Однако это лишний раз подтверждало мощь Аквитании, в которой они сейчас так нуждались.

Рыцари Воздуха, сопровождавшие носилки в полете, скрылись в доме охраны подкрепить силы едой и питьем. А офицер аквитанской гвардии, молодой человек с открытым лицом и настороженным взглядом голубых глаз, отворил дверцу носилок и помог сидевшим в них выбраться наружу. Затем повел их во дворец.

Следуя за ним, Фиделиас привычно оценивал расположение дверей, окон, наличие или отсутствие охраны. Это была старая привычка, и отказываться от нее было бы глупо. Он хотел знать лучший путь выхода из того места, куда их вели. Рядом шел Олдрик; без видимого усилия, как пушинку, он нес спящую Одиану.

Командир распахнул широкую двустворчатую дверь, ведущую в длинный зал для пиршеств. По горному обычаю очаги здесь были вмурованы в пол; несмотря на то что погода стояла еще не холодная, в них ярко горел огонь. Собственно, зал освещался только этими багровыми отблесками, поэтому Фиделиас задержался в дверях на мгновение, давая глазам привыкнуть к полумраку.

От самого входа вглубь зала вели два ряда стройных мраморных колонн. Стены были завешены портьерами – они придавали помещению теплую роскошь, а также служили идеальным укрытием для подслушивающих устройств, охранников или убийц. Столы на ночь вынесли, и всю меблировку составлял один стол со стоящими вокруг него стульями на возвышении в дальнем конце зала. Там виднелось несколько фигур, и слуха Фиделиаса коснулась нежная музыка струнных.

Их вели через зал прямо к помосту.

На большом, накрытом шкурой амарантского степного льва кресле развалился мужчина – ростом он не уступал Олдрику, но был стройнее и на вид значительно моложе. Узкое лицо с высокими скулами и волевой челюстью смягчалось ореолом падавших на плечи золотистых волос. Одежду его составляли простая алая рубаша, черные кожаные штаны в обтяжку и мягкие черные башмаки. В одной руке он небрежно держал золотой кубок, в другой – конец длинного отреза ткани, который медленно разматывала с себя танцевавшая перед ним хорошенькая девица. Глаза у Аквитейна были черные как смоль, и он смотрел на рабыню-танцовщицу с жаркой, нетерпеливой жадностью.

Однако Фиделиаса больше заинтересовал человек, стоявший позади и чуть сбоку от кресла консула. Полумрак мешал разглядеть детали. Роста мужчина был не слишком высокого – ну, может, на пару дюймов выше Фиделиаса, – но сложения крепкого, да и осанка его выдавала физическую силу. На бедре его, насколько мог разглядеть Фиделиас, висел меч, едва заметная выпуклость серой куртки выдавала спрятанное под ней оружие. На мгновение Фиделиас встретился с ним глазами – взгляд у того оказался пристальным, оценивающим.

– Если твоя голова дорога тебе, офицер, – буркнул Аквитейн, не спуская глаз с девушки, – это может подождать до окончания танца. – Язык его слегка заплетался.

– Нет, сиятельный господин, – сказал Фиделиас, делая шаг вперед и становясь рядом с офицером. – Не может.

Все тело консула напряглось, оцепенело, и он медленно повернул голову в сторону Фиделиаса. Тяжесть его взгляда обрушилась на курсора наподобие физического удара, и он резко втянул в себя воздух, ощутив в камне под ногами медленную раздраженную вибрацию – отражение злости консула.

Фиделиас постарался принять как можно более уверенную и небрежную позу и сделал вид, будто Аквитейн с ним согласен. Он приложил кулак к сердцу и поклонился.

Последовала долгая пауза, потом консул лениво рассмеялся. Смех его эхом разнесся по почти пустому залу. Фиделиас снова выпрямился и оказался лицом к лицу с консулом, изо всех сил стараясь сохранить на лице выражение нейтрального уважения.

– Ага, – пророкотал Аквитейн. – Значит, это и есть печально известный курсор-каллидус Фиделиас.

– С вашего позволения, сиятельный господин, бывший курсор.

– Тебя, я вижу, мало заботят мои развлечения, – заметил Аквитейн, сделав рукой с зажатой в ней тканью широкий жест. – Я нахожу это граничащим с непочтительностью.

– Я и в мыслях не имел выказывать непочтение, сиятельный господин. Однако обстоятельства чрезвычайной важности требуют вашего внимания.

– Требуют... моего... внимания, – пробормотал Аквитейн, выгнув бровь. – Надо же. Не помню, чтобы со мной разговаривали таким тоном с тех пор, как мой последний наставник имел неосторожность так неудачно упасть со стены.

– Боюсь, вы найдете меня значительно более ловким.

– Крысы еще ловчее, – фыркнул Аквитейн. – Главной проблемой старого олуха было то, что он полагал, будто знает все.

– Ах, – лучезарно улыбнулся Фиделиас. – Со мной у вас таких трудностей не возникнет. Темные глаза Аквитейна вспыхнули.

– Потому что ты действительно знаешь все?

– Нет, сиятельный господин. Только то, что важно.

Консул прищурился. Сердце Фиделиаса успело сделать десятка два тревожных ударов, а он все молчал, однако бывший курсор сумел скрыть свою нервозность. Дыша по возможности ровно и медленно, он ждал.

Аквитейн фыркнул и допил вино, потом вытянул руку в сторону, выждал мгновение и выпустил кубок из пальцев. Стоявший рядом с ним коренастый мужчина стремительным дви-

жением выбросил руку вперед и поймал его, потом подошел к столу и налил в кубок вина из стеклянной бутылки.

– Мои источники утверждают, Фиделиас, что за тобой водится дурная привычка – ты крайне небрежен, – буркнул Аквитейн. – Но я и не представлял себе, чтобы до такой степени.

– Если сиятельному господину будет угодно, мы можем возобновить нашу дискуссию позже. Хотя время не терпит.

Консул принял из рук незнакомца свой кубок, взглянул на хорошенькую рабыню, с низко опущенной головой стоявшую перед ним на коленях, и с сожалением вздохнул.

– Пожалуй, – кивнул он. – Что ж, ладно. Докладывай.

Фиделиас покосился на незнакомца, потом на рабыню, потом на висевшие на стенах портьеры.

– Возможно, для этого подошла бы более уединенная обстановка.

Аквитейн мотнул головой:

– Ты можешь говорить открыто и здесь. Позволь представить тебе, Фиделиас, графа Каликса с Лихорадского приграничья, находящегося на службе у консула Родиса. Он показал себя проницательным и способным советником, а также преданным сторонником нашего дела.

Фиделиас перевел взгляд на коренастого мужчину у кресла консула.

– Лихорадское приграничье? Это, часом, не там несколько лет назад была пресечена незаконная операция по работоторговле?

Граф Каликс удостоил бывшего курсора натянутой улыбки. Голос его, когда он заговорил, оказался высоким, сочным тенором, который плохо вязался с его мощным сложением.

– Полагаю, так. Насколько я понял, и Консорциум работоторговцев, и Лига Дианы удостоили вас благодарности за доблесть, выходящую за рамки служебного долга.

Фиделиас пожал плечами, не спуская с него глаз.

– Всего лишь символический жест. Мне так и не удалось набрать достаточно улики, чтобы выдвинуть обвинение против главаря работоторговцев. – Он сделал выразительную паузу, потом добавил: – Кем бы он ни был.

– Какая жалость, – вздохнул граф. – Насколько я понимаю, все это стоило кому-то немалых денег.

– Более чем вероятно, – согласился Фиделиас.

– Это могло дать тому человеку повод искать отмщения.

Фиделиас улыбнулся:

– Я слышал, такие желания вредны для здоровья.

– Не исключено, что я как-нибудь проверю эти слухи на опыте.

– При случае.

Аквитейн наблюдал за диалогом с глазами, искрившимися весельем.

– Как мне ни жаль прерывать ваш обмен уколами, господа, но нынче вечером у меня другие заботы, а нам многое надо обсудить. – Он отхлебнул вина из кубка и махнул рукой в сторону кресел на возвышении. – Садитесь. Ты тоже, Олдрик. Может, мне послать кого-нибудь отнести Одиану в ее покои, дабы она отдохнула?

– Благодарю вас, милостивый господин, – пророкотал Олдрик. – Я бы предпочел, чтобы она оставалась со мной, а позабочусь о ней позже, если вы не против.

Все расселись по креслам лицом к Аквитейну. Консул дал знак рабыне. Та убежала куда-то, но вскоре вернулась с полотенцем и миской ароматной воды. Девушка опустилась на колени перед Фиделиасом и расшнуровала его башмаки. Она сняла с него носки и теплыми, мягкими пальцами вымыла ему ноги.

Он задумчиво нахмурился, глядя на рабыню, но по знаку консула послушно поведал о событиях в лагере мятежного легиона. По мере рассказа лицо Аквитейна темнело, и под конец он сидел мрачнее тучи.

– Позволь мне сделать выводы из твоего рассказа, Фиделиас, – буркнул он. – Ты не только не смог вывести у той девчонки необходимые нам сведения об охране покоев Гая, но в довершение всего она еще и сбежала от тебя и моих рыцарей.

Фиделиас кивнул.

– Теперь я скомпрометирован. Она почти наверняка доложила об этом Первому консулу.

– Второй легион уже разбит на отдельные центурии, – вступил в разговор Олдрик. Рабыня передвинулась к его ногам и принялась снимать его башмаки. Обернутая вокруг ее тела длинная полоса алой ткани начала сползать, открывая взгляду все больше ее гладкой кожи. Олдрик смотрел на нее не без восхищения, но с мысли не сбился. – Как и планировалось, они соберутся в условленном месте.

– Кроме ветроволков, – поправил его Фиделиас. – Я посоветовал Олдрику выслать их авангардом на место.

– Что?! – прорычал Аквитейн, привстав от возмущения. – Такого в плане не было!

Коренастый Каликс тоже вскочил с места, глаза его возбужденно вспыхнули.

– Я ведь предупреждал! Если наемников не увидят в Парсии до весны, их нельзя будет связать ни с кем, кроме вас, сиятельный господин. Вас предали.

Пылающий гневом взгляд Аквитейна вновь уперся в Фиделиаса.

– Ну, курсор? Верно ли то, что он говорит?

– Если вы сочтете действия, которые пришлось произвести в изменившейся обстановке на поле боя, предательством, – невозмутимо ответил Фиделиас, – вы можете, если вам угодно, назвать меня предателем, сиятельный господин.

– Он оборачивает ваши слова против вас же, – прошипел Каликс. – Он вами манипулирует. Он же курсор, а курсоры преданы Гаю. Если вы и дальше будете слушать его, он приведет вас к смерти у ног Гая. Убейте его, пока он окончательно не спутал ваши планы. Он, этот мордovorот-убийца, и его сумасшедшая шляха – им ничего не надо, только уничтожить вас.

Фиделиас скривился в улыбку, перевел взгляд с Аквитейна на Каликса, потом на Олдрика – рабыня у его ног забыла про свое занятие и глазела на происходящее, приоткрыв рот. Одиана на коленях у Олдрика не пошевелилась и не издала ни звука, но он видел, как и ее губы складываются в улыбку.

– А... – произнес Фиделиас, и улыбка его сделалась еще шире. Он закинул ногу на ногу. – Ясно.

Аквитейн прищурился и шагнул к креслу Фиделиаса:

– Ты прервал мое наслаждение подарком моей дорогой супруги мне на день рождения. Ты, похоже, потерпел неудачу в том, что обещал для меня сделать. И в придачу к этому ты рассредоточил мои войска таким образом, что это изобличает меня перед остальными членами Совета патрициев, не говоря уже о Сенате. – Он пригнулся к Фиделиасу и очень тихо добавил: – Сдается мне, что в твоих же интересах было бы дать мне повод не убивать тебя в ближайшие несколько секунд.

– Отлично, – сказал Фиделиас. – Дайте мне немного времени, сиятельный господин, и я не буду мешать вам самому решить, кому вы можете доверять.

– Нет! – взорвался Каликс. – Сиятельный господин, не дайте этому лживому слайву вертеть вами!

Аквитейн улыбнулся, но улыбка вышла холодной, жесткой. Взгляд его метнулся к родисийскому графу, и Каликс умолк.

– Мое терпение вот-вот лопнет. Если и дальше так пойдет, господа, к концу нашей беседы кто-то из вас определенно будет мертв.

Тяжелое напряжение повисло в зале. Каликс облизнул губы, бросив на Фиделиаса исполненный ненависти взгляд. Одиана сладко мурлыкнула и пошевелилась на коленях у Олдрика, освободив, как заметил Фиделиас, его правую руку. Рабыня, похоже, тоже ощутила угрозу и

отодвинулась чуть назад, чтобы ненароком не оказаться между консулом и кем-либо из присутствующих в зале.

Фиделиас снова улыбнулся. Он сцепил руки и положил их на колено:

– С вашего позволения, сиятельный господин, мне понадобятся перо и бумага.

– Перо и бумага? Это еще зачем?

– Так будет нагляднее для вас. Впрочем, если вас не удовлетворит и это, моя жизнь в вашем распоряжении.

– Моя ненаглядная супруга, будь она здесь, сказала бы, что твоя жизнь проиграна в любом случае.

– Будь она здесь – конечно, – согласился Фиделиас. – Могу я продолжать?

Несколько долгих секунд Аквитейн молча смотрел на Фиделиаса, потом махнул рукой рабыне – та поспешно удалилась и вернулась, держа в руках кусок пергамента и перо.

– Поторопись, – буркнул Аквитейн. – Мое терпение на исходе.

– Конечно, сиятельный господин.

Фиделиас взял у рабыни письменные принадлежности и быстро настроил на бумаге несколько фраз, приложив все старания к тому, чтобы никто не видел, что он пишет. Никто не произносил ни слова, и скрип пера по пергаменту казался оглушающе громким наряду с потрескиванием поленьев в очаге и нетерпеливым постукиванием башмака Аквитейна об пол.

Фиделиас подул на написанные строчки, сложил лист пополам и протянул его консулу. Не сводя с него глаз, он произнес:

– Сиятельный господин, я советовал бы вам ускорить осуществление ваших планов. Свяжитесь с вашими войсками и выступайте.

Каликс мгновенно вскочил и встал перед Аквитейном:

– Я вынужден решительнейшим образом возразить. Главное в настоящий момент – осторожность. Если нас обнаружат, все пойдет прахом.

Аквитейн прочитал записку, потом поднял взгляд на Каликса:

– И ты веришь, что, поступая так, ты защищаешь мои интересы?

– Равно как и моего господина, – сказал Каликс. Он вздернул подбородок, но это выглядело смешно на фоне нависшей над ним громады консула. – Подумайте, кто он такой, чтобы давать вам советы?

– *Ad hominem*¹, – заметил Аквитейн. – На редкость неубедительный аргумент. При чем используемый, как правило, с целью отвлечь внимание от сути разговора – увести его от неоспоримых аргументов, а также очернить оппонента.

– Сиятельный господин! – замотал головой Каликс. – Прошу вас, прислушайтесь к голосу разума! Если вы начнете действовать сейчас, у вас будет меньше половины всех возможных сил. Только болван может отказаться от нынешнего преимущества!

Аквитейн удивленно поднял брови:

– Только болван... Надо же!

Каликс поперхнулся:

– Сиятельный господин, я хотел только...

– Меня мало волнует, что вы хотели, граф Каликс. Вот что вы сказали – совсем другое дело.

– Сиятельный господин, прошу вас! Не спешите! Вы так долго разрабатывали план... Не дайте всему рухнуть в одночасье!

Аквитейн покосился на записку:

¹ *Ad hominem* – «к человеку» (лат.), сокращение от «*argumentum ad hominem*» – этот термин употребляется, когда оппонент нападает на характер, мотив или какое-либо свойство человека, приводящего аргумент, вместо того, чтобы опровергать суть самого аргумента.

– И что вы предлагаете?

Каликс расправил плечи:

– Проще говоря – придерживаться прежнего плана. Послать ветроволков на зимние квартиры в Родис. Собрать все ваши легионы воедино с наступлением весны и тогда нанести удар. Выжить. Мудрость состоит в терпении.

– Побеждает тот, кто рискует, – возразил Аквитейн. – Не могу не поражаться, Каликс, безграничной щедрости Родиса. Как он горит желанием приютить наемников, связать с ними свое имя, когда все улажено. Как наставлял он вас защищать мои интересы.

– Консул всегда заинтересован в поддержке своих союзников, сиятельный господин.

– Еще бы, – фыркнул Аквитейн. – Мы так щедры друг к другу. И полны всепрощения. Нет, Каликс. Курсор...

– Бывший курсор, сиятельный господин, – поправил его Фиделиас.

– Бывший курсор. Да, конечно. Бывший курсор неплохо поработал, предсказав, что ты будешь говорить мне. – Аквитейн дочитал записку. – Интересно, почему это так? – Он перевел взгляд на Фиделиаса и вопросительно приподнял бровь.

Фиделиас посмотрел на Каликса:

– Сиятельный господин, я полагаю, что Родис послал к вам Каликса, чтобы шпионить и – рано или поздно – убить вас.

– Да как ты... – взревел Каликс.

Фиделиас перебил его, в голосе его зазвенела сталь.

– Каликс хочет, чтобы вы выжидали, чтобы устранить вас на всю зиму. Так Родис получит несколько месяцев на то, чтобы подкупить наемников, тем самым лишив вас сил. В таком случае с началом кампании ключевые посты окажутся занятыми людьми Родиса. А вас он сможет убить в сумятице сражения, устранив в вашем лице главную угрозу для себя. И полагаю, роль убийцы отводится именно ему, Каликсу.

– Я не потерплю такого оскорбления!

Аквитейн покосился на Каликса:

– Потерпишь. – Он повернулся к Фиделиасу. – И что ты посоветуешь? Что бы ты сделал на моем месте?

Фиделиас пожал плечами:

– Нынче ночью дули южные ветры, которых в это время года быть не должно. Только Первый консул способен вызвать такое. Я предполагаю, он призвал фурий южного воздуха, чтобы помочь Амаре или какому-то другому курсору попасть на север – или в столицу, или прямо в долину.

– Это могло быть и совпадением, – заметил Аквитейн.

– Я не верю в совпадения, – сказал Фиделиас. – Первый консул далеко не слеп, и его мастерство заклинания настолько велико, что я только начинаю постигать его пределы. Он призвал южные ветры. Он шлет кого-то на север. В долину Кальдерона.

– Невероятно, – сказал Аквитейн. Он помолчал, потом задумчиво потер подбородок. – Впрочем, Гай всегда был невероятным человеком.

– Сиятельный господин, – вмешался Каликс, – вы, конечно, не воспринимаете это всерьез...

Аквитейн поднял руку:

– Очень даже воспринимаю, граф.

– Сиятельный господин. – Голос Каликса сорвался на шипение. – Этот безродный пес обозвал меня убийцей!

С минуту Аквитейн молча смотрел на них. Потом демонстративно отступил на два-три шага и повернулся к ним спиной, как бы любуясь гобеленами.

– Сиятельный господин, – настаивал Каликс. – Я требую, чтобы вы рассудили нас в этом деле!

– Пожалуй, я верю скорее Фиделиасу, граф Каликс. – Аквитейн вздохнул. – Разбирайтесь сами. А я, соответственно, разберусь с тем из вас, кто останется в живых.

Фиделиас лучезарно улыбнулся:

– Позвольте добавить, граф, что от вас разит, как от барана, на губах у вас пузырятся идиотизм и отравка, а потроха у вас желты, как лютики. – Не спуская глаз с Каликса, он расцепил пальцы и медленно, раздельно произнес: – Ты. Самый. Настоящий. Трус.

Лицо Каликса вспыхнуло, взгляд сделался диким, и он сорвался с места. Меч молнией вылетел из ножен и устремился к горлу Фиделиаса.

Каким бы стремительным ни был Каликс, Олдрик двигался быстрее. Он еще сидел с Одианой на коленях, а рука его уже метнулась к рукояти меча, и лезвие мгновенно взмыло в воздух, на какие-то доли дюйма миновав тело водяной ведьмы. Сталь со звоном сшиблась со сталью в паре дюймов от лица Фиделиаса. Олдрик уже стоял, а мягко приземлившаяся на пол Одиана села, подобрав под себя ноги. Стоя, Олдрик был на голову выше Каликса.

Каликс уставился на Олдрика и ощерился:

– Наемник... Уж не думаешь ли ты, что сравнишься в бою с алеранским патрицием?

Не переставая удерживать клинком меч Каликса, Олдрик пожал плечами:

– До сих пор единственный, кто мог сравниться со мной в бою, был Арарис Валериан. – Зубы его блеснули в улыбке. – А ты – не Валериан.

Послышался скрежет, а потом сталь мечей потеряла четкие очертания, превратившись в полумраке зала в призрачную стальную дымку. Фиделиас наблюдал за поединком, едва веря своим глазам, с такой скоростью одна атака сменяла другую. За какие-то две-три секунды мечи встретились с дюжину раз, высекая искры.

И почти сразу же дуэль завершилась. Каликс зажмурился, потом широко открыл глаза и поднял руку к горлу, из которого хлынула кровь. Он попытался что-то сказать, но не издал ни звука.

А потом граф из Родиса упал и больше не двигался, если не считать слабых судорог.

Одиана с сонной мечтательной улыбкой посмотрела снизу вверх на Аквитейна:

– Желаете, чтобы я его спасла, сиятельный господин?

Аквитейн покосился на Каликса и пожал плечами:

– Полагаю, в этом нет необходимости, дорогая.

– Хорошо, господин.

Одиана обратила восхищенный взгляд на Олдрика, который, опустившись на колено, стирал кровь с меча подолом плаща Каликса.

Тот вдруг захрипел, и пальцы его сжались в кулак. Олдрик не обратил на это внимания.

Фиделиас встал и подошел к Аквитейну:

– Вы удовлетворены, сиятельный господин?

– Каликс был полезен, – заметил Аквитейн. Он повернулся к Фиделиасу. – Как вы узнали?

Фиделиас склонил голову набок:

– Что он замыслил убить вас? А сами вы разве этого не ощущали?

Аквитейн кивнул:

– Как только догадался проверить. Он сломался, стоило тебе обрисовать роль, которую отвел ему Родис. Возможно, мы найдем где-нибудь у него под плащом заговоренный кинжал с моими приметам и выгравированным на клинке моим именем.

Олдрик крикнул, перевернул еще подававшее слабые признаки жизни тело Каликса на спину и обыскал его. Замеченная Фиделиасом выпуклость оказалась на поверку маленьким кинжалом. Дотронувшись до острия, Олдрик зашипел и поспешно отодвинул кинжал от себя.

– Заговоренный? – поинтересовался Фиделиас.

– Сильное заклятие, – кивнул Олдрик. – Очень сильное. Мне кажется, кинжал лучше уничтожить.

– Сделайте это, – сказал Аквитейн. – Сейчас же. Одиана, ступай с ним. Я хочу поговорить с Фиделиасом с глазу на глаз.

Оба приложили сжатые кулаки к сердцу и поклонились. Одиана прижалась боком к мечнику, и тот обнял ее своей ручищей. Они вышли, не оглянувшись.

Лежавший на полу Каликс дробно застучал ногами по полу, глаза его остекленели, а рот безжизненно открылся.

– Как вы узнали? – повторил Аквитейн.

Фиделиас оглянулся на мертвого графа и пожал плечами:

– Честно говоря, сиятельный господин, я не знал. Только догадывался.

Аквитейн слегка улыбнулся:

– На каком основании?

– Слишком много лет проработал по этой части. И я встречался с Родисом. Он ни на дюйм не отклонится от пути, чтобы помочь кому-либо, и он готов отрезать собственный нос, просто назло своему лицу. Каликс был...

– Слишком приятен, – пробормотал Аквитейн. – Разумеется. Возможно, мне стоило разглядеть это раньше.

– Главное, вы действовали правильно, как только увидели это, сиятельный господин.

– Фиделиас, – сказал Аквитейн. – Ты мне не нравишься.

– Я и не должен.

– Но мне кажется, уважать тебя я могу. И уж если выбирать, от кого получить нож в спину, так, пожалуй, лучше от тебя, чем от Родиса или кого-нибудь из его подручных.

Фиделиас чуть раздвинул уголки губ:

– Спасибо.

– Не заблуждайся на мой счет. – Аквитейн повернулся к нему лицом. – Я предпочитаю работать с людьми, подчиняя их своей воле. Но и с тобой сработаюсь. И я ведь всегда смогу убить тебя, если ты начнешь создавать проблемы. Ты ведь это понимаешь, верно?

Фиделиас кивнул.

– Вот и хорошо, – сказал Аквитейн. Он прикрыл рот рукой и зевнул. – Уже поздно. И ты прав, действовать надо быстро, не давая верховным властям возможности совершить ответные действия. Поспи несколько часов. А с рассветом отправишься в долину Кальдерона.

Фиделиас снова склонил голову:

– Сиятельный господин... У меня здесь нет покоев.

Аквитейн махнул рукой рабыне:

– Эй, ты. Отведи его к себе на ночь. Дай ему все, чего он пожелает, и проследи, чтобы он проснулся к рассвету.

Рабыня молча, не поднимая глаз, поклонилась.

– Вы изучали историю, Фиделиас?

– Так, по верхам, сиятельный господин.

– Весьма захватывает. Судьба целого столетия может решиться за каких-то несколько часов. За несколько драгоценных дней. Ключевые события, Фиделиас, и люди, которые становятся частью этих событий, – вот что определяет завтрашний день. Я тоже ощутил эхо далеких сил со стороны долины. Возможно, Гай уже будит фурий Кальдерона. История тронулась с места. Она ждет, чтобы ее повернули в ту или иную сторону.

– Я не думаю об истории, сиятельный господин. Я просто делаю свое дело.

Аквитейн коротко кивнул:

– Что ж, делай. Я буду ждать вестей от тебя.

Консул повернулся и, не сказав больше ни слова, вышел из зала.

Фиделиас смотрел ему вслед до тех пор, пока двери за ним не захлопнулись, потом повернулся к девушке-рабыне. Он протянул ей руку, и она легонько сжала ее. Пальцы ее оказались теплыми и мягкими, а смотрела она на него чуть неуверенно.

Фиделиас приосанился, поклонился и церемонно поцеловал рабыне пальцы.

– Сиятельная госпожа Инвидия, – произнес он. – Позвольте выразить вам неподдельное восхищение.

Лицо рабыни вспыхнуло от потрясения, потом она откинула голову назад и рассмеялась. Черты ее менялись на глазах, и очень скоро перед ним стояла женщина на несколько лет старше, с намного более мудрым взглядом. Глаза ее были пепельно-серыми, волосы – чуть припорошены сединой, хотя по виду больше тридцати ей не дал бы никто. Собственно, любой аристократический род Алеры обладал подобным мастерством заклинания и водяных, и всех прочих фурий.

– Как ты догадался? – спросила она. – Даже мой муж не заметил подлога.

– Ваши руки, – пояснил Фиделиас. – Когда вы омывали мне ноги, пальцы ваши были теплыми. Ни одна здравомыслящая рабыня не испытывала бы в этом помещении ничего, кроме страха. Ее пальцы были бы ледяными. И еще: никто, кроме вас, госпожа, не обладал бы такой смекалкой или мастерством, чтобы отважиться на такую шутку с консулом.

Глаза госпожи Аквитейн заискрились.

– В высшей степени проникательное наблюдение, – сказала она. – Верно, я использовала Каликса, чтобы узнать побольше о намерениях Родиса. И как раз сегодня мне показалось, что я могла бы избавиться от него. Я сделала все, чтобы мой муж набросился на этого родисийского болвана, если тот помешает ему развлекаться. Однако должна признать, вы, похоже, быстро разобрались в происходящем и провели все без сучка и задоринки и без малейшей подсказки с моей стороны. И без привлечения фурий.

– Логика тоже в своем роде фурия.

Она улыбнулась, но тут же посерьезнела:

– Операция в долине... Думаете, она удастся?

– Возможно, – кивнул Фиделиас. – Но если удастся, это даст нам то, чего не достигнуть ни сражениями, ни заговорами, – возможность завоевать Алеру, не пролив ни капли алеранской крови.

– По крайней мере, напрямую, – сказала Инвидия и негромко фыркнула. – У Аттиса мало предубеждений против кровопролития. Тонкости в нем не больше, чем в извергающемся вулкане, однако если силы его направить должным образом...

Фиделиас кивнул:

– Именно так.

Мгновение женщина молча смотрела на него. Потом взяла за руку. Черты ее дрогнули, расплылись, и она вновь обернулась девушкой-рабыней: из волос исчезла седина, глаза из серых снова сделались темно-карими.

– Да, кстати. Я же получила на ваш счет приказ касательно этой ночи.

Фиделиас замялся:

– Госпожа...

Она улыбнулась и коснулась пальцами его губ:

– Не заставляй меня настаивать. Идем со мной. Я прослежу, чтобы в оставшееся время ты отдохнул как следует. – Она повернулась и двинулась дальше. – Тем более что на рассвете тебе предстоит долгий путь.

Глава 8

Когда сгустились сумерки, опасность все еще продолжала грозить Тави. Он не видел и не слышал своих преследователей с момента, когда скатился с почти отвесного утеса, цепляясь за редкие чахлые кусты, поэтому смертельное падение превратилось в более-менее упорядоченный спуск. Шаг был рискованный, но Тави пошел на это, решив, что веса взрослого марата кусты не выдержат.

План увенчался успехом, но лишь отчасти. Марат бросил взгляд на склон и бегом пустился искать более пологий спуск. Все же это дало Тави немного времени, чтобы оторваться от преследователя, и ему казалось, что отрыв увеличивается. Мараты не похожи на алеранцев: у них нет способностей к заклинанию фурий, зато, говорят, они обладают сверхъестественным пониманием всех диких зверей. Это означало, что у марата не было огромного преимущества перед ним – как и Тави, ему приходилось полагаться только на свои сообразительность и опыт.

Гроза надвигалась на долину переливавшейся вспышками завесой, и свет начал меркнуть. Гром грохотал почти непрерывно, но ветер пока не усиливался и дождь не начинался. Гроза дождалась ночи, чтобы обрушиться всей своей мощью, и Тави с опаской косился на небо и окружавший его бурелом. Ноги его болели, в груди жгло, но он все-таки ушел от марата и перед самым заходом солнца вышел из чащи на дорогу в нескольких милях от поворота к родному домену. Он нашел полоску глубокой тени от поваленного бурей дерева и забился туда, задыхаясь, давая своим усталым мускулам короткую передышку.

Сверкнула молния. Он не собирался забираться так далеко на запад. Для того чтобы вернуться домой, ему придется еще не меньше часа идти только до поворота к усадьбе. Громыхнуло – на этот раз так громко, что с упавшей сосны посыпалась хвоя. Со стороны Гарадоса послышался приглушенный, протяжный рев, и с каждой минутой он делался все ближе. Дождь наконец начался. Он накатил волной пронизывающе-ледяного ливня, и Тави едва успел поднять и затянуть капюшон, как с севера налетел первый порыв свирепого морозного ветра.

Гроза смела с неба последние остатки дневного света и заполнила долину холодной тьмой, которую не рассеивали до конца даже вспыхивавшие в грозовых тучах молнии. Хотя плащ у Тави и считался непромокаемым, никакая ткань из изготовленных в Алере не удержала бы такого напора воды и ветра дольше нескольких минут. Плащ сразу же сделался холодным, мокрым и тяжелым; он лип к телу, и ледяной ветер, казалось, проникал сквозь него сразу в кости.

Тави была крупная дрожь. Останься он на месте, и гроза убьет его в считанные часы, если только прежде до него не доберется этот кровожадный дикарь со своей тварью. И хотя Брутус наверняка уже донес Бернарда до домена, Тави не надеялся на помощь со стороны его обитателей. Те были достаточно умны, чтобы носу не казать на улицу в такую грозу.

Дождавшись очередной вспышки молнии, Тави всмотрелся в окружавший его бурелом. Совсем рядом с ним под стволом зияло темное отверстие, устланное хвоей, – и на вид оно казалось совсем сухим.

Тави полез туда, и следующая же вспышка молнии высветила для него картинку из ночного кошмара. Здесь уже имелись обитатели: с полдюжины слайвов. Проворные, покрытые темной чешуей ядовитые ящеры в длину почти достигали роста Тави, и ближайший из них находился сейчас на расстоянии вытянутой руки. Ящер беспокойно встряхнулся, выходя из забытья. Он отворил пасть и испустил противное, липкое шипение, показав при этом несколько рядов острых, как иглы, зубов.

Передние клыки слайва были покрыты густой желтой массой. Тави уже доводилось видеть действие яда слайва. Если слайв укусит его сейчас, он упадет на землю и уснет. Тогда слайвы утащат его к себе в логово. И съедят живьем.

Первой реакцией Тави было отчаянное желание броситься прочь. Однако быстрое движение могло спровоцировать не оправившегося пока от потрясения слайва на бросок. Даже если хищник и промахнется, бегство Тави будет расценено слайвами как то, что он – добыча, которую нужно догнать и съесть. На открытом, ровном месте он мог бы и убежать от них, но у слайвов была неприятная привычка преследовать свою жертву часами и днями, дожидаясь, пока та ослабеет и ляжет отдохнуть.

Он весь дрожал от страха и возбуждения, но заставил себя не шевелиться. Выждав несколько секунд, он как можно более плавно и медленно попятился из норы. Стоило ему окатиться за пределами броска слайва, как тварь снова зашипела и ринулась на него.

Тави отчаянно вскрикнул, сорвавшись на визг. Он увернулся от зубов слайва, перекатился по земле, вскочил на ноги и бросился наутек. И тут – к полнейшему своему удивлению – услышал ответный крик, почти заглушенный нарастающим ветром. Тави даже зарычал от досады. Он как-то забыл о марате и его кошмарном спутнике. Неужели они его все-таки догнали? Ветер донес до него новый крик – нет, для марата слишком высокий. И в этом голосе несомненно слышались страх и паника.

– Кто-нибудь, помогите! Помогите же!

Тави прикусил губу, покосившись в сторону дома и безопасности, потом повернулся в противоположную сторону, откуда донесся крик. Он сделал неуверенный, судорожный вдох и шагнул на запад, прочь от дома, с трудом заставляя свои усталые ноги снова двигаться – все быстрее, пока не сорвался на бег по каменистой дороге.

Снова блеснула молния – стремительный язык огня, метнувшийся от тучи к туче, сначала зеленый, потом красный, словно это бились друг с другом небесные фурии. Свет заливал насквозь промокшую долину почти полминуты, и только потом удар грома сотряс брусчатку старой дороги, почти оглушив Тави.

У самой земли, в гуще водяных брызг, начали роиться неясные очертания; они метались и плясали по дну долины. Вместе с грозой пришли ветрогивы. Их светящиеся тела кружились и порхали во все стороны, не обращая внимания на порывы ветра, – призрачные светло-зеленые облачка, отдаленно напоминающие людей, с длинными жадными руками и похожими на черепа лицами. Они визжали, и визг их, полный голода и ненависти, заглушал даже раскаты грома.

Страх сковывал его движения, но Тави стиснул зубы и заставил себя бежать, до тех пор пока не увидел места, куда собирались со всех сторон ветрогивы, – точки, вокруг которой они водили свой безумный хоровод, протягивая внутрь круга бледные, с острыми когтями руки.

Там, в самом центре призрачного циклона, стояла молодая женщина. Тави никогда прежде ее не видел. Она была высокая и стройная, немного похожая на тетю Исану; впрочем, сложением сходство и ограничивалось. Кожа ее имела темный золотисто-коричневый цвет, как у торговцев из южных городов Алеры. Ветер развеивал ее густые прямые волосы; цветом они почти не отличались от кожи, из-за чего она немного напоминала золотую статую. Черты ее лица, возможно и не идеально красивого, все же не могли не обратить на себя внимание: высокие скулы и длинный, изящный нос чуть смягчались полными губами.

Сейчас на этом лице застыла гримаса отчаяния. На руке ее была окровавленная повязка; похоже, она оторвала клочок от своей юбки, чтобы сделать ее. Просочившаяся кровь перепачкала ее рубаху, промокшую насквозь и прилипшую к коже. На шее темнел плетеный рабский ошейник. На глазах у Тави один из ветрогивов, закрутившись волчком, метнулся к ней.

Девушка закричала, выбросила руку в направлении ветрогива, и Тави увидел в воздухе бледно-голубой сгусток, не столь четкий, как ветрогивы, но все же различимый силуэт длинноногого коня, ударившего нападавшего ветрогива копытами. Ветрогив взвизгнул и отпрянул, а фурия незнакомки устремилась вперед, хотя в скорости и уступала ветрогивам. Три других ветрогива навалились на фурию с боков, а женщина выпрямилась – Тави только теперь разглядел, что она стояла, опираясь на палку, – и с яростью отчаяния заковыляла вперед.

Тави действовал не размышляя. Он бросился в сторону ветрогривов, на бегу сунув руку в сумку на поясе. Он едва не оступился в темноте, но в следующую же секунду тучи снова осветились: синие, зеленые и красные молнии сражались за господство над небесами.

Один из ветрогривов резко повернулся в его сторону и бросился на него сквозь ледяной дождь. Тави выудил из сумки маленький сверток и рывком разорвал его. Ветрогрив испустил леденящий душу вопль и широко растопырил свои руки-клешни.

Тави захватил пальцами щепотку соли из свертка и швырнул в нападавшего ветрогрива.

С полдюжины белых кристалликов прорвали фурию, как свинцовые грузила – марлю. Ветрогрив испустил полный боли вопль, от которого у Тави свело внутренности, и свился в клубок. Зеленый огонь вырвался из пробоин, и он начал распадаться на части. За считанные секунды призрак превратился в несколько мелких клочков, сразу же унесенных ветром.

Остальные со злобным визгом рассыпались широким кругом. Рабыня оглянулась на Тави, и в ее широко открытых глазах вспыхнула отчаянная надежда. Она крепче взялась за свою палку и захромала в его сторону. Изорванные очертания ее фурии снова сделались невидимыми, стоило ветрогривам отступить от них на несколько шагов.

– Соль? – крикнула она сквозь грозу. – У тебя есть соль?

Тави едва удалось перевести дух, чтобы ответить.

– Совсем немного! – Сердце, казалось, готово было выпрыгнуть из груди, и он из последних сил подбежал к рабыне и стал рядом с ней, настороженно оглядываясь на окружавших их ветрогривов. – Проклятые вóроны! – выругался он. – Нам нельзя здесь оставаться. Никогда еще не видел их столько в одну грозу.

Женщина, дрожа, вглядывалась в темноту, но голос ее звучал на удивление ровно.

– Твои фурии могут нас защитить?

Тави ощутил противную пустоту в желудке. Конечно, не могут, тем более что их и нет вовсе.

– Нет.

– Тогда нам нужно укрыться где-нибудь. Эта гора. В ней наверняка есть пещеры...

– Нет! – выпалил Тави. – Не эта гора. Она не любит посторонних.

Она усталым жестом приложила руку ко лбу:

– У нас есть выбор?

Тави заставил свои усталые мозги шевелить извилинами, но страх, усталость и холод сделали их неуклюжими, как слайв на снегу. Было... было ведь что-то такое, что он должен вспомнить, что может помочь... если он только вспомнит, что это...

– Есть! – воскликнул он. – Есть такое место. Это недалеко отсюда, если мне удастся найти его.

– Как далеко? – спросила рабыня, не сводя глаз с круживших на безопасном расстоянии ветрогривов. Голос ее уже дрожал; возможно, от пробравшего ее наконец холода.

– Миля. Ну, может, немного больше.

– В темноте? В такой? – Она недоверчиво покосилась на него. – Нам ни за что не добраться.

– У нас нет выбора, – прохрипел Тави сквозь ветер. – Или там, или нигде.

– Ты сможешь найти его? – спросила девушка.

– Не знаю. Сможешь пройти такое расстояние?

Мгновение – на протяжении следующей вспышки молнии – она пристально смотрела на него.

– Да, – выдохнула она. – Дай мне немного соли.

Тави протянул ей половину оставшейся у него пригоршни, и рабыня крепко стиснула белые кристаллики в кулаке.

– Фурии! – сказала она. – Нам ни за что не пройти столько.

– Особенно если мы не тронемся с места, – крикнул Тави и потянул ее за руку. – Идем же! – Он повернулся, но девушка вдруг прыгнула на него и с силой толкнула плечом в сторону. Тави вскрикнул и покатился по земле.

Он поднялся на ноги, дрожа от холода и злости:

– Ты что?!

Девушка медленно выпрямилась, глядя ему в глаза. Вид у нее был теперь совсем усталый; она едва могла стоять, опираясь на свою палку. На земле у ее ног лежал мертвый слайв с разможенной головой.

Тави перевел взгляд с ящерицы на рабыню. Конец ее палки был в крови.

– Ты спасла меня, – пробормотал он.

Снова вспыхнула молния. В свете ее Тави увидел, что она дерзко усмехается.

– Будем надеяться, не зря. Вытащи нас из этой грозы, и будем квиты.

Он кивнул и огляделся по сторонам. Новая молния осветила дорогу – темную прямую линию, и Тави попытался сориентироваться. Потом повернулся спиной к черной громаде Гарадоса и двинулся в темноту, отчаянно надеясь, что найдет убежище прежде, чем ветрогривы наберутся храбрости для нового нападения.

Глава 9

Исана проснулась от топота ног по лестнице, ведущей в ее комнату. Пока она спала, прошел день и ступилась ночь; по крыше барабанил дождь. Она села, хотя от этого у нее застучало в висках.

– Госпожа Исана, – чуть слышно прошептала Беритта. Она оступилась в темноте и издала не совсем подобающее юной девушке восклицание.

– Свет, – пробормотала Исана, привычно напрягая волю.

Крошечный дух в фитиле лампы ожил, осветив комнату неярким золотистым сиянием. Она прижала ладони к вискам, пытаясь собраться с мыслями. Дождь все хлестал по крыше, и до нее доносилось злобное завывание ветра. За окном сверкнула молния, за которой последовал странный рычащий раскат грома.

– Гроза, – выдохнула Исана. – Что-то не так.

Беритта поднялась с пола и присела в реверансе. Бубенцы в венке начали вянуть, роняя алые лепестки на пол.

– Это ужасно, госпожа, просто жуть какая-то. Все боятся. И еще доминус. Он вернулся, и он тяжело ранен. Госпожа Битте послала меня, чтоб я вас привела.

Исана вздрогнула:

– Бернард.

Она вскочила с кровати. Движение отдалось в голове острой болью, и ей пришлось опереться рукой о стену, чтобы не упасть. Исана сделала глубокий вдох, пытаясь совладать с охватившей ее паникой, устоять перед болью. Теперь она начинала смутно ощущать страх, злость и беспокойство людей, доносившиеся до нее из нижнего зала. Сила и власть нужны им теперь больше, чем обычно.

– Ладно, – сказала она, открывая глаза и пряча лицо под маской спокойствия. – Веди меня к нему.

Беритта выпорхнула из комнаты Исаны, и та решительным шагом поспешила следом за девушкой. Стоило ей спуститься по лестнице, как заполнивший помещение страх накатиł на нее волной – словно холодная, мокрая ткань липла к ее коже, пытаясь просочиться внутрь. Она вздрогнула и задержалась на мгновение, отгоняя этот холод от себя, пока ощущение не отпустило ее. Она понимала, что страх никуда не делся, но пока хватало и этого – отогнать его чуть подальше, обрести способность действовать.

Совладав с собой, Исана шагнула в зал. Большой зал усадьбы имел в длину добрых сто футов и примерно половину этого в ширину. Он был сделан из цельного гранита, взращенного из земли много лет назад. Позже сверху над ним надстроили жилые помещения из кирпича и дерева, но сам зал представлял собой цельный каменный массив, изваянный долгими, утомительными часами заклинаний из костей земли. Самые свирепые бури не смогли повредить большому залу или тем, кто искал в нем убежища. Неповрежденным осталось и другое сооружение домена – хлев, где содержался драгоценный скот.

Зал был полон народа. Здесь собрались все обитатели домена – несколько больших семей. В основном они теснились у одного из дощатых столов, на который выставили приготовленную еще с утра еду. В зале царило тревожное напряжение – даже дети, обыкновенно встречавшие неожиданно подаренный грозой выходной день визгом и игрой в догонялки, казались непривычно притихшими и подавленными. Никто не повышал голоса громче шепота, да и тот стихал с каждым новым ударом грома.

Зал сам собой поделился на две половины. В обоих торцах его пылал в очагах огонь. У дальнего очага собрались за небольшим столом приехавшие доминусы. Беритта вела ее к другому очагу, возле которого положили Бернарда. Между очагами расположились небольшими

группами местные – с одеялами, чтобы остаться на ночлег в зале, если гроза продлится всю ночь. Разговаривали мало и неохотно – возможно, из-за дневной стычки, решила Исана, и никто не хотел находиться слишком близко к очагам.

Исана обогнала Беритту и подошла к огню. Старая Битте, местная мастерица заклинаний, склонилась над тюфяком, на который уложили Бернарда. Это была дряхлая высохшая старуха с седой косой ниже пояса. Руки ее постоянно дрожали, и она почти не выходила из усадьбы, но ремесло свое знала хорошо, и дух ее, равно как и зрение, с годами не ослабел.

Лицо Бернарда было бледно-восковым, как у покойника, и на мгновение горло Исаны сдавил панический страх. Однако грудь Бернарда поднялась и опала – он с трудом, но дышал, и она закрыла глаза, приходя в себя. Его укутали мягкими шерстяными одеялами, оставив открытой только правую ногу, всю залитую кровью. Кто-то перевязал рану на бедре, но Исана видела, что пропитанную кровью повязку уже надо менять.

– Исана, – прохрипела старая Битте. – Я сделала все, что могла, детка. Иголка и нитка могут сделать не так уж много.

– Что случилось? – спросила Исана.

– Мы не знаем, – вздохнула Битте, присаживаясь на ближайшую скамью. – У него страшная рана на бедре. Возможно, это зверь, хотя такую можно нанести и топором, и клинком. Похоже, он сумел наложить себе жгут и перекрутить раз или два. Может, нам удастся спасти ногу – но он потерял слишком много крови. Он в забытьи, и я не знаю, очнется ли он.

– Ванна, – сказала Исана. – Нам нужно погрузить его в теплую воду.

Битте кивнула:

– Я уже послала за ней. Сейчас принесут.

– И приведите сюда Тави. Я хочу услышать, что случилось с моим братом.

Битте печально посмотрела на нее:

– Тави с ним не вернулся, детка.

– Что?

Страх снова захлестнул ее – мгновенный, ледяной, ужасный. Ей пришлось сделать усилие, чтобы отогнать его, но она умело скрыла это, поправляя упавшую на лицо прядь волос. Она должна казаться спокойной, уверенной.

– Не вернулся с ним?

– Нет. Его здесь нет.

– Его нужно отыскать, – сказала Исана. – Гроза ведь. Он там совсем беззащитен.

– Только безмозглый Линялый выйдет в такую грозу, детка, – ровным голосом возразила Битте. – Он вышел проверить, крепко ли заперт хлев, там и нашел Бернарда. Говорят, фурии берегут дураков и детей. Может, они и Тави помогут... – Она наклонилась к самому уху Исаны. – Потому что кто-то другой ничего не в силах сделать.

– Нет, – настаивала Исана. – Нам нужно найти его.

Несколько мужчин спустились по лестнице, таща большую медную ванну. Они поставили ее на пол рядом с ними и с помощью детей принялись наполнять водой.

– Исана, – сказала Битте твердым, почти ледяным тоном. – Ты устала. Ты единственная из всех, кого я знаю, способна вернуть Бернарда, но я не уверена, что тебе удастся даже это, не говоря уж о том, чтобы найти Тави в такую непогоду.

– Все равно, – не сдавалась Исана. – Я отвечаю за Тави.

Рука старой Битте, теплая и неожиданно сильная, крепко сжала ее запястье.

– Мальчик там, в этой буре. Он уже нашел убежище, Исана. Или уже мертв. Ты должна сосредоточиться на том, что можешь еще сделать, – или Бернард тоже умрет.

Страх, тревога снова подступили – в унисон с нараставшей в ней паникой. Тави. Она не должна была с головой уходить в приготовления, не должна была позволить Тави провести ее.

Она в ответе за него. Образ Тави, застигнутого грозой, растерзанного в клочья ветрогривами, стоял у нее перед глазами, и она не удержалась от стога.

Она открыла глаза. Руки ее дрожали. Исана посмотрела на Битте.

– Мне нужна будет помощь, – сказала она.

Старая Битте кивнула, но выражение лица ее было тревожным.

– Я поговорила с нашими женщинами, и они дадут все, что могут. Но этого может не хватить. Без умелого заклинания воды у нас не будет шансов спасти его, и даже так...

– Только женщины? – вскинулась Исана. – А Отто, а Рот? Они же доминусы. Они многим обязаны Бернаруду. Да если на то пошло, почему они до сих пор не позаботились о нем?

Старая Битте болезненно скривилась:

– Они не помогут, Исана. Я уже просила.

Долгое мгновение Исана потрясенно смотрела на старуху.

– Они... что?

Битте опустила глаза:

– Они не помогут. Ни один из них.

– Во имя всех фурий, почему?

Старуха покачала головой:

– Не знаю. От грозы все дерганые, особенно доминусы... Они тревожатся о своих, которые остались дома. И Корд постарался как мог.

– Корд? Он здесь? Не в хлеву?

– Ага, детка.

– А где Уорнер?

Битте поморщилась:

– Старый дурак. Он чуть не бросился на Корда. Сыновья Уорнера отвели его наверх. Эта их девчонка уговорила его принять горячую ванну – он ведь как приехал, так еще умыться не успел. Если бы не это, они бы вцепились друг другу в глотку еще час назад.

– Проклятые вброны, – прошипела Исана и поднялась на ноги.

Мужчины и дети, наполнявшие ванну, вздрогнули и отступили от нее на шаг. Она окинула взглядом зал и повернулась к старой Битте:

– Надо положить его в ванну. Они помогут моему брату, или я затолкаю их цепи доминусов в их трусливые глотки.

Она повернулась на каблуках и зашагала через весь зал к столу в дальнем его конце, у которого собралось несколько человек – соседи-доминусы.

За ними у огня устроились сыновья Корда: немногословный Арик и младший, обвиняемый, – Биттан. Еще подходя, Исана заметила Линялого в насквозь промокшей одежде. Низко опустив голову, он пытался подобраться поближе к огню. Он протянул руку к половнику, торчавшему из котелка с похлебкой, подвешенному у огня, чтобы не остывал.

Сидевший ближе других к огню Биттан нахмурился. Линялый придвинулся еще чуть ближе, и его обезображенное клеймом лицо скривилось в гротескном подобии улыбки. Он опасливо кивнул Биттану, взял миску и потянулся за половником.

Биттан рывком что-то Арику, повернулся к Линялому и сказал ему какие-то явно оскорбительные слова. Раб округлил глаза и пробормотал что-то в ответ.

– Трусливый пес, – повысил голос Биттан. – Не перечь тем, кто лучше тебя. От тебя смердит, а я сидел здесь и буду сидеть. Пошел прочь от меня!

Линялый кивнул и торопливо взялся за половник.

Арик схватил раба за плечо, резким рывком развернул его к себе и, почти не замахаясь, ударил кулаком. Линялый вскрикнул и отшатнулся от огня. Он удержался-таки на ногах, но попятился от сыновей Корда, опасливо втянув голову в плечи.

Арик закатил глаза и хмуро посмотрел на Биттана. Потом скрестил руки на груди и при-слонился к стене с другой стороны каменного очага.

Биттан ухмыльнулся и крикнул вслед Линялому:

– Трус полоумный! И не вздумай вернуться! – Он опустил голову, губы его кривились в жестокой улыбке.

Снова раздался раскат грома, и Исана сжалась, не давая волне страха захлестнуть и ее. Страх накатил чуть позже, чем она ожидала, и она стояла, зажмурившись, пока он не миновал.

– Чертовы помои, – буркнул один из собравшихся у стола, и ругательство повисло в звонкой тишине, наступившей после удара грома.

Исана резко выпрямилась, оценивая доминусов, прежде чем встретиться с ними лицом к лицу.

Говоривший, доминус Олдо, в упор смотрел на Корда, упрямо выставив вперед бритый подбородок.

– Доминусы долины не могут стоять в стороне, когда один из них нуждается в помощи, – продолжал он. – И мы поможем ему.

Корд склонил косматую голову набок, занимаясь нанизанным на нож куском мяса.

– Олдо, – пророкотал он. – Ты ведь недавно надел цепь доминуса?

Стоя, Олдо был всего на голову выше сидящего Корда.

– Какое это имеет отношение к делу?

– И ты у нас не женат, – продолжал Корд. – У тебя нет детей. И семьи – чтобы ты представлял себе, что такое заботы.

– Мне не нужна семья, чтобы понимать, что вы двое, – он повернулся и ткнул пальцем в двух мужчин с цепями доминусов на шее, – должны оторвать свои задницы с насиженных мест, чтобы помочь Бернарду. Вот ты, Рот, помнишь, как тот саблезуб повадился за твоими свиньями, а? Кто тогда выследил эту тварь? А ты, Отто, кто нашел твоего младшего, когда тот заблудился в лесу? Бернард, вот кто. Как можете вы сидеть сложа руки?

Отто, округлый мужчина с приятным лицом и редящими волосами, опустил глаза и вздохнул:

– Ну не то чтобы я не хотел помочь ему, Олдо. Фурии свидетели, нет. Так ведь и Корд тоже дело говорит.

Рот, худощавый пожилой мужчина с гривой седых волос и значительно более темной бородой, отхлебнул из кружки и кивнул:

– Отто прав. Дождя пролилось больше, чем за всю осень. Если долину затопит, нам потребуется вся наша сила без остатка – защищать жизни родных. – Он хмуро покосился на Олдо. – И доминус Корд тоже прав. Ты здесь самый младший, Олдо. Поучился бы выказывать больше почтения старшим.

– Когда они скулят, как побитые собаки? Значит, мы так и не сделаем ничего из-за того, что вам может понадобиться ваша сила? – Он повернулся и обрушился на Корда. – Очень ловко с твоей стороны. Его смерть прервала бы дознание, и ты сорвался бы с крючка графа Грэма.

– Я только об общем благе пекусь, Олдо, – буркнул Корд и ощерил желтые зубы в ухмылке. – Проси меня о чем хочешь, но жизнь одного человека, пусть даже самого хорошего, не должна ставить под угрозу всех в долине.

– Так ведь не первую же грозу переживаем.

– Но не такую, – буркнул Отто, так и не поднимая глаз. – Эта... не такая, как все. Такой свирепой мы еще не видывали. Да я сам ее боюсь.

– И я тоже, – нахмурившись, кивнул Рот.

Олдо переводил взгляд с одного на другого, бессильно стиснув кулаки.

– Отлично, – произнес он наконец, понизив голос. – И кто из вас хочет сказать Исане, что мы и пальцем не шевельнем, пока ее брат истекает кровью на полу собственного зала?

Никто не произнес ни слова.

Исана смотрела на эту группу, нахмурившись и лихорадочно размышляя. Тем временем Корд протянул свою кружку Арику – тот наполнил ее и вернул отцу. Биттан, явно оправившийся от удушья, сидел с опущенной головой, привалившись спиной к стене; рукой он прикрыл глаза так, словно у него болела голова. Исана вспомнила, как он обошелся с Линялым, и понадеялась, что она болит сильно.

Что-то странное показалось ей в Корде и его сыновьях – в том, как они разместились, как держали себя в разгар грозы. Потребовалась долгая минута, пока до нее дошло. Все трое казались спокойнее остальных, словно буйство фурий за стенами зала их не касалось.

Очень осторожно, совсем чуть-чуть приоткрыла она барьер, защищавший ее от эмоций Корда и его сыновей.

Никто из них не боялся.

Она не ощутила ничего – только легкое напряжение Арика.

Снова блеснула молния, и она поняла, что не успеет заслониться от эмоций. И все же она попыталась – и снова волна страха накатила на мгновение позже, чем она ожидала, дав ей возможность вынести напряжение.

Она все же пошатнулась, и тут чья-то рука ухватила ее под локоть. Она подняла взгляд и увидела стоявшего рядом Линялого.

– Госпожа. – Линялый дернул головой вниз в неуклюжем поклоне. – Госпожа, доминус ранен.

– Я знаю, – вздохнула Исана. – Я слышала, это ты нашел его. Спасибо, Линялый.

– Госпоже плохо? – Раб склонил голову набок.

– Все в порядке, – отрицательно мотнула головой Исана. Она оглянулась на семьи соседей, жавшихся друг к другу, настороженно вслушивавшихся в буйство стихий. – Скажи, Линялый, ты боишься этой грозы?

Линялый с отсутствующим видом кивнул.

– Но не очень боишься?

– Тави, – сказал Линялый. – Тави.

Исана снова вздохнула:

– Если кто-то и мог бы найти его во всем этом, так только Бернارد. Брутус защитил бы его от ветрогривов, а Сайпрус помог бы отыскать Тави. Тави нужен Бернارد.

– Ранен, – сказал Линялый. – Плохо ранен.

– Да, – машинально кивнула Исана. – Не уходи пока. Мне может понадобиться твоя помощь.

Не двигаясь с места, раб буркнул что-то в ответ, хотя по его лицу Исана так и не поняла, услышал ли он ее приказ. Она вздохнула и зажмурилась, вызывая свою фурию.

– Рилл, – прошептала Исана. Она сосредоточилась на мысленном образе Биттана, представив себе, как он сидит у стены. Водяная фурия пробежала трепетом по ее позвоночнику, по коже – усталая, но готовая выполнять ее команды. – Рилл. Покажи мне.

Линялый резко отвернулся от нее и шагнул к столу.

– Голоден, – буркнул он.

Исана с досадой посмотрела ему вслед, но не стала отвлекаться, чтобы не утратить контакт с фурией. Опасливо косясь на Корда и его отпрысков, Линялый снова подобрался к огню и котелку, готовый в любой момент отпрянуть, не дожидаясь новой оплеухи. Потом он шагнул в сторону, скрывшись за чьей-то спиной.

Исана ощутила движение фурии сквозь влажный воздух зала – словно это ее, Исаны, рука тянулась к Биттану.

Рилл коснулась Биттана, и вибрирующий страх пронзил Исану, словно удар молнии. Она охнула и широко раскрыла глаза, поняв наконец, что происходит в зале.

Биттан сплетал заклинание, незаметно посылая напряжение почти каждому из присутствующих здесь, усиливая страх, заглушая тревогой все остальные мысли. Это было проделано весьма ловко – куда ловчее, чем она ожидала от этого юнца. Должно быть, он держал свою фурию в огне – это объясняло, почему он разместился у очага и вел себя так, словно место это принадлежит ему.

С осознанием этого на Исану накатила волна противной, липкой слабости. Она пошатнулась и упала вперед, на колени, опершись о пол одной рукой и прижав другую к лицу.

– Исана? – Голос Олдо донесся до нее ясно и отчетливо в наступившей тишине: обитатели домена как один повернулись к ней. – Исана, с тобой все в порядке?

Исана подняла глаза и увидела, что сыновья Корда с испуганными, виноватыми лицами смотрят на нее в упор. Биттан прошипел что-то Арику, и лицо того окаменело.

Она повернулась, чтобы сказать Олдо о заклинаниях Биттана, и вдруг поняла, что не в силах ни вдохнуть, ни выдохнуть.

Исана подняла голову, и взгляд ее заметался по залу в приступе внезапной паники. Она попыталась говорить, но не смогла издать ни звука.

Люди уже столпились вокруг нее. Олдо с другими соседями тоже спешил к ней. Невысокий доминус поднял ее с пола.

– Помогите. Да помогите же мне кто-нибудь!

– Что это с ней? – спросил Рот. – Клянусь фуриями, да она напугана до смерти!

Голоса стали глуше, смешавшись в неразборчивое тревожное гудение. Она боролась, она пыталась связаться с Рилл, но водяная фурия только витала рядом, жалась к ней, сама напуганная животным страхом Исаны. Чем сильнее ощущала Исана свою беспомощность, тем больше слабела ее мысленная защита, и страх всех, кто был в зале, наваливался на нее, сковывая по рукам и ногам. Она уже не следила за тем, кто и что говорил, и просто зажмурилась в смятении.

– Не знаю. Она просто упала. Кто-нибудь еще видел?

– Госпожа?

– Исана! Ох, великие фурии, сначала брат, а теперь и она... Что же за день такой ужасный!

Исана открыла глаза и оттолкнула Отто – тот пытался открыть ей рот и посмотреть, не подавилась ли она чем-то.

– Подержите ее!

– Исана, успокойся!

– Она не дышит!

Через толпу к ней протолкался Корд, но она смотрела мимо него – туда, где сидели у огня, не обращая на себя внимания, его сыновья. Биттан тоже смотрел на нее, и теперь на красивом лице его играла недобрая, жесткая улыбка. Он сжал руку в кулак, и на Исану ударом обрушилась новая волна паники, лишившая ее на мгновение способности ясно мыслить.

Рядом с Биттаном сидел Арик. «Арик, – подумала Исана. – Заклинатель ветра». Старший сын Корда не смотрел на нее, но сложил пальцы в характерную фигуру, и лицо его сосредоточенно застыло.

Ее глаза начинала застилать черная пелена, и она из последних сил пыталась шепнуть что-то Олдо, который так и продолжал с перепуганным видом держать ее.

– Исана, – бормотал он. – Исана, я тебя не понимаю.

Все покачнулось, и Исана вдруг оказалась лежащей на столе, и все вокруг вертелось. Появился Корд, от которого резко пахло немывтым телом и жареным мясом. Он глянул на нее сверху вниз:

– По мне, так она просто ударилась в панику. Успокойся, женщина. Не пытайся говорить. – Он наклонился к самому ее лицу, прищурил глаза. – Не стоит, – чуть слышно, но угрожающе прошептал он. – Не пытайся говорить. Успокойся и молчи. Может, это пройдет.

Исана попыталась оттолкнуть Корда, но он был слишком большим, слишком тяжелым, а руки ее – слишком слабыми.

– Все, что от тебя требуется, – это кивнуть, – продолжал шептать он. – Будь пайнкой и не мешай всему идти как идет. Тогда все будет хорошо.

Она смотрела на него, ощущая свою беспомощность, чувствуя, как страх окончательно лишает ее контроля над собой. Она понимала, что это Биттан усиливает страх, но даже понимание этого не помогало ей справиться с диким животным ужасом. Она не сомневалась: если она не уступит Корду, он спокойно даст ей умереть.

Ярость вдруг охватила ее, внезапная жаркая вспышка, сразу испарившая страх. Исана подняла руки, целясь ногтями Корду в глаза. Он успел отшатнуться, отделавшись неглубокими царапинами на щеках, и взгляд его вспыхнул злобой.

Исана нашла в себе силы сесть, хотя в глазах ее потемнело еще сильнее. Она ткнула дрожащим пальцем в сторону огня.

Все повернулись в ту сторону – и глаза Олдо расширились от внезапной догадки.

– Чертовы вороны! – зарычал он. – Это придурак Корда убивает ее!

Все громко ахнули. Замешательство сразу охватило зал – эмоций в нем и так хватало, чтобы оно разгорелось как искра в сухой траве. Все кричали, не слыша друг друга.

– Что? – оглядывался по сторонам Рот. – Кто? Что?

Олдо повернулся и начал проталкиваться к огню, но почти сразу же вскрикнул и повалился, споткнувшись о выросшую под ногами складку пола. Камень пошел волнами, словно скомканная плотная материя. Молодой доминус повернулся и выкрикнул команду тяжелой деревянной скамье у стола. Дерево выгнулось дугой и треснуло, как старая кость, «выстрелив» в Корда острыми, как кинжалы, щепками.

Рослый доминус пригнулся к Исане, уклоняясь от щепок, хотя одна из них все-таки полоснула его по щеке, рассадив ее до крови. Корд отвел руку назад и с размаху опустил кулак на Исану.

Она скатилась со стола за долю мгновения до того, как удар Корда раздробил тяжелую дубовую столешницу в щепки. Из последних сил на четвереньках поползла она к огню и человеку, чья фурия медленно, но верно душила ее.

Она увидела у огня фигуру Линялого – тот смотрел на воцарившийся кавардак разинув рот, так и не выпуская из руки половника. Потом он всхлипнул и повернулся, чтобы бежать, но споткнулся о ногу только что вставшего Биттана, опрокинув того на пол. Линялый взвизгнул и тоже упал, расплескав похлебку из миски и половника.

Горячее варево попало точнехонько в нахмуренное лицо Арика, тот громко закричал от боли и неожиданности.

Исана вдруг обрела способность дышать. Только что царившее в зале всеобщее замешательство сразу исчезло, словно его и не было. Пару секунд люди оглядывались по сторонам и жались к стенам, сбитые с толку внезапным избавлением от чар.

– Остановите их! – прохрипела Исана. – Остановите Корда!

– Проклятая сучка! – взревел Корд. – Я убью тебя!

Здоровяк повернулся, и Исана почти физически ощутила дрожь земли, когда тот, призвав на помощь силы своей фурии, оторвал от стола разбитую столешницу и замахнулся ею. Олдо с трудом встал и бросился Корду в ноги. Тот потерял равновесие, и столешница, пролетев мимо Исаны, врезалась в стену. Корд отшвырнул Олдо, как щенка, в сторону и снова повернулся к Исане.

Исана пыталась отползти подальше, отчаянно призывая Рилл на помощь. Люди снова закричали в смятении, и дверь с грохотом отворилась. Воздух сгустился, и порыв ветра с визгом вылетел из дымохода, швырнув в Исану тучу раскаленных углей. Она вскрикнула и упала ничком в ожидании боли от ожогов.

Однако угли пронесли над ней, и она услышала вопль Корда.

– Эй, Корд, лживый слайв! – прохрипел с лестницы Уорнер.

Он стоял в чем мать родила, если не считать обернутого вокруг талии полотенца; по коже его стекала вода, а курчавые волосы были покрыты шапкой мыльной пены. За его спиной изготовились, обнажив мечи, сыновья-легионеры.

– Давно пора научить тебя вежливому обращению с женщиной. Уройте-ка их, ребята! – завопил Уорнер, вытаращив глаза.

– Отец! – крикнул, перекрывая шум, Арик.

Сыновья Уорнера скатились с лестницы.

– Отец, дверь!

– Стойте! – закричала Исана. – Эй, вы, всем стоять! Никакого кровопролития в моем доме!

Кто-то навалился на нее сзади и с силой прижал к полу. Она дернулась, извернулась и увидела Линялого.

– Линялый, – прохрипела она. – Слезь с меня сейчас же!

– Линялому больно! – захныкал раб и, словно ребенок-переросток, спрятал лицо у нее между лопатками. – Не нужно больно!

Корд взревел, схватил первого из ринувшихся на него сыновей Уорнера одной рукой за запястье, другой – за пояс и швырнул его в стену. Не дожидаясь, пока тот сползет по ней на пол, он бросился к дверям. Арик с Биттаном следовали за ним по пятам; обитатели домена Бернарда опасно жались к стенам, не преграждая им дорогу. Корд с разбегу врезался в дверь, сорвав одну из створок с петель, и в зал ворвались гул дождя и завывания ветра, почти мгновенно скрывшие из виду и Корда, и его сыновей.

– Пусть уходят! – крикнула Исана таким звонким от волнения голосом, что остальные двое сыновей Уорнера застыли как вкопанные, глядя на нее. – Пусть уходят, – повторила Исана.

Она наконец высвободилась из-под Линялого и огляделась по сторонам. Олдо лежал на полу, задыхаясь, а у стены виднелось неподвижное тело старшего сына Уорнера. В противоположном конце зала старая Битте склонилась над не подававшим признаков жизни Бернардом, хотя скрюченные пальцы ее крепко сжимали железную кочергу.

– Исана! – возмутился Уорнер. Придерживая одной рукой полотенце, он спускался по лестнице. – Не можем же мы отпустить их просто так! Таких зверей опасно оставлять на воле!

Тут усталость и головная боль, смешавшись с осадком от страха и напряжения, навалились на Исану, и ее стало трясти. На мгновение ей пришлось даже низко опустить голову и приказать Рилл осушить ее глаза от слез.

– Пусть уходят, – еще раз повторила она. – У нас хватает своих хлопот с ранеными. А этих убьет гроза.

– Но...

– Нет, – отрезала Исана и оглянулась на остальных доминусов. Рот медленно поднимался на ноги, трясая головой. Отто поддерживал старшего соседа под локоть, и на почти лысой голове того блестел пот. – Нам нужно заняться ранеными, – напомнила им Исана.

– Что случилось? – пробормотал Отто. – Чего это они?

Рот положил руку на плечо Отто:

– Они наложили на нас чары. Огонь. Верно, Исана? Делали так, чтобы мы боялись сильнее, чем полагалось бы.

Исана кивнула. В душе она была благодарна Роту и понимала, что как заклинатель воды он почувствует это. Он коротко улыбнулся ей.

– Но как, – потрясенно спросил Отто, – как они проделали все это, а мы ничего и не заметили?

– Мне кажется, – сказала Исана, – что Биттан нагнетал все это постепенно. Ну, как подливаешь в ванну горячей воды понемногу – так, что сидящий в ней этого не замечает.

Отто зажмурился:

– Я знал, что вы умеете передавать эмоции другим, но не думал, что таким образом.

– Большинство граждан, владеющих заклинанием огня, делают это в той или иной степени, – пояснила Исана. – Почти каждый сенатор может делать это, даже сам того не сознавая. Грэм – так тот все время делает это.

– Ну да, – вслух размышлял Рот. – И покуда его сынок занимался этим, Корд кормил нас всем этим вздором насчет возможного наводнения – а мы уже были достаточно встревожены, чтобы верить в разумность его речей.

– Ох, – вздохнул Отто. Он кашлянул и залился румянцем. – Ясно. Ты поздно спустилась, Исана, а то бы мы это раньше заметили. Но почему ты ничего нам не сказала?

– Потому что тот, другой, душил ее, балда ты этакая, – рявкнул Олдо, так и не поднимаясь с пола. – И ты сам видел, что пытался сделать с ней Корд.

Голос его прозвучал хрипло, потому что поврежденная нога изрядно болела.

– Говорил я вам всем, – с плохо скрываемым удовлетворением подал голос Уорнер. – Они все опасная шайка.

– Уорнер, – устало вздохнула Исана. – Ты бы пошел оделся.

Доминус посмотрел на себя и, похоже, впервые заметил свою наготу. Он покраснел, промямлил что-то в свое оправдание и поспешил выйти из зала. Отто снова помотал головой:

– Все равно не верится, чтобы кто-то смог повернуть такое.

– Отто, – буркнул Олдо. – Ты бы хоть изредка пользовался головой не только для того, чтобы крутить ею перед зеркалом. Бернارد ранен, и сын Уорнера тоже. Опускай их в ванну да исцели как следует.

Рот решительно кивнул, собираясь с силами.

– Конечно. Доминус Олдо, – он склонил голову перед молодым соседом, – был прав с самого начала. Исана, я обещаю помочь тебе всем, чем смогу, и Отто вот тоже.

– Я? – встрепенулся Отто. – Ох, ну да, конечно. И как это мы, Исана, могли вести себя так глупо! Разумеется, мы поможем.

– Детка! – окликнула ее Битте, отвернувшись на пару секунд от неподвижного тела Бернарда. Голос ее сделался необычно резким. – Исана, времени больше нет.

Исана повернулась к Битте. Лицо старухи побелело как полотно.

– Твой брат... Он умер.

Глава 10

Тави пошатнулся от внезапного удара ветра. Девушка поймала его за руку, удержав на ногах, а свободной рукой швырнула назад несколько кристалликов соли из тех, что он дал ей пару часов назад. Послышался пронзительный визг, и слабо светившийся силуэт налетевшего на них ветрогрива распался на куски.

– Вот и все, – крикнула она, перекрывая шум ветра. – У меня соль кончилась!

– У меня тоже! – отозвался Тави.

– Далеко еще?

Он прищурился, пытаясь увидеть хоть что-то сквозь дождь и темноту, дрожа и почти ничего не соображая от холода.

– Не знаю, – признался он. – Ничего не вижу. Мы должны быть где-то совсем рядом.

Она прикрыла рукой глаза от ледяного дождя:

– «Почти» нам недостаточно. Они возвращаются.

Тави кивнул.

– Смотри внимательно, не увидишь ли света, – сказал он и крепче стиснул ее руку, прежде чем шагнуть вперед, в темноту.

Ее пальцы тоже сжались. Рабыня была сильнее, чем казалось на первый взгляд, и, хотя его рука давно онемела от холода, ее пальцы причинили ему боль. Ветер и прятавшиеся в нем ветрогривы злобно ревели.

– Они приближаются, – прошептала она. – Если мы хотим выбраться, это надо делать сейчас.

– Это где-то близко. Должно быть близко. – Тави изо всех сил прищурился, вглядываясь в темноту. И тут он увидел его краем глаза: слабое золотое свечение. Должно быть, в темноте он сбился с дороги и взял чуть в сторону. Он резко развернулся и дернул девушку за руку. – Вон! Огонь! Вон там! Надо бежать туда.

Из последних сил напрягая негнущиеся ноги, Тави ринулся вперед. Теперь они поднимались по пологому склону. Дождь слепил его и заслонял свет пеленой, поэтому Тави он казался не ярче горящей свечи, но и этого хватало, чтобы он не сбивался с нужного направления. Молнии то и дело озаряли небо вспышками, а ветрогривы визжали почти у них над головами.

Даже сквозь рев ветра до Тави доносилось тяжелое дыхание рабыни – ее силы тоже явно были на исходе. По мере того как они приближались к заветному огню, она оступалась все чаще. Снова завизжали ветрогривы, и Тави, оглянувшись, увидел, как один из них вырвался вперед с перекошенным от голода и злобы призрачным лицом.

Глаза девушки расширились, когда она увидела выражение лица Тави, и она начала поворачиваться – но медленно, слишком медленно, чтобы успеть отбить нападение.

Тави сделал шаг назад и схватил ее обеими руками за запястье. Он протащил ее мимо себя и изо всех сил толкнул вперед, в направлении огня.

– Беги! – крикнул он. – Внутрь, быстро!

Ветрогрив налетел на Тави, и внезапно весь воздух куда-то делся из его легких, а в теле, казалось, не осталось ни капли тепла. Он почувствовал, как его ноги оторвались от земли и гроза легко – как листок – швырнула его вниз по склону, прочь от убежища на вершине. Он катился кувыркком, расслабив руки и ноги, изо всех сил стараясь не остановиться слишком рано, пока не окажется у самого подножия холма. Перед глазами на мгновение возник освещенный вспышкой молнии большой серый камень, и он услышал собственный крик, когда отчаянным усилием увернулся от него.

Внизу мелькнул отблеск света на воде, и он направил свое падение к ней, хотя страх и лишил его уже почти всякой надежды. Он остановился посреди грязной лужи, мелкой, но

обжигающе холодной. Руки его увязли в грязи почти по локоть. Он рывком вытащил их и повернулся как раз вовремя, чтобы заметить летевшего на него ветрогрива.

Тави перекатился вбок. Вязкая грязь затрудняла движения, и смертельный холод ветрогрива снова сгустился у его носа и рта, лишив возможности дышать. Он забился изо всех сил, но бесполезно. Как он мог помешать фурии душить его? Это не проще, чем, скажем, раскинуть руки и взлететь над грозой.

Тави знал, что у него остался всего один шанс – и тот сомнительный. Он с усилием поднялся на ноги, подпрыгнул и ничком бросился в жидкую грязь. Грязь и ледяная вода, взбитые бурей до консистенции густого пудинга, скользили по нему. Он попытался уйти еще глубже, окунув и лицо в грязь. Потом перевернулся на спину.

И вдруг вновь обрел способность дышать.

Тави заморгал, пытаясь разглядеть ветрогрива, но тот смотрел в другую сторону. Фурия извивалась у того места, где только что нападала на него, и взгляд ее голодных светящихся глаз метался во все стороны, ни разу не задержавшись на Тави. Ветрогрив завизжал, и на этот призыв ринулось с полдюжины его приятелей, закружившихся в поиске вокруг того места, куда упал Тави.

Тави поднял руку, чтобы вытереть грязь с глаз, и губы его скривились в свирепой ухмылке. Он не ошибся. Земля. Враждебная фуриям воздуха земля облепила его с головой, спрятав от них. Вот только какая же она холодная! Тави смотрел на извивавшихся ветрогривов, и холод пронизывал его до костей. Ветрогривы пока не угрожали ему. Надолго ли?

Дождь не переставал, забрызгивая глаза Тави жидкой грязью. Этот же дождь смывает защищавший его слой грязи, и очень быстро, если он, конечно, еще раньше не замерзнет до смерти. Двигаясь как можно тише и осторожнее, он протянул руку, зачерпнул пригоршню грязи и вылил себе на грудь и живот, где от старого слоя уже почти ничего не осталось.

Тави гляделся сквозь грозу вверх, в направлении горевшего на вершине холма огня. Собственно, самого огня почти не было видно, только чуть выделявшиеся в темноте очертания входа в темную постройку. Никаких признаков рабыни он не увидел, из чего следовало, что та либо в безопасности, либо мертва. В обоих случаях он сделал для нее все, что мог. Он громко зашипел от досады.

И сразу же трое ветрогривов обратили на него свои светящиеся глаза и поплыли сквозь грозу прямо в направлении его рта.

Он сдержал зародившийся было у него в груди крик. Вместо этого он еще несколько раз перекатился по грязи и только потом вскочил на ноги. Оглянувшись, он увидел, как ветрогривы крутятся возле места, где он только что лежал. Выходит, они его не видели, но уж наверняка слышали. Даже сквозь грозу они услышали его дыхание. Теперь-то он едва осмеливался дышать... интересно, услышат ли они его, когда он будет двигаться?

А... все равно, решил он. Так или иначе, дождь выставит его на обозрение, не пройдет и пары минут. Ему необходимо убраться с открытого места под крышу. Ему придется попытаться проскользнуть мимо разъяренных фурий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.